

ПРАВИТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА

Юридический факультет
Научно-исследовательская лаборатория

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

*Научно-теоретический и информационно-практический
межрегиональный журнал.
Основан в 2004 г.*

Журнал включен ВАК Министерства образования и науки РФ в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук».

**№ 3 (9)
2007**

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (9)

Редакционный совет:

В. Н. Скворцов (председатель), *Н. Н. Вопленко*, *В. В. Кириллов*,
В. И. Леушин, *А. Ф. Малышевский*, *Е. С. Нарышкина*, *И. Ф. Покровский*,
В. П. Реутов, *В. Ф. Ружейников*, *В. А. Сапун*, *С. Л. Сергевнин*,
В. М. Сырых, *Г. П. Чепуренко*.

Редакционная коллегия:

Главный редактор *В. А. Сапун*
Г. Г. Бернацкий (зам. главного редактора), *С. Ю. Крицкая*, *Л. Б. Смирнов*,
К. В. Петров (отв. секретарь), *И. Ф. Ракитская*, *М. Г. Смирнова*,
Г. В. Стельмашук, *Г. П. Чепуренко*.

Экспертный совет:

В. К. Бабаев, *Н. А. Власенко*, *О. А. Городов*, *В. В. Лазарев*,
Т. В. Кашинина, *М. Н. Марченко*, *Н. И. Матузов*, *Е. Ф. Мосин*,
В. Ф. Попондопуло, *Н. А. Придворов*, *И. Л. Честнов*.

Статьи рецензируются. Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.

Тексты статей даются в авторской редакции.

*Без предварительного согласования с издателем
запрещается воспроизведение в любом виде и в любых целях.*

Журнал издается 4 раза в год.

Оформить подписку на журнал можно в отделениях связи
по каталогу Роспечати. Наш индекс 46786.

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС 77-18800 от 25 октября 2004 г.

Адрес редакции:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Санкт-Петербургское шоссе, 10
тел.: (812) 747-10-86, e-mail: lenjurmag@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПРАВА

<i>Н. А. Придворов, Г. С. Брыксина.</i> Правовой режим органа государственной власти (теоретико-правовой аспект)	5
<i>В. С. Бреднева.</i> Системный анализ структурных компонентов правосознания	22
<i>Ю. Г. Арзамасов.</i> Природа юридической деятельности	33

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА

<i>В. А. Затонский.</i> Политико-правовое участие как фактор формирования эффективной государственности: вопросы теории и избирательной практики	53
<i>А. В. Герасимов.</i> Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ	71

ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ (DE LEGE LATA)

<i>В. Г. Павлов.</i> Квалификация преступлений против правосудия со специальным субъектом	87
<i>А. В. Акиннеева, Р. Г. Степанов.</i> Возбуждение уголовного дела по делам о мошенничестве с использованием платежных карт	117
<i>Л. А. Копенкина.</i> О совершенствовании ст. 127-1 УК РФ (торговля людьми)	121

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

<i>С. Ю. Крицкая.</i> Преюдиция в российском и римском праве	128
--	-----

ИЗ ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА (К ЮБИЛЕЮ ТРЕХ РЕВОЛЮЦИЙ)

<i>В. И. Короткевич.</i> Состав и судьба членов последнего Временного правительства	138
<i>И. Н. Олегина.</i> П. Н. Милюков: монархия или республика для России? (эволюция взглядов)	170
<i>Е. Ф. Мосин.</i> Налоговое администрирование в России в эпоху двух революций: замыслы, проблемы, решения	182

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Л. А. Мусаелян.</i> Рецензия на книгу А. С. Бондарева «Правовая антикультура в правовом пространстве общества» (Пермь, 2006. 192 с.)	191
---	-----

АСПИРАНТСКИЙ ВЕСТНИК

<i>Ю. В. Субботин.</i> Естественно-правовые идеи Т. Гоббса и Б. Спинозы: проблемы соотношения	198
<i>О. Ю. Глухова.</i> Институт диспозитивности как элемент свободы ...	204
<i>С. А. Малько, Д. С. Семикин.</i> Эффективность судебно-правовых актов в арбитражном процессе: средства повышения	212

ПЕРСОНАЛИИ

<i>В. В. Меркурьев.</i> Николаю Александровичу Коломытцеву – 60 лет!	221
--	-----

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПРАВА

Н. А. Придворов*

Г. С. Брыксина**

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОРГАНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

В условиях проводимой в нашей стране административно-правовой реформы особое значение приобретают вопросы эффективной организации и функционирования всей системы органов государственной власти, которое невозможно без формирования в публично-правовой сфере общих принципов, концентрирующих в себе своеобразие государственных органов как специальных субъектов права.

Носителем своеобразия любого субъекта права традиционно считается его правовой статус, в котором концентрируются все его существенные характеристики: правосубъектность, права и обязанности, гарантии их реализации, ответственность и т. д. Однако положение органа государственной власти существенно отличается от положения любого индивидуального субъекта права (применительно к которому доктриной права разработана концепция правового статуса) и поэтому требует качественно иной, чем правовой статус, юридической конструкции своего закрепления и регулирования. Так, для любого государственного органа обязательна ориентация на детальную регламентацию государством основных направлений, характеристик его деятельности путем указания

---

* Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса Института права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина.

** Кандидат юридических наук, ст. преподаватель кафедры правовых дисциплин филиала Поволжской академии государственной службы им. П. А. Столыпина в г. Тамбове.

на границы, объекты, типы и способы правового регулирования, не являющиеся компонентами правового статуса, но входящие в категорию «правовой режим».

Термин «правовой режим» все активнее используется в научной литературе, все более прочно утверждается в качестве одной из важнейших категорий в теории права и государства и отраслевых науках. Данное понятие весьма богато по содержанию и употребляется в различных смыслах и контекстах, в то же время общим является то, что оно олицетворяет функциональную характеристику права – определенный порядок правового регулирования, воплощаемый в комплексе правовых средств, с помощью которых достигаются цели правового регулирования, в частности, юридическая регламентация прав и обязанностей субъектов права.

Обращение в юридической литературе к проблематике правовых режимов совпало по времени с началом периода правового реформирования на рубеже 90-х гг. XX века, в основе которого был заявлен переход к новому качеству правового регулирования. Первоначально речь шла о поиске специальных механизмов, способных в рамках законодательного (в противовес подзаконному, ведомственному) регулирования обеспечить решение насущных проблем, стабилизировать социально-экономические процессы, ограничить влияние негативных факторов как субъективного, так и объективного характера. Именно в данный момент в качестве специально организованного механизма, способного к самостоятельному решению поставленных перед ним задач, отличающегося стабильностью и в то же время динамичностью, возможностью своевременно реагировать на отклонения в социальной ситуации и предотвращать сбои в правовом регулировании, был предложен правовой режим.

Между тем в теории права сложилась парадоксальная, на наш взгляд, ситуация. С одной стороны, правовой режим – многозначное, межотраслевое и междисциплинарное понятие, правомерно используемое в различных областях научного знания, которое прочно вошло в юридическую терминологию и общественно-политический лексикон для обозначения различных правовых состояний в ряде отраслей права (административном, земельном, экологическом и др.). С другой стороны, оно остается одним из наименее изученных и наиболее сложных в правоведении, представляя обширное поле для научных дискуссий об универсальном понятии, сущности, предназначении и характере правовых режимов.

Рассматриваемый нами правовой феномен подвергался более или

менее глубокому анализу уже давно, однако предельно четкого представления о категории «правовой режим» так и не было получено. Условно можно выделить три причины подобной ситуации. Во-первых, в юридической литературе отсутствует единство мнений в отношении общетеоретической сущности правовых режимов. Во-вторых, данная категория сравнительно недавно стала широко использоваться в различных отраслях права за пределами рамок административного управления и ведомственного нормотворчества, и, как следствие, в-третьих, термин «правовой режим» относительно свободно и часто неоправданно используется законодателем в различных нормативно-правовых актах.¹ В итоге, несмотря на многообразие значений категории «правовой режим» в юридической литературе она недооценена и, в основном, используется в различных отраслях права применительно к характеристике объектов правового регулирования. В целях унификации представлений о сущности правового режима необходимо сначала обратиться к первоначальному смыслу слова «режим», что дает возможность вывести логичное определение термина и позволяет оценить обоснованность его использования законодателем. В переводе с французского *régime* (от лат. *regimen* «правление») означает:

- 1) государственный строй, совокупность средств, методов и способов осуществления власти;²
- 2) строго установленный распорядок жизни (труда, отдыха и т. д.);
- 3) систему обязательных норм, правил, требований, принципов, установленных для определенного вида деятельности;
- 4) определенное состояние, положение, статус субъекта или объекта.³

Относительно определения правового режима существует несколько основных точек зрения. Согласно *первой* из них, правовой режим определяется как «социальный режим некоторого объекта, закрепленный правовыми нормами и обеспеченный совокупностью юридических средств».⁴ Недостатками данного подхода следует признать использование слова «режим» в качестве определяющего, и некоторую нечеткость в самом определении. Однако в данном определении содержится важное

---

¹ См.: Родионов О. С. Механизм установления правовых режимов российским законодательством. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 17 – 20.

² Данная характеристика относится к государственным и политическим режимам.

³ См.: *Micro Robert*. Dictionnaire de français primordial. Paris, 1987. P. 914.

⁴ Исаков В. Б. Механизм правового регулирования и правовые режимы // Проблемы теории государства и права / Под ред. С. С. Алексеева. М., 1987. С. 258 – 259.

упоминание о структурных элементах правового режима: нормах права и других «юридических средствах», которое позволяет сразу же отграничить правовой режим от ряда других общетеоретических категорий, сводимых лишь к совокупности правовых норм. Тем самым правовой режим выступает особой юридической категорией, специфическим средством правового регулирования, объединяющим в себе правовой инструментарий в комплексе.

Приведенное выше определение правового режима как совокупности юридических средств справедливо и для «режима правового регулирования» (термин С. С. Алексеева), под которым автор понимает «особую систему регулятивного воздействия, характеризующуюся специфическими способами регулирования – особым порядком возникновения и формирования содержания прав и обязанностей, их осуществления, спецификой санкций, способов реализации, а также действием единых принципов, общих положений».⁵ В данном случае наблюдается более глубокий анализ проблемы, что проявляется, прежде всего, в обращении не только к структуре правового режима, но и к особенностям его характера: «каждый правовой режим есть именно “режим”, и его понятие несет в себе основные оттенки этого слова ... степень жесткости юридического регулирования, наличие известных ограничений и льгот, допустимый уровень активности субъектов, пределы их правовой самостоятельности».⁶ С. С. Алексеев предлагает также еще одну характеристику правовых режимов, воспринятую другими учеными как традицию, основу которого составляет восприятие правового режима в качестве «порядка регулирования, выраженного в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования».⁷ Данная характеристика составляет сущность *второго подхода* к определению понятия правовой режим. Среди достоинств данного определения – использование подходящего определяющего термина «порядок», а также – углубление в суть явления, подчеркнуто сочетание в режиме императивного и диспозитивного методов как основных средств воздействия на субъектов права. Однако из поля зрения ученого выходит такая существенная черта правового режима как степень его благоприятности или неблагоприятности для субъектов права.

⁵ Алексеев С. С. Общая теория права: в 2-х т. М., 1981. Т. 2. С. 245.

⁶ Алексеев С. С. Теория права. М., 1995. С. 23.

⁷ Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989.

В рамках *третьего направления* под правовым режимом понимается результат регулирующего воздействия на общественные отношения систем (определенного набора) юридических средств, присущих конкретной отрасли права и обеспечивающих нормальное функционирование данного комплекса общественных отношений.⁸ Безусловно, и в этом можно согласиться с Л. А. Морозовой, правовой режим выступает результатом правотворческой деятельности, но можно ли назвать его закреплением уже существующих связей? Попробуем ответить на этот вопрос. Являясь воплощением нормативности права, правовой режим вводится для обеспечения главного социального назначения права – регулирования общественных отношений. Регулятивная функция права реализуется через свои разновидности – регулятивную динамическую и регулятивную статическую. В основе первой – правовые нормы, направленные на обслуживание юридическими средствами тех или иных социальных процессов, вторая – реализует ту часть социального назначения права, которая заключается в закреплении средствами права определенных статусов в обществе, обеспечении стабильности социально-правовых ценностей. Следовательно, правовой режим должен интегрировать в себе, как минимум, две крупные подсистемы:

1. Систему регулятивного воздействия – комплекс юридических средств, соподчиненных в рамках правовой отрасли с соответствующим методом правового регулирования, – так называемый динамический аспект;

2. Результат регулирующего воздействия – достигнутый уровень урегулированности общественных отношений, который проявляется в определенном положении субъектов (объектов) права, – так называемый статический аспект.⁹

В этой связи правовой режим, безусловно, нуждается в более широкой, чем предложенная Л. А. Морозовой, трактовке, в соответствии с которой он «призван обеспечить наступление желаемого социального эффекта»,¹⁰ а не стать им. Правовой режим есть своего рода «укрупненный

---

⁸ См.: Морозова Л. А. Конституционное регулирование в СССР. М., 1985. С. 123.

⁹ См.: Придворов Н. А., Брыксина Г. С. Правовой режим органа государственной власти: вопросы теории и практики. Тамбов, 2006. С. 13 – 14; Брыксина Г. С. Теоретические аспекты понятия и структуры правового режима государственного органа // Вестник Тамбовского государственного университета. 2003. Вып. 2 (30). С. 19 – 20.

¹⁰ Матузов Н. И., Малько А. В. Правовые режимы: понятие и виды // Право и политика: современные проблемы соотношения и развития. Воронеж, 1996. С. 14.

блок» в общем арсенале правового инструментария, и с этой точки зрения эффективное использование правовых средств при решении тех или иных социальных задач состоит в том, чтобы выбрать оптимальный для решения соответствующей задачи правовой режим, искусно отработать его сообразно специфике этой задачи и содержанию регулируемых отношений.¹¹

Следующий этап в разработке понятия «правовой режим» состоял в том, что на основе синтеза ранее рассмотренных точек зрения, с учетом положительных и отрицательных моментов было выработано следующее определение правового режима, ориентированное на функциональную его характеристику: «правовой режим есть особый порядок регулирования, выражающийся в определенном сочетании юридических средств и создающий желаемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права».¹²

Необходимо также упомянуть и о разработках в данной сфере других ученых, не вписывающихся ни в один из рассмотренных подходов, но имеющих значение для разработки комплексного понятия «правовой режим». Несколько вразрез с ранее представленными концепциями выступают определения правового режима как «совокупности институтов права»,¹³ «совокупности правовых норм»,¹⁴ совокупности методов и способов регулирования и др. Так, по мнению Д. Н. Бахраха, под правовым режимом следует понимать «систему закрепленных юридическими нормами правил осуществления определенных действий» посредством определения целей, принципов, форм деятельности и ее объектов, основных прав и обязанностей субъектов.¹⁵ Мнению Д. Н. Бахраха корреспондирует точка зрения Э. Ф. Шамсумовой, согласно которой под правовым режимом понимается «особый порядок законодательного урегулирования деятельности, действий или поведения физических и юридических лиц в различных сферах общественных отношений либо на определенных объектах, включающий в себя установление механизма фактической реализации системы стимулов, нормативов, гарантий, запретов, обязываний,

¹¹ См.: *Алексеев С. С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве. С. 185.

¹² *Матузов Н. И., Малько А. В.* Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. № 4. С. 17 – 18.

¹³ Правовой режим земель в СССР / Отв. ред. Г. А. Аксеньюк, Н. И. Краснов, И. А. Иконицкая. М., 1984. С. 22.

¹⁴ *Юридический словарь* / Под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1956. С. 326 – 329.

¹⁵ *Бахрах Д. Н.* Важные вопросы науки административного права // Государство и право. 1993. № 2. С. 42 – 43.

ограничений, а также применение мер принуждения и привлечение виновных к ответственности».¹⁶ Однако, принимая во внимание ряд моментов (противоречивость в авторских оценках одних и тех же аспектов проблемы, громоздкость основного определения, перегруженность синонимическими конструкциями), следует отметить, что при достаточно обширном анализе различных сторон проблемы авторская позиция Э. Ф. Шамсумовой нуждается в определенной корректировке.

Безусловно, в каждой из вышеперечисленных характеристик правового режима имеется рациональное зерно, в связи с чем можно выделить основные черты, характеризующие объект исследования, и систематизировать их. В результате синтеза основных точек зрения можно констатировать, что правовой режим есть некоторая система «Х»,¹⁷ совокупность некоторых явлений, призванных обеспечить достижение целей правового регулирования (в том числе беспрепятственную реализацию интересов субъектов права).

Дальнейшее исследование упирается в отсутствие так называемого «определяемого» слова. Нами предлагается использование термина «порядок», так как восприятие правового режима как совокупности норм или институтов права существенно обедняет его содержание, превращает его в статическое явление, отождествляя с более или менее значительной группой правовых норм, закрепленных в нормативно-правовом акте. Напротив, при употреблении слова «порядок» правовой режим превращается в динамическую категорию, в которой можно выделить как его структурные элементы, так и стадии реализации. При этом следует иметь в виду, что речь идет именно об особом порядке правового регулирования, поскольку он вводится в действие по специфическим мотивам, с учетом самобытности социальной ситуации, и неприменим в том же виде в каких-либо других сферах.

Таким образом, мы получили первичную основу для наиболее подходящего определения: правовой режим – это особый порядок правового регулирования, служащий для беспрепятственной реализации основных целей правового регулирования (и в том числе интересов субъектов права). Безусловно, подобная формулировка грешит некоторой бедностью

¹⁶ Шамсумова Э. Ф. Правовые режимы (теоретический аспект). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 15.

¹⁷ Системность и достаточно сложная структура правовых режимов проистекают из всех рассмотренных концепций, независимо от того, каким содержанием наполняют их авторы понятие правового режима.

содержания, в связи с чем необходимо выделить ряд других характерных признаков правового режима. Исходя из того, что правовой режим представляет собой сложную систему взаимосвязанных элементов, оправданным, с нашей точки зрения, является обращение к системному анализу объекта исследования, который позволит раскрыть природу, сущность, назначение правовых режимов, многообразие и взаимодействие их составляющих и на этой основе выработать более полное, четкое и, надеемся, исчерпывающее понятие правового режима. Применение системного подхода тем более ценно, что «по существу, все государственные и правовые явления можно рассматривать как системы, которые между собой связаны и опять-таки составляют системы».¹⁸ В сфере права взаимодействуют организованные структуры, представляющие собой разнопорядковые (нормативные, государственно-правовые, кибернетические и др.) системы, которые можно расчленить на составляющие их взаимосвязанные подсистемы и элементы. Все они, будучи определенным образом организованными и упорядоченными, выполняют соответствующие задачи, реализуют те или иные функции управления, направленные на достижение поставленных целей.

Выработанное нами промежуточное определение правового режима, по сути, совпадает с определением любой социально-правовой системы, предложенным Н. В. Витруком, в котором система – это «совокупность (комплекс) взаимосвязанных и взаимодействующих частей (элементов) целого, функционирование которых ориентировано на достижение поставленной цели».¹⁹ Особое внимание следует обратить на внутренние связи между компонентами правового режима, которые имеют преобладающее значение, так как делают объект исследования системой и выявляются поэтому лишь на системном уровне его рассмотрения. В системном подходе они называются системообразующими связями (факторами), благодаря присутствию которых система приобретает свойство целостности – наличие новых интегративных качеств, отсутствующих у отдельных компонентов, но возникающих в результате их взаимодействия в определенной системе.

Приступая к изучению любого системного образования, необходимо выделить составляющие его части, подсистемы и элементы, выявить организацию и взаимодействие этих частей, подсистем и элементов, то

---

¹⁸ Витрук Н. В. Сложные динамические системы в сфере государственно-правовой надстройки // Основы применения кибернетики в правоведении. М., 1977. С. 29.

¹⁹ Там же.

есть структурное построение этой системы. Следующим срезом анализа должно стать выявление характера взаимодействия подсистем между собой в ходе функционирования для достижения поставленных целей, что позволит выделить образование правового целого, элементы которого характеризуются такими правовыми качествами и признаками, как единство, целенаправленность, информативность и управляемость.

Суммируя вышесказанное, констатируем, что анализ правового режима как системы правового порядка должен быть направлен на выявление: а) составных элементов системы, их свойств и функций внутри системы; б) связей и отношений элементов системы, т. е. внутренней структуры системы; в) интегративных свойств системы и ее функций; г) зависимости внутренней структуры системы от ее внешних связей и функций; д) закономерностей, в соответствии с которыми функционирует система.²⁰

Изучение внутренних свойств системы правового режима следует проводить с учетом системно-компонентных, системно-структурных, системно-функциональных и системно-интегративных аспектов. Системно-компонентный аспект дает ответ на вопрос, из каких элементов состоит правовой режим, то есть отражает особенности его компонентного состава. Системно-структурный анализ, в широком смысле этого понятия, касается способа взаимосвязи и взаимодействия образующих его частей. Системно-функциональный и системно-интегративный аспекты позволяют ответить на вопрос о функциях рассматриваемого явления как в интегративном результате функционирования его компонентов, функции которых, в свою очередь, во многом определяются их взаимодействием в рамках системы. Таким образом, наше внимание сосредотачивается на двух ключевых объектах – «структуре» и «функциях» правового режима.

Место и роль структуры в существовании всякой социальной системы определяется тем, что именно она является материальным носителем ее внутренней упорядоченности, обуславливает присущую ей целостность и относительную устойчивость. В этом смысле понятие структуры отражает «статическую» системы. Исследование данного статического момента системы обычно называют структурным анализом и предлагают рассматривать его в качестве одного из конкретных, относительно самостоятельных аспектов системного подхода. Следует при этом иметь в виду, что правильное

---

²⁰ См.: Анализ систем научного знания / Под ред. Я. Ф. Аксина, Т. К. Никольской. Саратов, 1974. С. 14.

понимание и плодотворное использование структурного анализа возможно лишь на основе выявления и дифференциации совокупности образующих систему компонентов (компонентного анализа), качественная природа которых, их связи и взаимодействия влияют не только на структуру, но и другие стороны, свойства и особенности той или иной системы. Структура любого объекта представляет собой «совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, то есть сохранение основных свойств при различных внутренних и внешних изменениях».²¹

Относительно структуры правового режима сложилось три основных подхода:

1. Правовой режим отождествляется с механизмом правового регулирования, в результате чего совпадает и их структура;
2. Правовой режим – это институт права, и его структуру составляет совокупность правовых норм;²²
3. Понятие правового режима шире понятия механизма правового регулирования (МПР), поэтому в структуру правового режима помимо элементов МПР входят принципы права, методы правового воздействия и т. д.²³

Для того, чтобы определиться в точке зрения, необходимо обратиться к сравнительному анализу правовых режимов и «смежных» общетеоретических категорий:

1. «Правовой режим» и «норма», «институт», «отрасль права» различаются по содержанию и объему. Последние три, будучи элементами содержания права, включаются в текст нормативно-правового акта или целой группы актов. Правовой режим, в свою очередь, тоже устанавливается этими актами, но не охватывается ими полностью лишь путем изложения определенного правила поведения. Правовые нормы, естественно составляют основу правового режима в регулируемой режимом ситуации, однако он не сводится к их совокупности. Институт и отрасль права включают все те же «тематические» родственные правила поведения, правовой режим же, помимо норм права, складывается из правоотношений, юридической ответственности, комплекса юридических фактов и т. д. Правовыми средствами, мотивирующими поведение субъектов, выступают не сами нормы права...

²¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1995. С. 657.

²² См.: *Розанов И. С.* Административно-правовые режимы по законодательству Российской Федерации, их назначение и структура // Государство и право. 1996. № 9. С. 85.

²³ См.: *Теория юридического процесса* / Под ред. В. М. Горшенева. Харьков, 1985. С. 152 – 156.

а те меры информационно-психологического воздействия, которые в них содержатся... – правовые стимулы и ограничения».²⁴

2. «Правовой режим» и «механизм правового регулирования». Правовой режим есть специфический механизм правового регулирования, направленный на конкретные виды объектов (субъектов), в рамках которого последние действуют. Правовой режим включает в себя несколько правовых блоков, каждый из которых реализуется через МПР. Можно сказать, что правовой режим – это проекция МПР на конкретную социальную ситуацию. Данные категории не совпадают и по содержанию: помимо элементов МПР (норм права, юридических фактов, актов реализации права, правоприменения), составляющих механизм реализации правовых режимов, в его содержание входят субъекты, их правовые статусы, объекты, методы взаимосвязи конкретных видов субъектов с объектами, система гарантий, в том числе юридическая ответственность за нарушение режимных требований. Для правового режима имеют важнейшее значение такие условия, как время, пространство, круг лиц, на которые он распространяется, наполняющиеся конкретным содержанием в соответствии с регулируемыми социальными процессами.²⁵

В результате проведенного сравнительного анализа можно с уверенностью констатировать, что правовой режим является разновидностью правового состояния, не сводимого ни к совокупности юридических норм, ни к механизму правового регулирования. Это именно «укрупненный блок», который соединяет в единую рабочую конструкцию определенный комплекс правовых средствсообразно возникающим целям.²⁶ В то же время следует отметить, что при любом подходе в качестве основного структурного компонента предлагается тот или иной набор юридических средств, к которым относятся явления правовой действительности (в том числе нормы права, нормативные акты, правоотношения, акты реализации прав и исполнения обязанностей, правоприменительные акты, различные санкции, стимулы, ограничения, принципы права, методы правового воздействия и т. д.), призванные обеспечить достижение целей правового регулирования, действуя в единой связке – «цель – средство – результат».²⁷

²⁴ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве // Правоведение. 1998. № 3. С. 134.

²⁵ См.: Матузов Н. И., Малько А. В., Политико-правовые режимы: актуальные аспекты // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 66.

²⁶ См.: Алексеев С. С. Теория права. С. 243.

²⁷ Малько А. В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 1998. № 8. С. 66.

Главное научное и практическое прикладное значение правовых средств состоит в том, что они характеризуют активно-действенный, функциональный аспект правовых явлений. Как справедливо отмечает С. С. Алексеев, «вопрос правовых средств, не столько вопрос обособления в особое подразделение тех или иных элементов, сколько вопрос их особого видения в строго определенном ракурсе – функционального предназначения, их роли как инструментов оптимального решения социальных задач».²⁸

В общем наборе правовых средств принято различать следующие основные уровни:

1. Уровень основных элементов механизма правового регулирования в целом (юридические нормы, правоотношения, акты реализации права, правоприменительные акты);

2. Уровень целостных правовых режимов, направленных на реализацию специальных задач в процессе правового регулирования и состоящих из блока правовых средств, обеспечивающих льготный или ограничительный порядок в регулировании;

3. Уровень операционального юридического инструментария, используемого в оперативной деятельности юридических органов, должностных лиц, граждан, к которым относятся жалоба, иск, штраф и т. д.²⁹

Исходя из деления правовых средств по субстанциональным уровням, в рамках правового режима можно выделить те же три группы структурных элементов. Эти элементы группируются не в единой плоскости. Каждая группа представляет собой исчерпывающий набор правовых средств, составляющих правовой режим, и выбор определенной группы зависит от того, под каким углом рассматривается правовой режим:

- если за основу берется функциональная сторона существования правового режима, система разрешения им соответствующих задач, то его структура складывается из элементов механизма правового регулирования;

- если мы рассматриваем сущностный аспект, то основу правового режима будут составлять элементы, характеризующие его по степени благоприятности для субъекта.

Третий блок носит вспомогательный характер и формируется на основе анализа деятельности субъектов режима и учета основных операциональных средств, которые в данном правовом режиме задействованы.

²⁸ См.: Алексеев С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 14 – 15.

²⁹ Там же. С. 16.

Подобно характеристике внутреннего устройства системы, анализ ее функционирования, то есть «динамики», составляет относительно самостоятельный аспект системного подхода (так называемый функциональный анализ) и предполагает использование понятия функций. Опираясь на предложенное в философской литературе понимание функций как избирательного воздействия структуры объекта на определенные стороны внешней среды, можно определить исходные методологические позиции исследования сущности функций правовых режимов. Функции правовых режимов напрямую связаны с функциями правового регулирования в целом, поэтому согласно общему подходу выделяется две основные группы функций правового режима:

1. Общесоциальные (культурно-историческая, воспитательная, контрольная и информационная);
2. Собственно юридические (регулятивная и охранительная).

Кроме того, правовым режимам присущи и некоторые специфические функции, характеризующие их как самостоятельные явления социально-правовой действительности, а именно: мотивационная, коммуникативная, оценивающая, гарантирующая, распределительная и воспитательная функции.³⁰

В рамках «конструирования» понятия правового режима нас, прежде всего, интересуют следующие моменты воздействия правового режима на объекты (в широком смысле) регулирования:

1. Обеспечение устойчивого нормативного регулирования группы общественных отношений: при установлении определенного правового режима изначально определяется статус интересующего объекта (субъекта), создаются условия его функционирования, готовится база развития устанавливаемых отношений, обеспечивается применение санкций за поведение, выходящее за рамки предоставленных полномочий;

2. Определение объекта, в отношении которого устанавливается режим: субъекты права (правоотношений) получают непосредственное представление об интересующем их предмете;

3. Создание условий для удовлетворения интересов субъекта права путем предоставления гарантий в том, что контрагент не будет нарушать его права под угрозой применения санкций. В правовом режиме могут быть отражены и интересы государства, когда оно ставит субъектов правоотношений в ограниченные рамки, и интересы личности,

³⁰ См.: Родионов О. С. Механизм установления правовых режимов ... С. 96 – 107.

хозяйствующего субъекта, – в этом случае государство, наоборот, стремится устранить препятствия, встречающиеся на пути реализации индивидом своих интересов.

Таким образом, в результате системного анализа категории «правовой режим» можно выделить ряд его характерных признаков:

1. Закрепление на законодательном уровне, которое имеет определенные особенности по сравнению с другими юридическими средствами, подлежащими законодательному закреплению:

- данная процедура позволяет четко обозначить комплекс правовых средств, используемых для регулирования ситуации, поскольку текстовое выражение, письменное закрепление юридически значимой ситуации наглядно демонстрирует преимущества и недостатки примененного сочетания правовых средств. Кроме того, такое оформление является определенным стимулом для субъектов права к правомерному поведению в рамках выбранного правового режима;

- субъекты в рамках определенного правового режима уже на начальном этапе регулирования имеют возможность оценить свое положение в данной системе, так как при создании правового режима реализуется попытка нейтрализовать возможную неопределенность (например, наличие бланкетных норм). На уровне нормативного акта, закрепляющего правовой режим, действуют как регулятивные, так и охранительные нормы – своеобразные источники информации для субъектов права и ответственности за нарушение режимных требований, и о преимуществах участия в данном блоке правоотношений.

С легальностью правового режима тесно связана легитимность его установления, которая имеет более глубокое содержание и, помимо законности, правомерности правового режима, включает его поддержку со стороны граждан, основанную на демократическом способе его установления, справедливой и гуманной сущности, объективной необходимости, полезности для граждан, четкости и эффективности функционирования, обеспечении прав граждан.³¹

2. Цель правового режима состоит в том, чтобы посредством выделения во временных и пространственных границах тех или иных субъектов и объектов права специфическим способом регламентировать специфические области общественных отношений. Не следует в данном

---

³¹ См.: Чиркин В. Е. Легализация и легитимация государственной власти // Государство и право. 1995. № 8. С. 25.

случае отождествлять действие правового режима лишь с установлением особой системы правил поведения. В арсенале инструментов правового режима находятся субъекты права, их правовой статус, объекты правоотношений, их положение в системе регулирования, юридические факты и т. д., посредством которых регулируется масштабная ситуация, причем не в статическом ее состоянии, а с учетом развития, в динамике социальных процессов.

3. Это особый порядок правового регулирования, воплощаемый в комплексе правовых средств и характеризующийся особым их сочетанием.

4. Правовой режим создает конкретную степень благоприятности (неблагоприятности) для удовлетворения интересов субъектов права. Важность данной черты заключается в том, что от того, какую ситуацию должен создать правовой режим, зависит степень его закреплённости в законе, цель и структура.

Таким образом, если в функциональном аспекте под правовым режимом понимать определенный порядок регулирования (А. В. Малько, Н. И. Матузов, О. С. Родионов), систему правил (Д. Н. Бахрах) или систему регулирующего воздействия (С. С. Алексеев), то в содержательном аспекте правовой режим – это инструмент регламентации прав и обязанностей всех участников определенных отношений, то есть применительно к специальным субъектам права (в частности, к органам государственной власти) правовой режим – категория, систематизирующая правовые явления и процессы, определяющие специфику положения субъекта:

1) подчиненную закономерностям правового регулирования;

2) учитывающего динамику и статику регулятивного воздействия на общественные отношения;

3) позволяющую систематизировать факторы правового регулирования в качестве юридических средств – инструментов для удовлетворения интересов субъектов права.

Аккумулируя в себе столь разнообразные явления правовой действительности в упорядоченном, систематизированном виде, правовой режим одновременно выступает одной из центральных общетеоретических категорий, разносторонне характеризующих роль государственного органа как специального субъекта права в системе правового регулирования.

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод, что с нашей точки зрения, *правовой режим органа государственной власти выступает как особый нормативный порядок регулирования его положения посредством*

установленных и обеспеченных государством правовых средств, который выражается в особом характере прав и обязанностей (целей, задач, функций), способов и гарантий их реализации, специфике ответственности за нарушение режимных требований, и основывается на действии общих принципов, приводящих все его элементы в единую упорядоченную систему.

Реальную правовую основу деятельности органов государственной власти не могут образовать только статутные, структурные и процедурные акты. Помимо того, что они должны быть взаимосвязаны и согласованы между собой, сами по себе они не обеспечат проникновение права в каждую конкретную управленческую ситуацию. Речь идет о необходимости формирования в публично-правовой сфере общих принципов, конкретизирующих своеобразие органов государственной власти как государственных институтов, которые позволили бы безболезненно проводить большинство изменений (реформирований) во властной сфере, так как любая детальная статическая регламентация (установление, например, правовых статусов) препятствует проведению преобразований.

Закрепление положения (статуса, состояния) органа государственной власти, таким образом, нуждается в несколько иной, отличной от «правового статуса» правовой конструкции, так как положение государственного органа как специального субъекта права качественно отлично от положения гражданина, личности, любого другого индивидуального субъекта права и предполагает качественно иной инструментарий своего закрепления, ориентированный на регламентацию государством основных характеристик его деятельности – своеобразного ранжирования, ограничения определенными правовыми рамками, создания условий для регулирования без пробелов. Это необходимо для сведения к минимуму государственного произвола, обеспечения согласованности в деятельности органов власти, поиска проблем в функционировании органа и своевременного их решения для обеспечения эффективности государственного регулирования.

Отсутствие стабильной правовой регламентации регулирования органа власти не позволяет отраслевым наукам, в частности конституционному и административному праву, раскрыть весь свой потенциал, выработать устойчивые правовые категории, принципы, положения, произвести специализацию и дифференциацию правовых конструкций, создать полноценные классификации и типологии субъектов, объектов, функций, средств, актов, процедур и т. д. Законодательное регулирование системы органов государственной власти (законодательной, исполнительной, судебной) по-прежнему

носит фрагментарный, эпизодический характер. Речь идет не об отсутствии нормативно-правовых актов, а в целом о проблематичности системного регулирования в условиях нестабильности государственно-правовых институтов, что принятием дополнительных законов проблемы не решить. «Системность регулирования предъявляет очень высокие требования к правотворческому процессу, обязывая законодателя каждой новой юридической норме придать системную огранку, соотнести ее с положениями примыкающих правовых институтов».³²

На сегодняшний день законодатель преимущественно отстранился от комплексного регулирования системы федеральной исполнительной власти, уступив место подзаконному нормотворчеству, о чем свидетельствует практический отказ от принятия федеральных законов о конкретном федеральном органе исполнительной власти, если его инициатором не выступает Президент РФ.³³ Закон еще не стал подлинным, фундаментальным источником полномочий органа государственной власти, его «юридической энергии» не хватает, чтобы упорядочить формирование деятельности конкретных должностных лиц.

В этих условиях основной задачей становится изучение и оформление существенных характеристик деятельности органов государственной власти как самостоятельных, специфических политических институтов, отличных от других коллективных субъектов права. В рамках теории правового режима предполагается осветить обозначенные выше проблемы, наметить основные пути их решения, так как без использования обширного, богатого понятийного и методологического аппарата общей теории права и государства, средствами только отраслевых наук невозможно решить проблемы эффективной организации государственной власти.

---

³² *Хазанов С. Д.* Административно-правовое регулирование деятельности органов исполнительной власти: некоторые методологические вопросы // История становления и современное состояние исполнительной власти в России. М., 2003. С. 20.

³³ См.: *Ноздрачев А. Ф.* Институт органов исполнительной власти: основные идеи и становление // Административное право: теория и практика. М., 2002. С. 114 – 126.

В. С. Бреднева*

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Развитое правосознание является субъективной основой верховенства права в цивилизованном обществе и правовом государстве.

Правосознание, функционируя в общественной жизни как единая динамичная система, имеет сложное строение. Специфика его структуры в том, что правосознание относится к числу явлений, которые не могут быть раскрыты в какой-то одной системе представлений. Необходимо по меньшей мере несколько сечений, чтобы обнажить его сложную структуру. Многоплановый анализ структурных элементов правосознания является условием изучения взаимосвязей различных продуктов духовного отражения правовой действительности.¹

В работах некоторых авторитетных исследователей права сформулирована точка зрения, что у правосознания вовсе нет никакой структуры: «Все эти уровни, слои, сферы и, тем более, деление правосознания по классовому основанию не есть структура целостного органического образования. Это лишь подразделения более или менее организованной совокупности, и по своей сути скорее свидетельство разобщенности правосознания – того, что под термином “правосознание” имеются в виду различные проявления духовной, интеллектуальной, социально-психологической жизни, связанные со сферой права, но не образующие органичной целостности».²

Однако на сегодняшний день большинство авторов признают, что правосознание – это целостное образование, обладающее внутренним строением.³ Традиционно в рамках правосознания выделяют два крупных комплекса: правовую идеологию и правовую психологию.⁴

---

* Ассистент кафедры теории, истории, философии права и государственно-правовых дисциплин Юридического института Сахалинского государственного университета.

¹ Ефремова Г. Х., Ратинов А. Р. Изучение правосознания и общественного мнения о преступности и деятельности правоохранительных органов. М., 1989. С. 39.

² Алексеев С. С. Общая теория права: В 2-х т. М., 1981. Т. 1. С. 200.

³ Общая теория права: Учебник для юридических вузов / Под общ. ред. А. С. Пиголкина. 2-е изд. М., 1996. С. 144; Венгеров А. Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. 3-е изд. М., 2000. С. 528.

⁴ Хропанюк В. Н. Теория государства и права. М., 2000. С. 203 – 204; Гранат Н. Л. Правосознание и правовая культура // Юрист. 1998. № 11. С. 12; Батуркин В. Г. Понятие и

С точки зрения содержания, структура правосознания включает следующие компоненты:

– Рационально-идеологические – это правовые понятия, знания, идеи, конструкции, теории в системном научном выражении, составляющие правовую идеологию.

– Социально-психологические – правовые чувства, общественные и индивидуальные состояния, которые формируются на основе правовых знаний и представлений о нормах права, юридических правах и обязанностях, законности, других правовых явлениях и связаны с их непосредственным восприятием и оценкой.

– Поведенческие – правовые установки, в совокупности составляющие ценностную ориентацию личности, привычки, готовность к деятельности в сфере правового регулирования, которые являются посредствующим звеном между сознанием и правовой деятельностью субъектов.⁵

Рационально-идеологические компоненты – это основа структуры правосознания. Человек, не знающий законов своего государства, следует стихийно возникшим представлениям о правах и обязанностях.

Особенность таких компонентов заключается в том, что они формируются под воздействием самых разнообразных факторов. На объем и качество правовых знаний влияет и политический режим, и временные параметры, и возрастные характеристики. Чем демократичнее политический режим, тем больше у субъекта возможностей ознакомиться с текстом правовой нормы, правоприменительного акта.⁶ Овладение информацией неразрывно связано с наличием у субъектов свободного времени, необходимого для познания нормативно-правовых актов. На степень правовой информированности оказывает влияние возраст: малолетний ребенок имеет меньший уровень информированности, чем взрослый человек.

Социально-психологические компоненты правосознания играют значительную роль в формировании и реализации права. Это либо мощный фактор правового развития, прогресса в демократических преобразованиях, либо тормоз, сопротивление преобразованиям, реформам.

структура правового сознания // История государства и права. 2004. № 5. С. 19 – 21; *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства. М., 2002. С. 268 – 269 и др.

⁵ *Сагун В. А.* Инструментальная теория права в юридической науке // Современное государство и право: Вопросы теории и истории. Владивосток, 1992. С. 17 – 22.

⁶ *Тенилова Т. Л.* Временные характеристики в сфере правосознания // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2004. № 4. С. 42; *Донченко А. П., Смазнова О. Ф.* Диалектика социального и личностного времени как фактор развития русского правосознания // Вестник Новгородского университета. Новгород, 2001. № 18. С. 29.

Особенность социально-психологических компонентов состоит в том, что они в решающей степени складываются под влиянием национальной психологии.⁷ Сложившиеся за многие столетия национальные привычки, обычаи, особенно на бытовом уровне, диктуют эмоциональное отношение у этносов к тем или иным правовым нововведениям, модернизациям. Прежде всего это касается установившихся форм брачно-семейных, имущественных отношений, положительное отношение к которым сохраняется, несмотря на то, что революционные правовые решения старались их разрушить.

Специфика структуры правосознания проявляется и в том, что социально-психологические и рационально-идеологические компоненты не существуют изолированно друг от друга, они активно взаимодействуют.

Познавая действительность, люди не остаются равнодушными к полученным знаниям. Они соотносят их с прошлым опытом, потребностями, интересами, целями деятельности. Познанные свойства объектов определенным образом переживаются. Возникает новое, на этот раз уже интеллектуально-эмоциональное образование – психическое отношение к объектам познания и практической деятельности (определение субъективной значимости объекта как хорошего или плохого, полезного или вредного, приемлемого или неприемлемого).

Отношение выражается в оценке. Она состоит в признании значимости чего-либо с точки зрения индивида, группы или общества. Оценка стоит между познанием и практикой. Это всегда сравнение, в результате которого субъект выбирает как раз то, что соответствует потребностям, интересам, ценностям его сознания. Пронесенные через личный опыт и правовую практику субъекта, познаваемые им разные стороны и явления правовой жизни точно так же вызывают к себе определенные отношения и, будучи значимыми для личности, приобретают известный смысл, квалифицируются как ценности. Подобная оценка включает в себя представление об объективных свойствах оцениваемых предметов и явлений. Таким образом, оценивающая деятельность невозможна без познающей.

В структуру правосознания входят четыре основных типа оценочных отношений:

- а) к праву в целом (его принципам, нормам, институтам);
- б) к правовому поведению окружающих и к объектам деятельности (преступности, преступлениям, преступникам);

⁷ Венгеров А. Б. Теория государства и права. С. 128.

- в) к правоохранительным органам (прокуратуре, адвокатуре, суду, юстиции)
- г) к своему собственному поведению (самооценка).⁸

Поведенческие компоненты представляют собой целостную систему, в которую включены не только правовые установки и правовые ориентации, но и правовая сплоченность, правовой мотив.

Категория установки является одной из центральных для теории правосознания. На ней построены многие исследования психико-эмоциональной стороны правосознания.⁹ Установка — понятие одновременно психологическое и социологическое. Д. Н. Узнадзе называл установку главным психическим образованием, механизмом психики, интегральным по отношению ко всем ее уровням.¹⁰ По мнению В. С. Комаровского, социальная установка – это сложившаяся готовность индивида к определенной форме реагирования на социальные объекты: предрасположенность, побуждающая действовать в отношении этих объектов определенным образом скорее, чем каким-либо другим.¹¹ С точки зрения Д. А. Керимова, установка представляет собой такое состояние индивида, общности людей, общества в целом, которое непосредственно определяет заданность их устремлений, направленность интересов, целей и волевой деятельности, а тем самым также характер, форму и стиль этой деятельности.¹² Правовая установка — особое состояние психологического склада личности, предрасполагающее к определенной активности с позиций определенной потребности и личностного интереса.

Некоторые исследователи определяют правовую установку как «деонтический стереотип психологической структуры личности, выступающий как своеобразная “настройка” всех структурных элементов правосознания действовать в соответствии с требованиями правовой нормы».¹³ Некоторые

⁸ Гранат Н. Л. Правосознание и правовая культура // Теория права и государства / Под. ред. Н. А. Катаева, В. В. Лазарева. Уфа, 1994. С. 329.

⁹ Абрамов А. И. Функции правосознания и их роль в реализации функций права // Правоведение. 2006. № 5. С. 23 – 34.

¹⁰ Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961. С. 192. См. также: Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1966. С. 140 – 152, 164 – 169, 180 – 183.

¹¹ Комаровский В. С. Некоторые проблемы измерения социальных установок // Вопросы философии. 1970. № 7. С. 24.

¹² Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2001. С. 416.

¹³ Вопленко Н. Н. Правосознание и правовая культура: Учебное пособие. Волгоград, 2000. С. 22.

исследователи называют установки «аттитюдями».¹⁴ Систематическое изучение феноменов, связанных с областью правосознания, началось в 20-х годах прошлого века и первое время велось преимущественно в Северной Америке и Западной Европе. Однако единый термин для обозначения этих феноменов был введен спустя несколько десятилетий советскими философами.¹⁵

Ценностно-правовые ориентации — совокупность качеств личности (осознание правового долга, ответственности, законности, уважение к праву, солидарность с его требованиями).

Если групповая сплоченность характеризует ту степень, в которой члены группы желают оставаться в ней,¹⁶ то правовая сплоченность характеризует, насколько члены социальной группы следуют нормам права. Любая социальная группа, чтобы сохранить свое существование, принимает меры к тому, чтобы превратить групповые взгляды и нормы, установки и ценностные ориентации в принципы и правила индивидуального поведения. А всякое отклонение от групповых ценностей отражается в реальном поведении человека, что фиксируется другими членами группы и влияет на их отношение к нему. А поскольку каждый человек дорожит положительным отношением к нему тех людей, с которыми он непосредственно взаимодействует, то это и определяет силу психологического влияния группы на своих членов.¹⁷

Правовой мотив — это побудительная причина, повод не нарушать нормы права.

Особая роль поведенческих компонентов заключается в том, что они лежат в основе человеческого поведения. При этом следует учитывать, что под поведением в науке принято понимать присущее живым существам взаимодействие с окружающей средой, включающее двигательную активность и ориентацию по отношению к этой среде. Поведение возникает на определенном уровне организации материи, когда живые существа приобретают способность воспринимать, хранить и преобразовывать информацию, используя ее в целях самосохранения и приспособления к условиям своего существования.¹⁸

¹⁴ Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1999. С. 289.

¹⁵ См.: Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963.

¹⁶ Новиков В. В. Социальная психология. М., 2002. С. 78.

¹⁷ Бондаренко Т. А. Социальные условия и факторы проявления негативных явлений в поведении молодежи // Актуальные проблемы социализации личности. М., 1990. С. 171.

¹⁸ Поляков А. В. Общая теория права: Феноменологокоммуникативный подход. Курс лекций. 2-е изд. СПб., 2003. С. 604.

Деформация поведенческих компонентов приводит к тому, что правосознание в целом становится деформированным. И такое правосознание порождает соответствующее поведение в сфере права. Противоправное поведение (если позволяет индивиду достичь его целей) укрепляет противоправные ориентации правосознания. Их изменение может быть достигнуто направленностью непосредственной правореализующей деятельности не только на соблюдение обязанностей, но и, преимущественно, на осуществление прав. Побуждение граждан к активному пользованию своими правами способствует осознанию ими ценности права, пусть сначала и сугубо утилитарной.¹⁹

При помощи таких правовых явлений, как правосознание, правовая культура, «происходит теоретическое и практическое освоение правовых средств, формируются навыки, умения, установки и готовность к их практическому использованию».²⁰

Структура правосознания, изучаемого с точки зрения глубины отражения правовых явлений, обнаруживает три уровня, которые складываются из многообразного сочетания, развитости рациональных, психологических и поведенческих компонентов правосознания: *массовое (обыденное), профессиональное (специализированное) и научное (теоретическое) правосознание.*

В результате глобализации все более распространенным становится восприятие правовой ситуации на уровне обыденного правового сознания. Большой объем законодательной базы и ее постоянная изменчивость, реформирование в различных областях общественной жизни приводит к необходимости вновь и вновь обращаться к исследованию массового правосознания.

Массовое правосознание свойственно субъектам, которые сталкиваются с юридической стороной жизни общества лишь эпизодически.

Особенность массового правосознания в том, что оно складывается стихийно, самопроизвольно и отражает правовые явления на основе повседневного опыта. Обыденные представления о праве носят ограниченный характер, отличаются хаотичностью и разрозненностью.

В то же время было бы ошибочным рассматривать массовое

---

¹⁹ Цивилизационный подход к концепции человека и проблема гуманизации общественных отношений / Под ред. С. Э. Крапивенского. Волгоград, 1998. С. 240.

²⁰ Сапун В. А. Правовые явления как элементы культуры в правовом государстве // Ученые записки юридического факультета. Вып. 6. Проблемы правоотношений в социально-культурной сфере. СПб., 2001. С. 19.

правосознание в качестве явления низшего порядка. И не только потому, что в него могут внедряться элементы научного и даже профессионального правосознания.²¹ Значение массового правосознания заключается в его собственной ценности, в том, что оно внешне выражает потребности социальной жизни, является носителем господствующего в обществе чувства права и законности.

Профессиональное (специализированное) правосознание определяется как система специальных правовых знаний, умений, навыков, убеждений, чувств, при помощи которых осуществляется правоприменительная и иная юридическая деятельность специальных субъектов.

Профессиональное правосознание присуще людям, имеющим специальное юридическое образование и занимающимся практической юридической деятельностью. Это правосознание практикующих юристов: судей, прокуроров, адвокатов, юрисконсультов.

Однако практика показывает, что различные профессиональные группы не одинаково воспринимают юридическую действительность. Судья относится и оценивает правовую реальность иначе, чем прокурор, прокурор – иначе, чем адвокат, следователь – иначе, чем эксперт-криминалист, юрисконсульт банка – иначе, чем преподаватель юридического факультета и так далее, хотя все они получили высшее юридическое образование. Такое многообразие уровней правового сознания объясняется тем, что, казалось бы, единый теоретический взгляд на право преломляется через функционально различные виды практической деятельности, включая законодательную и правоприменительную.

Особенность такого правосознания – в доскональном знании субъектами правовых норм, регулирующих тот или иной вид юридической деятельности, определенных юридических процедур. Однако такое правосознание не проникает в сущность правовых явлений.

Научное (теоретическое) правосознание формируется на базе научных исследований и выражено в понятиях, категориях, идеях, концепциях, отражающих юридические явления на значительно более глубоком уровне. Оно характеризуется максимальной глубиной познания сущности правовых явлений, отражает системность правовых связей.

Специфика научного правосознания в том, что его субъекты при исследовании правовых явлений не всегда учитывают процедурные моменты, относящиеся к практической стороне правореализационной деятельности.

²¹ *Алексеев С. С.* Общая теория права. Т. 1. С. 212.

Основной и ведущий компонент теоретического правосознания – правовая идеология (рационально-идеологические компоненты).

При рассмотрении правосознания с точки зрения его принадлежности определенным субъектам возникает необходимость различать конкретных носителей и соответственно этому – правосознание общества, групп и индивидов.

Большинство авторов такое деление называет «видами» правосознания.²² Однако, учитывая, что такие «виды» являются одним из сечений правосознания, их также целесообразно рассматривать в рамках данного явления.

Некоторые авторы полагают, что общественное правосознание — это наиболее динамичное, реактивное правосознание, возникающее в ответ на злободневные, общественно важные события и явления юридической жизни. Став предметом общественного интереса, конкретное явление правовой действительности актуализирует то или иное содержание правосознания, те или иные юридические знания, оценочные отношения к праву и практике его применения, правовые установки и ценностные ориентации.²³

Однако носителями общественного правосознания являются также большие социальные группы – нации, народы. А, по мнению ряда известных социологов, «многократно используя те или иные неформальные нормы, участники взаимоотношений воспроизводят этот порядок как структурный элемент институционального порядка общественной жизни. Он обретает реальность и становится *стабильным*... Так возникают идеи-верования, которые могут надолго оставаться защищенными от рационализации и потому именуется предубеждениями. Даже целые народы смотрят на действительность, оценивают и стремятся изменить ее из глубины собственных предубеждений».²⁴

Таким образом, особенность общественного правосознания в том, что оно характеризуется динамизмом, но при этом изменчивость этого структурного элемента сочетается с его стабильностью, устойчивостью в наиболее важных, определяющих сторонах общественной жизнедеятельности.

---

²² Общая теория права: Учебник для юридических вузов / Под общ. ред. А. С. Пиголкина. С. 144; Малько А. В. Теория государства и права: Учебник. М., 2001. С. 304.

²³ Ефремова Г. Х., Ратинов А. Р. Изучение правосознания и общественного мнения о преступности и деятельности правоохранительных органов. С. 15.

²⁴ Хлопин А. Становление гражданского общества в России // Гражданское общество. М., 1997. (серия «Pro et contra». Т. 2. № 4). С. 63.

Групповое правосознание – это коллективные представления и чувства о праве и иных правовых явлениях, поведении и деятельности в сфере правового регулирования, которые выражают отношение и оценки правовых явлений со стороны социальных групп, коллективов, иных социальных образований.

Любая социальная группа имеет не только цели и задачи, совпадающие с общественными в целом, но и свои, специфические, порожденные особыми потребностями и интересами. Таким образом, в сознании социальных групп находит проявление общественное сознание, но оно в каждой отдельной социальной группе преломляется через призму специфических условий, потребностей, интересов этой группы, приобретает специфические черты, которые позволяют рассматривать групповое сознание как относительно самостоятельное духовное образование. Кроме того, в обществе всегда имеются формальные и неформальные социальные группы, в том числе образования антисоциального характера. В таких группах также формируется «свое» правосознание, которое может оказывать отрицательное воздействие на индивидуальное правосознание участников, способствовать развитию правового нигилизма, препятствовать положительной правовой деятельности субъектов.

Индивидуальное правосознание является результатом социализации отдельного человека и усвоения им группового и общественного правосознания, опосредованного особенностями его жизненного пути. В процессе социализации личности отдельные индивиды впитывают те правовые представления, поведенческие установки и стереотипы эмоционального реагирования на право и правовые явления, которые характерны для данной социальной общности того или иного этапа развития.

Однако в настоящее время перечень оснований для классификации видов правосознания расширился. Это связано с тем, что многие исследователи стали рассматривать правосознание не в целом, а как отражение лишь отдельных специфических правовых явлений.

Некоторые ученые стали выделять и подробно изучать конституционное правосознание.²⁵ Так, Н. В. Мамитова пишет: «Содержание конституционного правосознания реализуется в двух аспектах: во-первых, как особый отраслевой вид правосознания, основывающийся на реальной потребности реализации требований Конституции Российской Федерации, признающих

²⁵ Напр.: *Никитяева В. В.* Конституционное правосознание (Вопросы теории и практики): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002.

результатом правотворчества формирование правовой системы, в которой высшей ценностью выступают основные права и свободы человека; во-вторых, как совокупность идеологических и психологических структурных элементов, посредством которых осуществляется оценка конституционно-правовых отношений, конституционного законодательства, способствующая активизации правовой деятельности органов государственной власти, местного самоуправления по осуществлению прав человека».²⁶

И. А. Кравец под конституционным правосознанием понимает особый вид правового сознания, в котором отражаются представления и чувства отдельной личности, социальной группы, общества в целом о Конституции, ее роли в правовом регулировании, правах человека, способе справедливого и демократического правления.²⁷ Особенностью конституционного правосознания является его двойственный характер. Оно формируется на стыке правового и политического сознания, в то же время не являясь простым механическим сочетанием в сознании личности правовых и политических идей, взглядов, чувств.

В настоящее время появились научные исследования, в которых конституционное правосознание рассматривается как специфическое проявление общественного и правового сознания; как социальный фактор, позволяющий выявить отношение к конституционным нормам – признание объективной необходимости Конституции РФ и ее приоритета в правовой системе государства.²⁸

Отдельные исследователи стали анализировать налоговое правосознание.²⁹

В некоторых работах, преимущественно дореволюционных, упоминается и «уголовное» правосознание. «Преступление, до тех пор, пока оно не имеет непосредственным объектом своим само государство, еще не признается злым проявлением воли, направленным против основ жизни всего общества. В нем видят еще не зло абсолютное, не угрожающее

---

²⁶ Мамитова Н. В. Конституционное правосознание в российском обществе как фактор реализации конституционных идей в России // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 4. С. 11 – 14.

²⁷ См.: Кравец И. А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). М.; Новосибирск, 2002. С. 328.

²⁸ Напр.: Никитяева В. В. Конституционное правосознание ...

²⁹ См.: Журавская Н. В. Налоговое правосознание гражданина как основной фактор минимизации налогового нигилизма в обществе // Частное и публичное право: Международная студенческая научная конференция, 28 – 29 марта 2002 года, СПб., 2002; Горобинская А. Платить налоги стало модно // Сургутская трибуна. 2004. 1 июля.

интересам и безопасности государства и общества уклонение свободной воли лица с пути нормального и допускаемого правом проявления ее, но главным моментом его ставить нарушение интересов частных, нарушение прав индивидуальных, видят в нем «обиду», причиненную лицу или лицам, непосредственно потерпевшим от правонарушения. Отсюда архаический институт кровавой мести и система имущественных пеней, характеризующие собою эту первичную пору развития *уголовного правосознания* всякого народа, которая может быть названа эпохой господства частного воззрения на преступление и наказание».³⁰

«От причинения смерти нужно отличать допущение смерти, происходящей от иных причин. Последние могут состоять или в преступной деятельности третьего лица, допущение которой образует понятие попустительства, или в явлениях, безразличных в смысле уголовно-юридическом. Допущение лишения жизни в обоих случаях сводится к неоказанию помощи, взгляды на которое изменялись существенно в истории *уголовного правосознания*».³¹

Таким образом, целесообразно разделять правосознание по сферам отражения, по отраслевому признаку, учитывая, что на практике такое разделение уже существует.

Таким образом, правосознание – сложное структурное образование, элементы которого находятся в постоянном развитии и функционируют на всех стадиях механизма правового регулирования. От сформированности правосознания зависит выбор правовых средств, эффективность различных видов юридической деятельности. Выделение структурных элементов в правосознании способствует пониманию его роли и места в жизни человека и общества.

---

³⁰ Загоскин Н. П. Очерк истории смертной казни в России. Речь, читанная на годовичном акте Императорского Казанского университета // Известия и ученые записки Казанского университета. 1892. № 1. С. 83.

³¹ Фойницкий И. Я. Уголовное право. Посягательства личные и имущественные. 5-е изд. СПб., 1907. С. 20 – 22.

Ю. Г. Арзамасов*

ПРИРОДА ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О различных видах человеческой деятельности написано много монографий и научных статей. На первый взгляд может показаться, что здесь все ясно, все досконально изучено. Однако такой вид человеческой деятельности, как юридическая деятельность, в сегодняшних условиях трансформации нашего социума нуждается в новом научном анализе.

Если обратиться к истории исследования понятия юридической деятельности, то следует заметить, что вначале теоретические вопросы деятельности стали разрабатываться в общеполитической литературе.¹ При этом пик «деятельностного» бума приходится на 1985 г., когда в журнале «Вопросы философии» были опубликованы материалы дискуссии по данной проблеме.²

Поэтому, прежде чем раскрыть само понятие юридической деятельности, следует рассмотреть, что означает общее понятие деятельности, а уже потом подробно исследовать ее особенности, структуру, функции, виды. Иными словами, начнем данное исследование, применяя проверенный временем дедуктивный метод.

В справочной литературе, в частности в словаре С. И. Ожегова, мы нашли следующее определение: «Деятельность – занятие, труд».³ В своей монографии, посвященной исследованию института контроля, В. П. Беляев охарактеризовал человеческую деятельность как: а) совокупность действий, объединенных общей целью и выполняющих определенную общественную функцию; б) особый способ существования человека, развитие его жизненных сил и способностей; в) особое свойство человека, специфический способ его жизненной активности путем взаимодействия

---

* Доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Российского университета кооперации.

¹ См.: *Каган М. С.* Человеческая деятельность М., 1974; *Кветной М. С.* Человеческая деятельность: сущность, структура, типы. Саратов, 1974; *Воронович Б. А., Плетников Ю. К.* Категория деятельность в историческом материализме. М., 1975; *Фофанов В. П.* Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981; *Демин М. В.* Природа деятельности. М., 1984 и др.

² Вопросы философии. 1985. № 2 – 3.

³ *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. Екатеринбург, 1994. С. 140.

со средой в целях создания условий для своего существования.⁴ В одном из последних трудов, посвященных сущности управления, Г. В. Атаманчук говорит о деятельности как о проявлении физических способностей человека приспосабливаться, созидать, изменять, использовать и преобразовывать природную и социальную среду своего обитания.⁵

В юридической науке данное понятие, хотя и не раз было предметом исследования, часто смешивалось с другими понятиями, например, с юридической практикой (И. Я. Дюрягин, В. П. Казимирчук, Ю. И. Гревцов).

Действительно, у юридической практики и юридической деятельности много общего. Например, общим принципом у данных понятий является профессионализм. Если в данном контексте вести речь о нормотворчестве, то нормативный акт, подготовленный непрофессионально с точки зрения содержания, либо правил юридической техники, не пройдет юридическую экспертизу. Если соответствующие властные органы (государственные или муниципальные) и примут его в официальном порядке, с соблюдением всех стадий и процедур, то такой акт будет противоречить нормативным документам, обладающим большей юридической силой, либо изобиловать коллизиями и пробелами, или он будет не эффективен, иными словами – цель правового акта не будет достигнута, его нормы не будут реально регулировать определенную группу общественных отношений. Отход от указанного принципа не приводит к положительным итогам и в правоприменении. Например, прокурор в ходе судебного заседания по уголовному делу не докажет вину лица, совершившего уголовное преступление, предусмотренное УК РФ. То же самое касается и граждан, реализующих какие-либо юридические функции. Если таковые не являются профессионалами в разрешении конкретных юридических проблем, если они не компетентны в правовых вопросах, касающихся их деятельности, то, естественно, такая деятельность не приведет к желаемым результатам.

Сказанное позволяет выделить следующие общие признаки рассматриваемых понятий: постановка и наличие целей,⁶ направленность

---

⁴ См.: *Беляев В. П.* Контроль и надзор в Российском государстве. М., 2005. С. 6.

⁵ См.: *Атаманчук Г. В.* Управление: сущность, ценность, эффективность: Учебное пособие для вузов. М., 2006. С. 13.

⁶ Важным признаком в понимании юридической деятельности С. Н. Назаров и Д. Ю. Шапсугов считают постановку правовых целей. См.: *Назаров С. Н.* Теоретико-правовые основы юридической деятельности надзорно-контрольных органов в условиях формирования правового государства. Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2000; *Шапсугов Д. Ю.* Теория права и государства. Ростов-на-Дону, 2003. С. 34.

на изменение отношений в социуме,⁷ осознанный и волевой характер, компетентность, опосредованность правом и правовыми явлениями, официальный характер, связь с другими видами социальной деятельности.

В связи с этим, на первый взгляд может показаться, что понятие «юридическая практика» является тождественным понятию «юридическая деятельность». Однако несостоятельность данной гипотезы просматривается в том, что важным элементом юридической практики является юридический опыт. В данном контексте, на наш взгляд, следует привести точку зрения на данную проблему, высказанную профессором С. С. Алексеевым. Осуществляя теоретическую разработку понятия «юридическая практика», ученый отмечал, что она представляет собой объективированный опыт индивидуально-правовой деятельности компетентных органов (судов, других органов применения права), складывающийся в результате применения права при решении юридических дел. При этом он сделал следующее правильное замечание, позволяющее наиболее верно соотносить категорию «юридическая практика» и «юридическая деятельность». «Необходимо строго различать практику как конкретную организаторскую деятельность в области права и практику как итог, результат этой деятельности».⁸

Сказанное позволяет назвать юридическую практику ничем иным, как объектом общей теории государства и права, поскольку представители данной юридической науки, выводя общие закономерности трансформирования таких мощных социальных институтов, какими являются государство и право, непосредственно осуществляют сбор не только теоретического материала (монографий, научных статей и докладов и т. п.), но и эмпирического. Они изучают такие результаты практической деятельности юристов, как: юридические документы (нормативные, интерпретационные, правоприменительные); материалы проверок деятельности учреждений и организаций; статистические данные; правовое сознание и правовую культуру общества, отдельных индивидов и групп людей; деятельность различных правоприменительных органов, должностных лиц; правовое поведение, которое подразделяется на правомерное и противоправное; состояние законности и правопорядка в стране и в отдельных регионах; правовые отношения, которые возникают не только на основе норм права, но и из фактических отношений.

---

⁷ О трансформирующем характере юридической деятельности писал еще И. Сабо. См.: Сабо И. Основы теории права. М., 1974. С. 97.

⁸ См.: Алексеев С. С. Общая теория права: В 2-х т. М., 1981. Т. 1. С. 340 – 341.

Однако рассматриваемое нами понятие отождествлялось не только с понятием «юридическая практика», но и понятием «правомерное поведение».⁹ Аналогичную мысль в одном из последних учебников по социологии права высказал профессор В. М. Сырых. В данное понятие он вкладывал следующий смысл. Правомерная деятельность граждан и иных субъектов права направлена на сохранение либо совершенствование юридического механизма правового регулирования, в том числе его компонентов: механизмов правотворчества, правореализации и государственного принуждения.¹⁰

Рассматривая характеристики (признаки) юридической деятельности, следует указать, что не всегда она может быть волевой и осознанной, что является свойственным, в большей степени, для органов власти и должностных лиц. Более того, главной особенностью юридической деятельности, отличающей ее от понятия правомерного поведения является то, что юридическая деятельность осуществляется часто при помощи юридической техники и, естественно, результатами ее являются различные юридические документы, а правомерное поведение может быть как действием, так и бездействием, не нуждающимся в документировании, причем оно может быть как осознанным, так и не осознанным, поскольку основная масса граждан, соблюдая большинство уголовных, административных, дисциплинарных и иных запретов действует, не задумываясь о своем поведении. Просто такое поведение является для граждан привычным. При этом часть граждан поступает, как правило, имитируя поведение старших, а те, в свою очередь, совершают те или иные действия по привычке, не рассуждая о правовых нормах и последствиях их несоблюдения. Однако, когда речь идет о деятельности органов государственной либо муниципальной власти, то здесь фактически происходит осуществление данного вида социальной деятельности путем реализации процессуальных норм права. Несомненно, такая деятельность призвана отразить проявление публичного воздействия государственных и муниципальных органов на общественные отношения, входящие в сферу правового регулирования.

Рассуждая о данной проблеме, В. И. Еременко пришел к выводу, что понятие «правомерное поведение» может быть вынесено за пределы юридической деятельности и включено в более широкое понятие «правовая

⁹ Подробно об этом см.: *Вершинин А. П.* Соотношение категорий «правовое поведение» и «правовая деятельность» // *Юридическая деятельность: сущность, структура, виды.* Ярославль, 1989.

¹⁰ *Социология права: Учебник / Под ред. проф. В. М. Сырых.* 3-е изд. М., 2004. С. 180.

работа».¹¹

Некоторые авторы, рассматривая юридическую деятельность, отождествляли ее с правовыми отношениями. У данной точки зрения есть и оппоненты. При этом в своих рассуждениях последние основываются на том, что «чисто» правовой деятельности, как и правовых общественных отношений, не существует.¹² Высказанная мысль может показаться интересной, поскольку любой субъект юридической деятельности (государственный орган, должностное лицо, юрист коммерческой организации и т. п.), осуществляя свои функции, хочет того он или нет, вынужден взаимодействовать с различными органами и должностными лицами и осуществлять финансовые, организационные, рекламные и иные функции.

Тем не менее, несмотря на то, что юридическая деятельность нередко взаимодействует с другими видами социальной деятельности, ее не следует отождествлять с другими понятиями. Более того, с ее помощью непосредственно связан генезис практически всех элементов механизма правового регулирования и их объединение в определенные системы. Из сказанного следует, что юридическая деятельность является самостоятельной правовой категорией в понятийном ряду общей теории государства и права.

Б. В. Шагиев в своей кандидатской диссертации отмечал, что «правовая деятельность» – понятие более широкое, чем «юридическая деятельность». Первая категория, по его мнению, призвана охватить не только действия субъектов, осуществляющих государственную (публичную) власть, но и всех юридических и физических лиц. Как категория общетеоретической науки она может претендовать на отражение в обобщенном виде всех волеизъявлений физических и юридических лиц, признаваемых в данном обществе правильными и справедливыми и обеспеченных официальной защитой государства в качестве порождающих юридически значимые последствия.¹³

В. Н. Карташов в свое время предлагал употреблять термин не «правовая деятельность», а «юридическая деятельность», тем самым он придавал данному понятию более строгие рамки. Его определение, согласно ко-

---

¹¹ См.: *Еременко В. И.* Юридическая работа в условиях рыночной экономики. Дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2000. С. 33.

¹² См.: *Хайкин Я. З.* Структура и взаимодействие моральной и правовой системы. М., 1972. С. 110 – 165.

¹³ См.: *Шагиев Б. В.* Юридическая деятельность в современном российском обществе: теоретико-правовой аспект. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 19 – 20.

тому «...под юридической деятельностью следует понимать лишь такую опосредованную правом профессиональную, трудовую, государственно-властную деятельность по внесению юридических решений компетентных на то органов, которая нацелена на выполнение общественных функций и задач (создание законов, осуществление правосудия, конкретизацию права и т. д.) и удовлетворение тем самым как общесоциальных, групповых, так и индивидуальных потребностей и интересов»,¹⁴ довольно долго применяли теоретики права. Однако в данном определении в состав юридической деятельности не включаются различные организационно-юридические мероприятия, носящие, в большинстве своем, дополнительный характер по отношению к юридической деятельности, а также правовая работа граждан (частных предпринимателей, частных сыщиков и детективов и т. п.), которая оказывает позитивное воздействие на общественные отношения и в действии механизма правового регулирования в современных рыночных реалиях занимает особое место.

Обзор мнений и подходов к пониманию юридической деятельности показал, что понятие юридической деятельности неоднократно исследовалось теоретиками права. Однако данная тема полностью еще не закрыта, поскольку существуют различные взгляды на понятие юридической деятельности, на природу этого феномена. Вероятно поэтому, данная тема не всегда находит место в учебниках и учебных пособиях по теории государства и права. Тем не менее, она является весьма важной для подготовки современных юристов и должна занять свое достойное место в понятийном ряду общей теории государства и права.

В этой связи, основываясь на осуществленном анализе научных работ по данной проблематике, можно вывести следующую дефиницию юридической деятельности. Юридическая деятельность — это осознанные, волевые, властные юридические действия и связанные с ними организационно-юридические мероприятия, осуществляемые на основе норм права компетентными органами и должностными лицами, а в отдельных случаях и гражданами, направленные на реализацию общественных целей, либо удовлетворение корпоративных и индивидуальных законных интересов.

Анализ общего понятия юридической деятельности показал, что оно, несомненно, имеет свою специфику, характеризующую объекты и субъекты данной деятельности, обладающие, как правило, нормативно

---

¹⁴ *Карташов В. Н.* Юридическая деятельность: сущность, структура, виды. Ярославль, 1989. С. 12.

закрепленными определенными целями и задачами, что и способствует образованию стройной действующей системы. Поэтому для полноценного определения природы юридической деятельности важное значение имеет рассмотрение ее элементного состава, то есть ее структуры. В этой связи юридическую деятельность часто называют «полиструктурным образованием» (В. Н. Карташов, Б. В. Шагиев и др.). Таким образом, можно говорить о структуре юридической деятельности как о единстве ее составляющих элементов и функций, способных оказать серьезные правовые воздействия на общественные отношения, входящие в сферу правового регулирования.

Основными элементами юридической деятельности являются объекты, субъекты, юридические действия и операции, средства и результаты действий. Некоторые авторы в данную структуру включают и функции юридической деятельности. По нашему мнению, когда речь идет о структуре юридической деятельности, мы говорим фактически о ее содержании, а не о форме, поскольку форма является определенным организующим началом для содержания и имеет свою структуру в виде различных типов юридической деятельности (правотворчества, реализации права и т. п.). Что касается мотивов, целей и иных элементов сознания, то они выступают в роли идеальных факторов, которые оказывают в большей степени психологическое воздействие на юридическую деятельность.

Объекты юридической деятельности – это то, на что воздействуют различные типы юридической деятельности. К ним следует отнести различные виды общественных отношений, материальные блага (вещи, предметы, ценности), нематериальные блага (честь, достоинство, неприкосновенность личности и т. п.), результаты интеллектуального труда, то есть творчества (монографии, научные статьи, проекты нормативных актов), ценные бумаги (акции, облигации и т. п.), документы (нормативные акты, судебные решения, приказы руководителей учреждений и организаций и т. п.), поведение людей в форме действия и бездействия.

В общем виде объекты юридической деятельности подразделяют на отношения между людьми и отношения человека с предметами внешнего мира как средствами удовлетворения его потребностей (охрана животного мира, недр и т. п.).

Субъекты юридической деятельности — это те, кто ее непосредственно осуществляет, иными словами, носители этой деятельности, реализующие установленные, в большинстве случаев законодательными

актами, свои субъективные права и юридические обязанности. Правда, в большинстве случаев, когда речь идет о субъектах юридической деятельности (прокурорах, следователях и т. п.), субъективное право на осуществление какой-либо деятельности, в большинстве случаев, одновременно является и их юридической обязанностью.

Долгое время в теории права считалось, что субъектами юридической деятельности могут быть только органы власти, то есть само государство, его органы и должностные лица. Например, В. Н. Кудрявцев под юридической деятельностью понимал «правовое поведение должностных лиц».¹⁵ На сегодняшний день в связи с существенными изменениями в экономической, политической и правовой сферах данный список несколько расширяется и в него следует добавить органы местного самоуправления, различные юридические лица, граждан, которые осуществляют юридические функции. Таковыми, например, являются частные предприниматели, частные нотариусы, оценщики и т. п. Характерной особенностью данных субъектов выступает то, что они действуют, или, по крайней мере, должны действовать на основании закона и подзаконных нормативных актов. Однако и в последних теоретических исследованиях, посвященных юридической деятельности, иной раз высказываются мысли о том, что субъектами юридической деятельности являются органы, организации, их должностные лица, наделенные государственно-властными полномочиями.¹⁶

Тем не менее, не всех граждан можно назвать субъектами юридической деятельности. В этой связи уместно будет использовать термин «участники юридической деятельности». К ним относятся граждане и иные физические лица, которые, в силу ряда обстоятельств, способствуют субъектам юридической деятельности в выполнении ими юридических действий. Это люди, пострадавшие от правонарушений, свидетели преступлений, лица, подавшие гражданский иск о защите своих прав и свобод. Данные лица, осуществляя те или иные действия, оказывают определенное содействие государственным органам (следственным, судебным и т. п.) и должностным лицам (прокурору, федеральному судье).

Однако в осуществлении какого-либо вида юридической деятельности именно ее субъект является непосредственным носителем прав и свобод и в то же время одновременно обязанным лицом. Поэтому субъекты юридической деятельности выступают основными, главными

¹⁵ См.: Кудрявцев В. Н. Право и поведение: норма и патология. М., 1982. С. 148.

¹⁶ См.: Назаров С. Н. Теоретико-правовые основы... С. 5.

носителями указанных правоотношений, что прямо вытекает из их нормативно закрепленного статуса.

Другим элементом рассматриваемой деятельности являются юридические средства. Если обратиться к этимологии понятия «средства», то оно произошло от слов «средний», «посредник», то есть под средствами понимают определенные связующие элементы между поставленными целями и достигнутыми результатами. С. С. Алексеев под правовыми средствами понимал объективированные субстанциональные правовые явления, обладающие фиксированными свойствами, которые позволяют реализовывать потенциал права, его силу.¹⁷

В последнее время указанная категория довольно часто является предметом исследования теоретиков права. Так, например, В. А. Ленчик, исследуя различные механизмы действия права, предложила следующую дефиницию правовых средств: «Правовые средства – это адекватный общественным условиям способ цивилизованного, конструктивного и результативного решения задач, стоящих перед социальным субъектом – обществом, государственными структурами или отдельной личностью».¹⁸

В совместной научной работе А. В. Малько и К. В. Шундииков утверждают, что «юридические (правовые) средства – это совокупность правовых установлений (инструментов) и форм правореализационной практики, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права и обеспечивается достижение социально полезных целей».¹⁹ В своей монографии В. П. Беляев говорит о двоякой роли средств юридической деятельности, называя их совокупностью правовых установлений и технологиями их применения.²⁰

Однако наиболее удачное, на наш взгляд, толкование понятия «правовые средства» дал профессор М. Н. Марченко. По его мнению, «правовые средства – это правовые явления, выражающиеся в институтах (установлениях) и деяниях (технологиях), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей».²¹

---

¹⁷ См.: Алексеев С. С. Теория права. 2-е изд. М., 1995. С. 223.

¹⁸ Ленчик В. А. Механизм действия права // Следователь. 2001. № 5. С. 60.

¹⁹ Малько А. В., Шундииков К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. С. 67.

²⁰ См.: Беляев В. П. Контроль и надзор... С. 15 – 16.

²¹ См.: Проблемы теории государства и права / Под ред. М. Н. Марченко. М., 2001. С. 359.

Полагаем, что каждое из представленных выше определений правовых средств заслуживает внимания. По нашему мнению, под правовыми (юридическими) средствами следует понимать предметы, явления, процессы и т. п., с помощью которых обеспечивается получение необходимого результата юридической деятельности. Они используются для исследования юридических фактов, анализа юридических документов, изучения материалов уголовного дела и т. д. Они могут быть нормативно закреплены, либо выработаны юридической практикой, с помощью научных исследований. Таким образом, можно констатировать, что их перечень огромен, поскольку выделяют технические (видеокамера, микроскоп, полиграф и т. п.), социальные (опросы, анкетирование населения и т. п.), устные (приказ, распоряжение) и письменные (договор, протокол и т. п.), а также императивные и диспозитивные средства, которые закреплены в нормах права.

При этом нормы права являются важнейшим, мощным правовым средством воздействия на общественные отношения. Данная категория неоднократно была предметом исследования в советское время, но в большинстве этих научных работ было указано на обеспечение норм права государственным принуждением.²² В современных условиях модернизации российской правовой системы, связанной с появлением новых трудов, посвященных правопониманию и применению права, трактовка норм права исключительно с позиции правил поведения изменилась. В данном ключе Л. В. Афанасьева пишет, что «нормы права – это содержащиеся в законах и иных источниках, признаваемых государством, стандарты (правила, образцы) поведения, а также другие связанные с ними установления, направленные на регулирование общественных отношений и обеспеченные, в случае необходимости, мерами государственного принуждения и поощрения».²³

Между тем, эффективность норм достигается только в том случае, когда их содержание соответствует общепризнанным стандартам в области прав и свобод человека и гражданина и внутринациональному законодательству, а также выработанным юридической наукой и практикой

---

²² См.: Карева М. Н., Айзенберг А. М. Правовые нормы и правоотношения. М., 1949; Недбайло П. Е. Советские социалистические правовые нормы. Львов, 1959; Чечина Н. А. Норма права и судебное решение. Л., 1961; Алексеев С. С. 1) Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966; 2) Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989.

²³ Афанасьева Л. В. Нормы права и их действие (вопросы теории). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 12.

приемам и правилам юридической техники. Тем не менее, оказать серьезное регулирующее воздействие на отношения в социуме нормы права могут только при наличии определенных фактов. Указания на эти факты в абстрактном виде содержатся в гипотезах норм права. Если имеются закрепленные в нормативных актах обстоятельства, то тогда и начинают действовать правила поведения, которые закреплены в диспозициях норм права. Таким образом, элементы, составляющие нормы права, выступают в роли вспомогательных правовых средств для упорядочения социума, его отношений. Нормы права, в свою очередь, объединяясь в институты права и отрасли права, а иногда и в подотрасли права, при этом выступают особыми, можно сказать комплексными средствами воздействия на общественные отношения.

Закрепленные в нормах права правила поведения следует отнести к инструментальным юридическим средствам. При этом их можно охарактеризовать следующими чертами:

- формализм, они закреплены в определенных формах нормативных актов (законах, указах, постановлениях, инструкциях и т. п.);
- информационный характер, в них содержатся определенные сведения о запретах, юридических обязанностях, дозволениях, государственных рекомендациях;
- статический характер, поскольку без средств-действий они работать не смогут, механизм правового регулирования тех или иных общественных отношений не начнет результативную деятельность;
- они выступают определенными моделями должного регулирования конкретных групп общественных отношений.

В свою очередь, характерные особенности есть и у средств-действий. К ним относятся следующие:

- они придают динамический характер определенным инструментальным средствам;
- находятся в сфере сущего, а не должного, то есть в сфере реальной юридической работы;
- являются актами реализации субъективных прав и юридических обязанностей;
- носят волевой и сознательный характер, поскольку без осознанной активности того или иного лица невозможно грамотно решить юридические проблемы.

Способы юридической деятельности – это определенные методы,

законные, или не противоречащие закону, пути осуществления юридических действий и операций. В совокупности своей эти способы и юридические средства составляют технологии юридической деятельности. Например, технологии по расследованию преступлений, подготовке и принятию нормативных актов и т. п.

В юридической литературе понятия «юридические технологии» иной раз отождествляли с понятием «юридические инструменты». К ним, по праву, следует относить различные юридические документы: нормативные акты и договоры; официальные акты толкования норм права; акты применения норм права. Однако такое совмещение понятий не вполне приемлемо, поскольку инструменты – это определенные орудия для совершения каких-либо действий (деяний).

Таким образом, технологии – это те способы, приемы, с помощью которых правовые инструменты начинают работать в ходе осуществления каких-либо юридических действий. Под последними следует понимать юридические деяния, влекущие определенные правовые последствия (задержание преступника, подписание договора и т. д.), которые одновременно являются видами юридической деятельности, а также различные технологии по созданию правовых документов. Например, в нормотворческой деятельности это – разработка проекта нормативного акта, согласование проекта, проведение различных видов экспертиз, принятие проекта нормативного акта и т. п. Примерами юридических технологий являются также такие действия, как составление завещания; заключение договора купли-продажи недвижимого имущества; заключение международного межведомственного соглашения между правоохранительными органами стран СНГ и т. д.

Из сказанного следует, что совокупность юридических действий следует называть юридическими технологиями, либо юридическими операциями (например, поиск преступника, осмотр места совершения правонарушения).

Проиллюстрируем сказанное следующим примером. В ч. 1 ст. 395 ГК РФ содержится норма права, предписывающая должнику возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства. Фактически данная норма выступает в роли инструментального средства юридической деятельности. У кредитора два законных способа возместить свои убытки. Первый – потребовать от должника возместить убытки, причиненные неисполнением закрепленных

в договоре обязательств. Если должник отказывается выполнять законные требования, кредитор может использовать второй способ, то есть обратиться с иском в суд о возмещении убытков, причиненных неисполнением обязательства. Таким образом, норма, содержащаяся в ст. 395 ГК РФ, и нормы, на основании которых истец подает исковое заявление в суд, представляют собой определенную технологию, направленную на применение мер гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств возмещения кредитору причиненных убытков.

В ходе разбирательства такого дела в суде кредитор имеет законное право прибегать к следующим инструментам. Он может предъявить в качестве доказательства своей правоты договор, другие документы. Однако без определенных сознательных и волевых средств-действий, таких как предоставление в суде доказательств, нахождение свидетелей, участие в прениях, он не выиграет свое дело в суде.

Раскрывая природу юридической деятельности, нельзя не остановиться на ее функциях. Однако если обратиться к происхождению данного юридического термина, то следует отметить, что в юридический оборот он был взят из других наук. Впервые данный термин был использован Г. В. Лейбницем и И. Бернулли. В дальнейшем его содержание было трансформировано юридической наукой. Что касается функций юридической деятельности, то они характеризуют отдельные ее наиболее яркие особенности (черты).

Однако справедливо здесь будет поставить вопрос: входят ли функции юридической деятельности в ее структуру?

Поскольку функции юридической деятельности – это, прежде всего, определенные направления юридического воздействия на конкретный вид общественных отношений, то данное понятие, на наш взгляд, наиболее ярко характеризует различные типы юридической деятельности и показывает ее видовые особенности, в них как раз и высвечивается властный, творческий характер субъектов юридической деятельности. Таким образом, сказанное позволяет относить функции юридической деятельности к ее структурным элементам.

Помимо этого, сегодня важной теоретической проблемой является создание общей многоступенчатой классификации функций юридической деятельности. Данная проблема вытекает из того, что в настоящее время существующие их классификации довольно разрознены. Так, например, В. Н. Карташов и его последователи в зависимости от способа действий,

характера деятельности и осуществляемых юридических преобразований выделяют правотворческую, правоприменительную и праворазъяснительную функции. Другие (С. С. Алексеев и др.) говорят о правонаправляющей, правоконкретизирующей и сигнально-информационной функциях. Отдельные ученые (В. И. Леушин и др.) выделяют функции формирования права, совершенствование правоприменительной деятельности, а также воспитательную и правоконкретизирующую функции.

По времени действия данные функции подразделяют также на постоянные и временные.

Выделяют также основные, главные и неосновные функции. Так, например, у правоприменителей основной функцией является применение права, а вот осуществление определенных правотворческих функций (разработка проектов нормативных актов, подготовка заключений на законопроекты) в силу дополнительной работы является для них неосновной функцией. Помимо этого, такая классификация позволяет выделить определенные подфункции. К примеру, у такой основной функции, как правоприменительная, можно выделить такие неосновные функции, которые смело можно отнести к разряду подфункций: карательная подфункция, правообеспечительная и др.

Из сказанного следует, что выделение функций юридической деятельности способствует конкретизации отдельных ее направлений и позволяет более ярко представить различные стороны и возможности юридической деятельности, а в целом и ее природу.

При рассмотрении различных видов юридической деятельности важное методологическое значение имеет применение такого способа исследования, как типология. Основу данного метода составляет расчленение и группировка явления, понятия на отдельные его элементы (части) по определенному критерию. Такой способ позволяет более четко выделить сходства и различия между разными видами юридической деятельности, что также помогает в определении правовой природы юридической деятельности.

Наиболее широко данным методом в изучении юридических понятий в советское время пользовались такие теоретики права, как: А. В. Мицкевич, В. М. Горшенев, С. В. Поленина, Н. В. Сильченко, В. Н. Карташов.²⁴

²⁴ См.: Правотворчество в СССР / Под ред. А. В. Мицкевича. М., 1974. С. 75; Теория юридического процесса / Под ред. В. М. Горшенева. Харьков, 1985. С. 7; Поленина С. В., Сильченко Н. В. Научные основы типологии нормативных актов в СССР. М., 1987. С. 7 – 24; Карташов В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов: Саратовский ун-т, 1989. С. 103.

Рассуждая о типологии, следует отметить, что она представлена широкой палитрой видов существующих общественных занятий, и юридическая деятельность, как вид социальной деятельности, не является исключением. Применение такой методологии обусловлено также многообразием и системностью самой юридической деятельности. Аксиологическая значимость понятия «юридическая деятельность», основное значение любого ее вида, обращено на реализацию норм права, будь то правотворчество или различные виды правоприменения, на установление реального режима законности в государстве. Таким образом, любой вид юридической деятельности, если он основан на четком и неуклонном соблюдении правовых принципов и норм права, направлен, прежде всего, на поступательное развитие общественных отношений, на их упорядочение, на прогресс в науке и практике. Следовательно, важное значение имеет не только форма той или иной деятельности, но и ее содержательная сторона, основывающаяся на определенных концептуальных положениях, воззрениях, теориях, которые, будучи одобряемыми обществом и государством, оформляются в виде различных правовых актов.

Обращение теоретиков к типологии способствовало созданию следующих классификаций. По субъектам выделяют индивидуальные типы юридической деятельности и коллективные. В данном случае к первому типу можно отнести деятельность адвоката, частного предпринимателя, должностного лица, а к коллективным – охрану общественного порядка, деятельность Государственной Думы, Федерального Собрания Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, законодательных и исполнительных органов субъектов Федерации, органов прокуратуры и т. д.

Выделяют также постоянную (борьба с преступностью, работа учреждений по регистрации прав на недвижимость и сделок с ней и т. п.) и временную юридическую деятельность (заключение конкретного договора, издание приказа и т. п.).

В. М. Горшенев в свое время выделял следующие типы юридической деятельности: правотворчество, правоприменение, учредительная и контрольная деятельность.²⁵ Данную типологию расширил В. Н. Карташов, добавив к перечисленным видам (типам) распорядительную, интерпретационную, правоконкретизирующую и координационную деятельность и деятельность по систематизации правовых актов.²⁶

²⁵ См.: Теория юридического процесса. С. 7.

²⁶ См.: *Карташов В. Н.* Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. С. 81 – 102.

С нашей точки зрения, вызывает сомнение включение в указанный список правоконкретизирующей деятельности и деятельности по систематизации правовых актов, поскольку они в большей степени выступают в качестве функций правотворчества. По крайней мере, конкретизация – это определенный вид развивающего правотворчества, осуществляемый посредством подзаконных нормативных актов, конкретизирующих нормы федеральных законов и нормативных указов Президента. Однако конкретизация осуществляется и в плане правоприменительной, а в большей степени и интерпретационной деятельности.

В современных условиях, когда во многих положениях о федеральных органах исполнительной власти и регламентах федеральных органов исполнительной власти закреплены функции «обслуживания населения» и предоставления «социальных услуг», к указанному выше перечню видов юридической деятельности следует добавить также правообеспечительную юридическую деятельность. Сегодня в России различные услуги осуществляют не только федеральные агентства, но и федеральные министерства. Например, подразделения вневедомственной охраны МВД России осуществляют такие услуги, как охрана собственности. Разрешительные отделы МВД России выдают лицензии на приобретение, хранение и ношение оружия самообороны. Сказанное позволяет говорить о том, что сегодня в нашем социуме многие государственные органы власти осуществляют функции «обслуживания населения» посредством систематического грамотного применения определенных правовых средств и способов. Как справедливо отмечает К. И. Амирбеков, «правообеспечительная деятельность представляет собой постоянное взаимодействие публично-властных субъектов по системной и согласованной разработке и использованию специальных правовых способов и средств в установленных процессуально-правовых формах и осуществление правовых действий с целью поддержания устойчивого поведения и состояния правообеспеченности в данном обществе и государстве».²⁷ По его мнению, данная деятельность в широком смысле включает в себя деятельность как власти, так и личности и иных социальных субъектов, по использованию всего комплекса средств и способов:

- 1) по соблюдению и исполнению субъектами юридических отношений правовых норм;
- 2) по публичному признанию субъективных прав личности самой

---

²⁷ См.: Амирбеков К. И. Правообеспечительная юридическая деятельность: проблемы теории и практики. Дис. ... докт. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 12.

- властью и другими участниками и субъектами юридических отношений;
- 3) по закреплению в юридических актах власти права;
  - 4) по применению норм права компетентными публично-властными субъектами;
  - 5) по предупреждению нарушений права;
  - 6) по выявлению, расследованию, преследованию, определению и исполнению меры воздействия и вытеснения из общественной жизни нарушений права и иных явлений и процессов, отрицательно влияющих на состояние правообеспеченности.²⁸

В одном из последних исследований данной проблемы выделены следующие типы юридической деятельности: правотворческий тип, правоприменительная деятельность, интерпретационная, контрольная, учредительный тип, правоконкретизирующая деятельность, координационная. При этом последний тип деятельности назван «самостоятельным».²⁹ В свою очередь, координационная деятельность также имеет свои разновидности. Ее классифицируют по субъектам, по сфере осуществления и иным основаниям. Тем не менее, не все ученые разделяют мнение о необходимости выделения координационной деятельности, поскольку она присуща практически любому типу юридической деятельности (правотворчеству, исполнительной деятельности и т. д.). Практически такая же ситуация наблюдается и с организационной деятельностью. Несмотря на то, что некоторые авторы относят ее к юридической деятельности, большинство ученых не соглашались с этим, поскольку она прямо не регулируется правом. По нашему мнению, здесь речь может идти лишь об общих принципах. Данная деятельность, как правило, не нуждается в издании юридических документов, так как осуществляется посредством определенных разовых дел. Хотя, конечно, она должна не противоречить законодательству и подзаконным актам.

В последнее время появились работы, в которых такое общетеоретическое понятие, как «правопонимание», называют определенным типом правовой деятельности. К примеру, П. А. Оль предложил следующую формулировку: «Правопонимание в широком смысле слова может рассматриваться как интеллектуальная деятельность, направленная на познание права; отдельные его элементы познавательно-правовой деятельности (восприятие правовых явлений, представление о правовых явлениях и праве в

---

²⁸ Там же. С. 18.

²⁹ См.: Шагиев Б. В. Юридическая деятельность в современном российском обществе: теоретико-правовой аспект. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 72 – 75.

целом, понятие права), а также совокупность (или система) интерпретируемых правовых знаний, полученных в результате познавательно-правовой деятельности».³⁰

Действительно, чтобы осуществлять какую-либо нормотворческую, либо правоприменительную юридическую деятельность, необходимо владеть определенной суммой знаний норм права, умением их находить, выводить из норм-предписаний логические нормы, правильно интерпретировать нормативные положения и принимать в соответствии с законодательством верные и целесообразные управленческие решения. При этом осуществление различных типов юридической деятельности непосредственно связано с правовой пропагандой. Любой теоретик права и практикующий юрист, прежде чем объяснять, растолковывать и применять те или иные нормы права, используя для этого различные приемы, сам должен осознать ценность права, его значимость в упорядочивании общественных отношений в социуме, он должен на высоком уровне владеть правовыми знаниями, а уже потом заниматься правовой пропагандой. В этой связи следует отметить, что у правопонимания имеются следующие уровни, соответствующие уровням правовой культуры и правового сознания.

1. Обыденный уровень. Он характеризуется, как правило, тем, что люди неверно понимают и толкуют право вообще и отдельные нормы права, либо акты применения права. Он характерен для обывателей, обладающих низким уровнем общей и правовой культуры.

2. Профессиональное правопонимание. Для данного уровня характерно профессиональное знание, толкование и применение норм права, знание системы права, отраслей права и доскональное знание, как правило, тех норм права, с которыми они работают на практике.

3. Научное правопонимание. Оно характерно для ученых юристов, которые исследуют различные проблемы правопонимания, разделяют идеи того или иного подхода к праву, могут находить нормы права и грамотно их толковать и применять, быть представителями научных школ и доказывать идеи той школы, которую они основали, или взгляды, которой они разделяют.

Сказанное позволяет отнести деятельность, направленную на понимание права и, соответственно, правовых категорий, к правовой подготовке юриста, деятельности, связанной с его профессиональным становлением, поскольку без таковой невозможен ни один из перечисленных

³⁰ См.: *Оль П. А.* Правопонимание: от плюрализма к двуединству. СПб., 2005. С. 16.

выше видов юридической деятельности.

Тем не менее, типы (виды) юридической деятельности не являются однообразными занятиями, поскольку они имеют свою структуру, то есть состоят из отдельных видов деятельности. Так, например, нормотворчество как отдельный тип (вид) системы юридической деятельности само включает в себя различные виды нормотворчества, что и обуславливает возникновение, функционирование и совершенствование иерархической системы нормативных документов. Применительно к Российской Федерации можно выделить следующие виды нормотворчества: нормотворчество народных масс в виде референдума, законодательную деятельность парламента, нормотворчество таких высших органов государственной власти, как Президент и формируемое им Правительство России, нормотворчество федеральных органов исполнительной власти, то есть министерств и ведомств, нормотворчество законодательных и исполнительных органов субъектов Федерации, локальное нормотворчество, включающее в себя нормотворческую деятельность органов местного самоуправления, и корпоративное нормотворчество. В свою очередь, это отражается и на результатах перечисленных видов нормотворческой деятельности в Российской Федерации, то есть на различных по юридической силе и регулируемым отношениям нормативных актах. Помимо этого, представленная иерархия видов нормотворческой деятельности обусловлена, прежде всего, компетенцией того или иного властного органа, его функциями и задачами, а также соподчиненностью, субординационными отношениями, возникающими между органами власти. Между тем, каждый вид правотворчества также состоит из отдельных стадий (этапов), которые выступают в роли определенных подвидов правотворческого процесса (правотворческая инициатива, подготовка проекта нормативного акта, его экспертиза и т. п.).

Из сказанного следует, что типология как метод, своеобразный способ исследования юридической деятельности, способна оказывать помощь не только в осуществлении ее анализа и выделении разнообразных видовых характеристик, но содействует определению правовой природы юридической деятельности, как явления в целом, так и его структурных звеньев. Типология помогает привести знания об объекте в определенную систему на основе определенных принципов.

Таким образом, проведенный анализ показал, что для познания природы юридической деятельности недостаточно исследовать только

его понятие и характерные признаки, для достижения поставленной цели следует изучить также его структуру и видовые характеристики, которые помогают более детально раскрывать особенности данного вида человеческой деятельности.

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА

В. А. Затонский*

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ УЧАСТИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Развитие российской государственности, начиная с 1989 г., во многом определяется характером и результатами проходящих в стране выборов должностных лиц всех уровней. Социальная ценность выборов в демократическом государстве предопределяется тем, что они «дают высшую изначальную легитимность всей структуре органов государственной власти».¹ И хотя органы государственной власти в России формируются не только путем выборов, но и путем назначений, указанная позиция верна, поскольку и назначения на высшие посты в органах исполнительной и судебной власти осуществляются выборными органами. Выборы – это узаконенная форма прямого народного волеизъявления, важнейшее проявление демократии. Через выборы граждане оказывают воздействие на формирование органов государственной власти и тем самым реализуют свое право на участие в управлении государством. Выборы – это высшее непосредственное выражение власти народа.²

В этой связи возникает вопрос о том, кто же является главным действующим субъектом избирательного процесса – «абстрактный народ» или вполне «конкретные граждане государства»? В юридической литературе су-

---

* Кандидат исторических наук, доцент, Балашовский филиал Саратовского государственного университета.

¹ Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1999. С. 347.

² См.: ч. 3 ст. 3 Конституции РФ; Конституция Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. Б. Н. Топорнина. М., 1997. С. 101–104.

ществует мнение, что в качестве особого, управомоченного субъекта избирательных правоотношений выступает народ как единственный суверен и носитель власти в Российской Федерации, обладающий абсолютной правосубъектностью, в том числе и в сфере формирования органов государственной власти и местного самоуправления.³ Думается, что ближе к истине иная позиция. Ведь народ есть объединенная едиными историческими и территориальными признаками высшая социальная общность людей. Это позволяет рассматривать его в качестве субъекта политических отношений, которые не требуют формальной определенности и обязательной юридической персонифицированности их участников. Что же касается правовых или политико-правовых связей и такой их разновидности, как избирательные отношения, то в силу известной аморфности и отсутствия внешней правовой обособленности вряд ли правомерно говорить о том, что право участвовать в свободных выборах относится к исключительному правомочию народа.⁴

Народ как социально-политический феномен является единственным источником власти. Но передача этой власти выборным государственным органам и органам местного самоуправления осуществляется посредством реализации принадлежащих не народу, а гражданам России избирательных прав. Не случайно именно граждане являются главным адресатом избирательного законодательства и единственными обладателями конституционного права избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления.⁵ Помимо граждан, без их участия невозможно существование избирательных отношений, поскольку иначе пришлось бы признать, что цели выборов могут быть достигнуты при отсутствии свободного волеизъявления непосредственных обладателей избирательных прав.

Сфера политического участия есть особая сфера жизнедеятельности гражданского общества, в которой индивиды, организованные в соответствии

---

³ См.: *Лучин В. О.* Конституционные нормы и правоотношения. М., 1997. С.120 – 121.

⁴ Подробнее см.: *Веденеев Ю. А., Князев С. Д.* Избирательные правоотношения // Государство и право. 1999. № 5. С. 27–35; *Масленникова С. В.* Народное представительство и права граждан в Российской Федерации. М., 2001. С. 96–108; *Коробов В. В.* Избирательный процесс в России // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 1. С. 159–165.

⁵ См.: ч. 2 ст. 32 Конституции РФ; Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67–ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253; Федеральный закон от 20 декабря 2002 г. № 175–ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 45. Ст. 4982.

со своими частными интересами, одновременно выступают как граждане, участвующие в формировании механизма государственной власти. Сфера политического (и правового) участия «представляет собой систему отношений, связующих неполитическую сферу гражданского общества с политической сферой государства».⁶ Именно в этом качестве данная сфера может рассматриваться как элемент государственности, движущая сила ее развития, один из важнейших критериев ее эффективности.

Из сказанного вытекает также то, что избирательные, электоральные отношения вряд ли следует считать сугубо политическими или сугубо правовыми. В этих отношениях наиболее ярко проявляется тесное взаимодействие политики и права, их сотрудничество. Н. И. Матузов верно отмечает: «Право и политика взаимозависимы и взаимообусловлены. Это – объективная данность».⁷ Как политика имеет правовое измерение, так и право может рассматриваться в политическом аспекте, осмысливаться политологически. Юристы и политологи справедливо рассматривают право и политику как единые политико-правовые ценности. Эта тенденция становится все более устойчивой.⁸

В ходе выборов протекают процессы, возникают отношения, которые и политизированы, и узаконены. Право и политика здесь соприкасаются настолько явно и настолько тесно, что можно говорить об избирательном процессе как о политико-правовом процессе, а об избирательных отношениях – как о политико-правовых отношениях. В то же время здесь, как, пожалуй, больше нигде, проявляется «разнобой», «раздрай», «разлад» между тем, как должно быть, и тем, что есть на самом деле. Н. И. Матузов весьма резко, но абсолютно справедливо отмечает, что в избирательном процессе «право и политика буквально сталкиваются лбами. Существует законодательство о выборах, но его нормы и требования почти никто не соблюдает. Избирательная кампания разворачивается по своим собственным “законам”. Черный пиар, грязные технологии, компроматы, подкуп избирателей, давление различных криминально-

⁶ Гражданское общество, правовое государство и право: («Круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии»). Выступление В. А. Четвернина // Государство и право. 2002. № 1. С. 18.

⁷ Матузов Н. И. Право и политика: антиподы или союзники? // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 1. С. 7.

⁸ См.: Матузов Н. И. Право в политическом измерении // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 1. С. 5; Политико-правовые ценности: история и современность / Под ред. В. С. Нерсисянца. М., 2000; Соловьев А. И. Политологический облик постсовременности: очевидность явления // Общественные науки и современность. 2001. № 5.

олигархических групп и кланов, силовое преследование, использование так называемого административного ресурса – все пускается в ход ради победы того или иного кандидата в депутаты или в губернаторы. Избирательное право и политическая практика во время проведения выборов чаще всего оказываются несовместимыми. Право подминается политикой». ⁹ Такое «сочетание» права и политики неестественно и ненормально. И это – одна из главных бед российского политико-правового процесса формирования органов государственной власти, местного самоуправления, да и всего реформационного процесса в нашей стране.

Иначе говоря, выборы в России не стали подлинно свободными и честными. А ведь социальной ценностью являются именно такие выборы, а не любые. Только они позволяют повысить активность граждан в управлении государством и тем самым решить такие важные задачи, напрямую связанные с эффективным функционированием государственности, как усиление политической конкуренции, «соревновательности как основы функционирования политической системы»; ¹⁰ достижение прогресса в формировании новых политических элит, представители которых должны прийти на смену авторитарным, коррумпированным политикам; ¹¹ интеграция полиэтнического и поликонфессионального общества. ¹² Выборы смогут выполнить эти функции, если будут осуществляться на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права (прямого волеизъявления) при тайном голосовании в условиях многопартийности и конкурентности, а само участие в деятельности политических партий и выборах будет свободным и добровольным. Важно также, чтобы сроки, порядок и периодичность проведения выборов соответствовали международно-признанным стандартам, Конституции РФ и избирательному законодательству. В совокупности все это и делает выборы свободными, справедливыми и честными.

В России участие в выборах является одним из самых массовых каналов вовлечения населения в политико-правовую жизнь общества. Особое значение при этом имеет явка граждан на избирательные участки.

⁹ Матузов Н. И. Право и политика: антиподы или союзники? С. 14.

¹⁰ Чиркин В. Е. О некоторых проблемах реформы российской Конституции // Государство и право. 2000. № 6. С. 10.

¹¹ См.: Аринин А. Н. Проблемы преодоления бюрократизма Российского государства // Вестник Фонда развития политического централизма. Вып. № 22–23. Россия в условиях трансформаций: Историко-политологический семинар. Материалы. М., 2002. С. 155.

¹² См.: Российская Федерация и ее субъекты: проблема укрепления государственности. «Круглый стол» в Институте государства и права РАН, 12 сентября 2000 г. Выступление В. В. Смирнова // Государство и право. 2001. № 7. С. 93–94.

По этому главному показателю массовости мы уже не отстаем от развитых западных демократий.

Однако есть и существенные отличия. Так, если у среднестатистического западного избирателя процесс голосования совмещен с твердой верой в то, что его голос действительно будет учтен, то россияне относятся к процедуре волеизъявления гораздо более скептически. Согласно исследованию, проведенному Институтом развития избирательных систем (ИРИС),¹³ лишь 6–9% населения уверены, что их участие в политической жизни страны может быть эффективно. В то же время подавляющее большинство россиян просто не видят в этом смысла и считают, что выборы, ход и результат которых определяются теневыми структурами, проходят нечестно. Более того, существенная часть избирателей рассматривает волеизъявление исключительно как способ выразить свой протест политикам и голосует за партии и кандидатов, оппозиционных власти.

Аналитики утверждают, что массовость участия в российских выборах напрямую зависит от доверия граждан тому или иному институту власти. Так, больше всего в стране доверяют Президенту, что, в общем-то, и делает выборы главы государства более популярными, чем выборы в Государственную Думу. По данным экспертов, уровень доверия к данной палате парламента среди всех органов власти – один из самых низких. Правда, еще меньше среди населения «котируются» местные органы власти, что довольно часто ставит региональные выборы под угрозу срыва. И если на выборы в провинции приходит 20 % населения, из которых лишь 5 % голосуют за какого-либо кандидата, то, как отмечают аналитики ИРИС, вообще стоит задуматься о легитимности власти. Для сравнения, в США на выборах в рамках штата явка намного больше, чем на президентских, поскольку американцы знают, что их благополучие в большей степени зависит от губернатора, чем от президента, который должен быть сосредоточен на решении глобальных проблем.

Повышению явки на избирательные участки может способствовать то, что во многих субъектах РФ местные выборы совмещены с федеральными. Но, думается, небезосновательны опасения ряда аналитиков, что ситуация с годами может еще более ухудшиться. Главная причина этого справедливо усматривается в том, что политические партии и общественные организации привлекают граждан к политической жизни только на период

---

¹³ См.: Кузьмин В. Ходим дружно, но не доверяем. На выборах избиратели будут активны и придиричивы // Российская газета. 2003. 4 ноября.

выборов, а в остальное время занимаются решением собственных (в основном внутренних) задач. В этой связи вполне возможно, что власти придется сделать явку на избирательные участки обязательной, как, например, в Австралии.

В то же время, как представляется, с этим спешить не стоит. Также не стоит и впадать в панику от создавшейся ситуации. Было бы глупо надеяться, что за десять с небольшим лет существования российской избирательной демократии сформировались бы дееспособное гражданское общество, готовое активно участвовать в жизни страны, и крепкая социально-политическая структура.

Еще более нелогичной в этом вопросе выглядит гонка за развитыми странами, сопоставление с ними того, что имеет место в России. В тех же Соединенных Штатах демократический строй формировался столетиями. Мы же по сравнению с ними пока находимся в младенческом возрасте.

Невысокие качественные показатели народного участия характерны не только для избирательного процесса, но и для иных сфер политической жизни страны. И это вполне закономерно, поскольку все они взаимосвязаны и взаимообусловлены. В плане исследования эффективной государственности особый интерес представляют показатели общественной активности россиян, а также ответ на вопрос о том, какие существуют барьеры на пути ее повышения. Обратимся к одному из последних исследований ВЦИОМ.¹⁴

Кроме участия в выборах в органы власти различного уровня, приемлемыми для россиян формами гражданской активности являются участие в коллективном благоустройстве ближайшей «сферы обитания» (окружающих территорий, домов, детских площадок) и сбор средств для людей, попавших в тяжелое положение.

Деятельность в политических партиях, профсоюзах, общественных и религиозных организациях, органах местного самоуправления привлекает не более 2 – 4 % россиян. Треть опрошенных (32 %) в течение 2004 г. вообще ни в чем подобном участие не принимали. Среди причин общественной и политической пассивности россиян доминируют две: 1) занятость людей своими насущными проблемами (44 %); 2) уверенность в том, что их общественная деятельность не будет результативной, не сможет решить их проблем (43 %). Чуть более четверти опрошенных (27 %) винят в низком уровне общественно-политического участия разобщенность россиян. 8 %

¹⁴ См.: Яковлева Е. Домашняя активность. Какую гражданскую активность предпочитают россияне // Российская газета. 2004. 5 октября.

опрошенных прямо заявляют, что в стране отсутствует инфраструктура, необходимая для гражданского участия, то есть в стране, по их мнению, нет политических партий и общественных организаций, которым можно было бы доверять.

Что может изменить ситуацию и побудить граждан России к более активному политико-правовому участию? Прежде всего, укрепление уверенности в том, что эта деятельность будет результативной (49 %). Немало людей побуждают к активности исключительно личные прагматические соображения (возможность заработать, попасть «во власть», реализовать свой инициативный проект). Хотя велика доля тех, кто готов участвовать в общественной жизни из альтруистических соображений (22 %). Примечательно, что почти половина опрошенных (49 %) считают сотрудничество правозащитных, экологических и других общественных организаций с властью необходимым, так как по мнению россиян, общественные организации самостоятельно не могут решить стоящих перед ними задач.

Что же касается вопроса о создании общественной палаты для гражданского контроля над деятельностью государственного аппарата, то большинство граждан в целом поддерживают эту инициативу Президента РФ. Основной целью деятельности палаты россияне считают получение ею отчета представителей власти об их деятельности, обсуждение важных общественных проблем (20 %), экспертизу значимых для страны законопроектов (18 %). В то же время каждый пятый не видит никакой необходимости в создании специального общественного форума, полагая, что контроль над государственными органами должен осуществлять всенародно избранный парламент и представленные в нем политические партии.

Таким образом, обобщая изложенные результаты социологических исследований, приходим к выводу, что активизации как общественной жизни в целом, так и жизни политико-правовой, в нашей стране во многом мешает продолжающийся процесс бюрократизации всех сторон жизнедеятельности общества.

Бюрократизация охватила многие сферы жизни нашего общества, в том числе и избирательный процесс, выборы. Под бюрократизацией выборов понимается использование в ходе выборов административного ресурса, то есть использование полномочий властных структур или их руководителей, которые дают на выборах большие преимущества одним кандидатам и фактически лишают шансов других. При этом всегда применяются

«грязные» технологии, фиксируются произвол избирательных комиссий и судов по снятию кандидатов за несущественные нарушения, фальсификация подсчета голосов избирателей при подведении итогов голосования и др. Вся недолгая постсоветская история выборов фактически предстает как процесс их бюрократизации. Рассмотрим его подробнее.

История альтернативных, более или менее демократических выборов в нашей стране началась с выборов на Съезд народных депутатов СССР весной 1989 г. Именно тогда, впервые в истории Российского государства, у избирателей появилась возможность реального выбора. Расширились возможности для кандидатов, не принадлежащих к партийной номенклатуре и элитным социальным группам. У них появилась возможность вхождения в состав политической элиты страны через выборную должность с последующим участием в подготовке и принятии политических решений. Специалисты отмечают также, что в ходе выборов на Съезд народных депутатов СССР, в Верховный Совет РСФСР практически все политические силы в своих программах отводили праву, законам значительную, «иногда даже кардинальную» роль в общественных преобразованиях.¹⁵ Через 10 – 12 лет после этих событий уже практически вся российская представительная власть федерального, регионального и муниципального уровней стала формироваться на основе выборов. В настоящее время всеобщим, прямым и тайным голосованием избираются и Президент РФ, и депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ, и региональные (в субъектах РФ) органы законодательной власти, и мэры большинства городов, а также органы местного самоуправления.

Эти события, которые можно с известной долей условности назвать «весной российской демократии», показали, что выборность власти в целом способствует созданию в России конкурентной политической среды, которая вынуждает политиков действовать в соответствии с нормами современной демократии не только при подготовке и проведении выборов, но и в периоды между ними. Российская политическая элита и политические лидеры признали выборы единственным средством легитимации власти и в государстве, и в регионах, и на местном уровне. Но одновременно, как отмечают аналитики, российские участники политического процесса стали стремиться уменьшить неопределенность выборов, сформировать выгодное

---

¹⁵ См.: *Малько А. В.* Противоречивость правовой жизни в России и пути ее упорядочения: Доклад на региональной научной конференции «Политическая и правовая жизнь современной России: федеральные и региональные проблемы». Пензенский гос. ун-т, 17–18 мая 2001 г. // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 4. С. 197.

для них общественное мнение и обеспечить желательный исход выборов для тех из них, кто уже обладает властью.¹⁶ Такую тенденцию в развитии российской демократии нельзя не признать негативной. Ее следствиями, в частности, являются манипуляции на выборах, фальсификация их результатов, применение незаконных и неэтичных методов ведения избирательных кампаний. К сожалению, анализ российских выборов как федеральных, так и региональных дает немало подобных примеров.

Получается, что рассмотреть историю процесса бюрократизации российских выборов значит изучить процесс развития избирательных технологий. Эти технологии прошли в своем развитии, как минимум, три этапа и сейчас находятся на четвертом. В соответствии с темой исследования разделение на эти этапы осуществлено по эффективности воздействия избирательных технологий на избирателей. При этом следует иметь в виду достаточно условный характер данной периодизации хотя бы потому, что политическое развитие в различных регионах России происходило и происходит неравномерно. В некоторых из них, таких как Москва, Санкт-Петербург и некоторые другие крупные регионы, избирательные технологии развиваются быстрее. Аналитики часто фиксируют такие ситуации, когда в других регионах оказываются эффективными такие политические технологии, которые устарели в более развитых территориях. Поэтому было бы неверным утверждать, что Россия в целом уже прошла тот или иной этап развития политических и избирательных технологий. И все же развитие большинства российских регионов в этом отношении происходит в одном и том же направлении, хотя и с разной скоростью.¹⁷

Первый этап развития избирательных технологий начался в 1989 г., в ходе подготовки к первым альтернативным выборам на Съезд народных депутатов СССР, и продолжался до 1991 г., а в некоторых регионах до 1993 г. На этом этапе еще не приходится говорить о каких-то системных технологиях. Кандидаты, не принадлежащие к партийной номенклатуре, применяли отдельные элементы избирательных технологий, которые нередко приводили к успеху. Важнейшим ресурсом не номенклатурных кандидатов была поддержка избирателей, и преимущество в конкурентной

---

¹⁶ Интернет-мониторинг выборов в России (новая гражданская инициатива Проекта «Информатика для демократии-2000+»): Аналитический доклад по результатам Проекта / Сатаров Г. А. (общ. ред., предисл., разд. 8, закл.); Виноков И. А., Кульянов Е. Г. (разд. 1); Римский В. Л. (разд. 2, 3, 6); Федотов М. А. (разд. 4); Кулакова Д. И. (разд. 5); Шейнис В. Л., Каюнов О. Н., Луценко В. И. (разд. 7). М., 2001. С. 33. (Далее: Интернет-мониторинг...)

¹⁷ Там же. С. 34.

борьбе на выборах можно было получить за счет новизны и неожиданности отдельных приемов ведения избирательных кампаний. Партийная номенклатура использовала, в первую очередь, ресурсы власти. Это также приносило успех, но только тем кандидатам, которые были допущены к распоряжению такими ресурсами. Следует отметить, что одного (чистого) бюрократического арсенала не хватало тогда для победы. Поэтому для усиления воздействия властного ресурса номенклатурные кандидаты вынуждены были использовать некоторые элементы избирательных технологий: ораторское искусство, подарки избирателям, публикации программ в прессе, выпуск листовок, обход избирателей, ведение с ними бесед об их жизни, выслушивание наказов, замечаний и предложений. Весь целостный комплекс технологий тогда не требовался никому.

В ходе проведения демократических выборов на всех уровнях избиратели постепенно учились делать выбор в новых условиях, и это требовало совершенствования избирательных технологий. Избиратели все меньше верили пустым обещаниям, нереализуемым программам и абстрактным призывам.

Второй этап развития избирательных технологий охватил примерно 1993–1995 гг. (от первых до вторых выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ). На этом этапе был использован опыт других стран (США, Великобритании, Германии, Франции и др.). Но главное не в этом, а в том, что отдельные элементы избирательных технологий, примененные вне системы, оказывались малоэффективными. Важнейшим фактором успеха на выборах становилось комплексное применение соответствующих технологий. Этот период характеризовался активным внедрением в российскую политическую жизнь подготовки избирательных кампаний разнообразных методов и методик: разработки стратегии и тактики ведения избирательных кампаний, проведения социологических мониторингов, телефонных опросов и агитации по телефону, адресных рассылок именных писем избирателям, использования компьютерных методов разработки печатной рекламной продукции и многих других.¹⁸

Выборы этого этапа еще не позволяют говорить о сформировавшихся избирательных традициях, которые предполагают, с одной стороны, своеобразные установки общественного сознания, закрепляющие ценности выборной демократии, а с другой – соответствующие им акты

---

¹⁸ Там же. С. 35.

электорального поведения.¹⁹ Выборы 1993–1996 гг. показали «завидное разнообразие» прогнозов и результатов голосования избирателей.²⁰ Эта проблема, видимо, будет разрешена по мере накопления опыта выборных отношений, когда выборы в России перестанут «имитировать по форме» избирательные процедуры современной либеральной демократии и оставаться «по существу элитистскими».²¹

Третий этап развития избирательных технологий начался примерно с конца 1995–начала 1996 г., в период подготовки к президентским выборам, и продолжался до конца 1999 г. Этот этап характеризуется тем, что: 1) для победы стали необходимы новые, нестандартные технологии, интегрирующие работу с избирателями, политическими партиями, общественно-политическими движениями, их лидерами, представителями политической, финансовой и предпринимательской элит; 2) широко применялось создание коалиций; 3) необходимость использования современных избирательных технологий стала осознаваться не только на федеральном уровне, но и в абсолютном большинстве российских регионов;²² 4) в наиболее политизированных регионах (Москва, Санкт-Петербург, Калининградская, Свердловская, Челябинская области, Краснодарский и Приморский края и некоторые другие) востребованность таких технологий была очень высока; в отстающих же по политическому развитию регионах (многие автономные округа и некоторые республики) результаты выборов практически полностью определялись предпочтениями руководителей органов исполнительной власти и договоренностями между лидерами региональных и федеральных элитных групп.²³

На этом этапе процесс бюрократизации стал охватывать и выборы на федеральном уровне. Особое значение выборов 1993–1996 гг. обусловлено тем, что они были «учредительными» для обновляющейся российской государственности, по существу конституировали эту государственность. Однако подлинную демократию они не учредили, несмотря на закрепление в политической жизни страны выборных процедур. Ведь демократия – это

¹⁹ См.: *Коробов В. В.* Избирательный процесс в России // *Правовая политика и правовая жизнь.* 2001. № 1. С. 161.

²⁰ См.: *Мелешкина Е. Ю.* Российский избиратель: установки и выбор // *Первый электоральный цикл в России 1993–1996 гг.* М., 2000. С. 178.

²¹ *Коробов В. В.* Избирательный процесс... С. 161. См. также: *Ильин М.* Соревновательные выборы в России: Доклад, представленный на «круглом столе» «Информационные и интеллектуальные ресурсы на службе свободных и демократических выборов». М., 1999.

²² См.: *Интернет-мониторинг...* С. 35–36.

²³ Там же. С. 36.

не просто наличие выборов, а наличие выборов свободных и честных, справедливых, в ходе которых главную роль исполняют не органы государственной власти, а граждане – самоопределяющиеся личности.

В октябре–декабре 1993 г. решающую роль в подготовке и проведении выборов играла президентская власть, действия которой по разгону парламента никак нельзя признать правомерными, поскольку «это была голая, волюнтаристская политика, все ломалось “через колено”. Право в любой его интерпретации терпело фиаско».²⁴ «Учредительные» выборы нового парламента были совмещены с общероссийским референдумом по принятию новой Конституции РФ. Данные кампании нельзя признать подлинно демократическими, свободными и справедливыми в силу того, что: 1) само основание, причина, по которым эти выборы пришлось проводить, были неправомерными, противозаконными, возникшими в результате противоправных действий власти; 2) выборам 1993 г. сопутствовало недопущение к участию в избирательном процессе ряда политических субъектов, выступивших в конфликте президента и парламента на стороне последнего; 3) итоги выборов и референдума по Конституции в полном объеме так и не были преданы гласности, что, естественно, вызвало сомнения в соответствии их действительным результатам голосования.²⁵ Получается, что власть присвоила себе «право собственности» на результаты выборов и референдума, право распоряжаться ими по своему абсолютно никому не подконтрольному усмотрению, что является грубейшим и опаснейшим для демократической государственности проявлением бюрократизма.

Результатом является то, что действующая Конституция России, ее статус, правомочность и законность ставятся под сомнение многими экспертами, исследователями и политиками по самым разным причинам. До сих пор со страниц научной печати не сходят вопросы о том, «действительно ли Конституция была одобрена большинством принявших участие в голосовании?»; «можно ли вообще Конституцию принимать всенародным голосованием, когда ее основные положения подавляющее большинство населения не знало, не знает и вряд ли будет знать в обозримом будущем?».²⁶

---

²⁴ Подробнее см.: Матузов Н. И. Право в политическом измерении. С. 13–20; Кудрявцев В. Н. О правопонимании и законности // Государство и право. 1994. № 3. С. 4–5; Тихомиров Ю. А. Юридическая коллизия: власть и правопорядок // Государство и право. 1994. № 1. С. 3–6.

²⁵ См.: Коробов В. В. Избирательный процесс... С. 162.

²⁶ Тощенко Ж. Т. Парадоксы и противоречия правового сознания // Безопасность Евразии. 2002. № 3 (9). С. 561–562.

На эти и многие другие вопросы и поныне нет окончательного ответа.

Выборы Президента РФ в 1996 г. также можно назвать «учредительными». Положительным моментом было то, что, несмотря на политическую напряженную ситуацию накануне выборов, не последовало их отмены или переноса, а также отказа от демократических процедур. Вместе с тем в ходе этих выборов фиксировалось применение «грязных» избирательных технологий, которые применялись в основном находившимися у власти участниками избирательного процесса. В качестве наиболее яркого примера бюрократизированности этих выборов можно назвать явный контроль правящей группировки над большинством средств массовой информации, целью которого было проведение активно-навязчивой, «требовательно-заставляющей» агитации в пользу кандидата от власти Б. Н. Ельцина. Эти и подобные им обстоятельства²⁷ дают основание утверждать, что президентские выборы 1996 г. были очередным этапом на пути бюрократизации российских выборов, которые в таком виде мало способствуют закреплению в политической и правовой жизни России демократических традиций, одной из которых являются свободные, честные, справедливые и эффективные избирательные процедуры. И хотя, как отмечалось выше, избирательные технологии от этапа к этапу совершенствуются, становятся все более разнообразными, это не дает достаточных оснований для более позитивной оценки российского избирательного процесса.

Правота такого утверждения подтверждается последовавшими после президентских выборов избирательными кампаниями в регионах России. Тенденция к усилению «административного ресурса», не всегда правомерному и компетентному, с юридической точки зрения, вмешательству в избирательный процесс со стороны власти, была перенесена и на выборы регионального и местного уровней.

К 1998–1999 гг. третий период развития избирательных технологий в России стал постепенно переходить в относительно новое качество. В избирательных кампаниях, проходивших не только в отстающих по своему политическому развитию, но и во многих других регионах, а также на федеральном уровне стал доминировать так называемый административный ресурс, то есть единый ресурс исполнительной и судебной власти как федерального, так и регионального уровней, владение которым позволяло обеспечить избрание желательного для власти кандидата. Результаты

---

²⁷ См.: *Фадин А.* Общественное согласие в целом достигнуто // НГ–сценарии. 1996. № 4.

практически всех выборов во многом стали определяться договоренностями представителей власти федерального и регионального уровней между собой.²⁸

Проявление и закрепление в российском избирательном процессе рассмотренных выше характеристик применения избирательных технологий позволяет утверждать, что к концу 1999 г. в России наступил четвертый период развития данного процесса, продолжающийся и в настоящее время. Этот период характеризуется тем, что результаты всех выборов (и федеральных, и региональных, и муниципальных) во многом определяются мнениями и предпочтениями представителей власти, а не мнениями и предпочтениями избирателей. Эта особенность современных выборов стала результатом приспособления российской власти к ситуации постоянных демократических выборов. Первые признаки складывания таких тенденций в российской политико-правовой жизни стали заметны еще в избирательных кампаниях 1995–1996 гг.

В целом сложившаяся ситуация позволяет утверждать, что если в ходе выборов 1989–1994 гг. возможности оказывать давление на избирателей со стороны бюрократии были незначительны, а в 1995–2000 гг. это давление хотя и возрастало, но было ограничено по своему реальному воздействию и осуществлялось скрытно, то в настоящее время «мероприятия» государственных и муниципальных органов по проталкиванию своих выдвиженцев, среди которых абсолютное большинство – бывшие либо действующие чиновники, проводятся явно, без каких-либо попыток «прикрыть» такие действия. Фактически все участвующие в выборах кандидаты абсолютно открыто, легально подразделяются на тех, кого поддерживают органы государственной власти, и тех, кто такой поддержки лишен.

Это – самое яркое выражение абсолютной бюрократизированности российского избирательного процесса. Негативное воздействие данного явления на эффективность государственности во много крат усиливается тем, что речь, по сути дела, идет о полной «дозволенности», полной «свободе» действовать в нарушение закона, которую власть безапелляционно присвоила. Бюрократизация в данном случае нарушает такие базовые принципы проведения выборов и референдума в России, как свободное и добровольное участие гражданина РФ в этих процессах. Законодатель признает: свобода и добровольность означают, что «никто не вправе оказывать воздействие на гражданина Российской Федерации с целью

²⁸ См.: Интернет-мониторинг... С. 36–37.

принудить его к участию или неучастию в выборах и референдуме либо воспрепятствовать его свободному волеизъявлению».²⁹

Анализ избирательной практики показывает, что беззастенчивое использование административного ресурса становится нормой, закономерностью российского избирательного процесса. За последние годы так называемые «крепкие хозяйственники» укрепили свои позиции на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке; они держат выборы под своим плотным контролем. Описанные выше способы прямого давления на избирателей характерны для периферии. На региональном и федеральном уровне появились иные технологии. Руководитель исследовательской группы «Меркатор» при Институте географии РАН Д. Орешкин верно отмечает, что управление – это процесс номер один на любых выборах, имея в виду нормальный, осуществляемый в рамках закона процесс управления. Другое дело, что, по его мнению, грубое давление на избирателей уступает место «более тонким технологиям». Не обязательно вести «агрессивные кампании» – достаточно «вытолкнуть» нежелательного кандидата в заведомо «управляемый» округ. «Незачем подтасовывать результаты и заниматься приписками: аккуратная “перенарезка” округов, слияние в единый ТИК городских и сельских участков, перенос окружной “избирательной столицы”, скажем, из шумного и бесшабашного курортного города в тихий сельский поселок дает нужные результаты. Округ становится сугубо “деревенским” и “депрессивным”, там другой процент явки, иные предпочтения избирателей...».³⁰ Можно добавить, что такие действия заведомо не считаются нарушениями, но эффект, судя по статистическим данным,³¹ немалый.

В таких действиях, видимо, есть и положительный момент. Они свидетельствуют, что закон сейчас стали уважать больше, чем в прежние времена, все большее число чиновников озабочены тем, чтобы не нарушать его слишком прямо и грубо. Вместе с тем, складывается парадоксальная ситуация: чем строже законы, тем проще использовать административный

²⁹ Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Часть 3 ст. 3 // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

³⁰ Добрынина Е. Избирательная арифметика. Выборы в России похожи на компьютерную игру – «стратегию» // Российская газета. 2003. 5 ноября.

³¹ См.: Выборы в Российской Федерации. 1993–2003. Электоральная статистика. Компакт-диск. М.: Исследовательская группа «Меркатор» при Институте географии РАН. (На основе материалов ЦИК РФ и Федерального центра информатизации при ЦИК РФ), 2003.

ресурс – всегда можно найти способ «уличить» конкурента в чем-либо противозаконном. Тем более, что местные правоохранительные органы, а также СМИ, как правило, помогают в этом обладателям административных преимуществ.

По мнению экспертов, существенно способствует бюрократизации выборов и равнодушие избирателей к ним. Верно говорят: низкая явка – подарок для «управленцев». «Европа выросла на традициях “борьбы с феодалами за права горожан”», а нам избирательное право как будто манна небесная с неба упало плюс опыт “стадвухпроцентного” голосования в брежневские времена... Но факт остается фактом: проблемы в сфере электоральной культуры оборачиваются ошибками выбора».³²

Ясно, что сложившаяся ситуация не может быть терпимой. Необходима решительная дебюрократизация выборов. И на первом месте среди факторов, способных обеспечить решение данной задачи, стоит проблема профессионализма, политической и правовой культуры участников избирательного процесса. Большинство нарушений избирательного законодательства, совершенных, прежде всего, участковыми избирательными комиссиями, вызвано незнанием закона или небрежностью членов этих комиссий, недостаточным уровнем их ответственности, инициативности и квалификации, а также присущим многим россиянам пренебрежительным отношением к формальным правилам и процедурам.³³ С другой стороны, этих формальных правил так много и они настолько подробны, что даже желающий соблюдать их человек нуждается в специальной подготовке, обучении. Часто даже опыт работы в избирательной комиссии на предыдущих выборах оказывается недостаточным, поскольку российское избирательное законодательство в период от выборов до выборов претерпевает существенные изменения. Отсюда – насущная необходимость обеспечить будущим членам избирательных комиссий возможность получать соответствующую подготовку в рамках организованной государством системы обучения.

Такое участие государства в выборах не будет признаком их бюрократизации, а, скорее, наоборот. Несомненно, все реально действующие политические силы направят на такое обучение своих представителей. Кроме того, нужно предпринять меры для повышения престижа и более существенной оплаты труда членов комиссий, в особенности на низовых уровнях.

³² Добрынина Е. Избирательная арифметика....

³³ Интернет-мониторинг... С. 172; Российская Федерация и ее субъекты: проблема укрепления государственности // Государство и право. 2001. № 7. С. 94.

Частично эта проблема может быть решена за счет более рационального распределения выделенных средств. Порядок такого распределения должен определяться коллегиально, а не служить инструментом воздействия председателя комиссии на ее членов или вышестоящих комиссий на нижестоящие.

Не менее важное значение имеют мероприятия по повышению политической и правовой культуры избирателей, других участников избирательного процесса, а не только организаторов выборов. Эти меры относятся к организационно-правовым гарантиям правомочий избирать и быть избранными в органы народного представительства.³⁴ Политико-правовое просвещение и обучение избирателей непременно должно проводиться в целях, прежде всего, преодоления политической апатии населения, повышения заинтересованности граждан в результатах выборов, формирования стремления к активному, осознанному выбору народных представителей. Сама власть признает, что «методы правового просвещения избирателей, такие как разъяснение и пропаганда избирательного законодательства, позволяют довести до сознания каждого гражданина его сопричастность к проводимым в стране реформам, ход которых в основном зависит от результатов волеизъявления, активности и ответственности граждан за реализацию своих конституционных прав»³⁵.

Кроме того, мероприятия по повышению политической и правовой культуры участников избирательного процесса должны быть направлены на улучшение профессиональной подготовки организаторов выборов, формирование у кандидатов, их доверенных лиц, представителей избирательных объединений, блоков знаний избирательного законодательства и практики его применения, навыков квалифицированного ведения избирательной кампании. В то же время от эффективного политико-правового просвещения и обучения участников избирательного процесса во многом зависит обеспечение реализации избирательных прав, надлежащая их защита, проведение демократических выборов.

Федеральная целевая программа повышения правовой культуры избирателей и организаторов выборов в Российской Федерации к мероприятиям правового просвещения и обучения участников избирательного процесса относит: разъяснение актов избирательного законодательства, издание научно-популярной литературы, создание радио- и телепередач, про-

---

³⁴ См.: Масленникова С. В. Народное представительство... С. 124.

³⁵ Федеральная целевая программа повышения правовой культуры избирателей и организаторов выборов в Российской Федерации. Абз. 3 разд. 1 / Утв. Указом Президента РФ от 28 февраля 1995 г. № 228 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 10. Ст. 862.

ведение лекций и бесед, выпуск тематических кинофильмов, проведение интенсивных курсов повышения квалификации организаторов выборов, организацию консультаций кандидатам, их доверенным лицам, представителям избирательных объединений, блоков, наблюдателям по вопросам технологии избирательного процесса и др. Некоторая работа такого рода в период выборов проводится. Так, в ходе выборов депутатов Государственной Думы 1995 и 1999 гг. по каналам телевидения транслировались подготовленные Центризбиркомом видеоматериалы, разъясняющие основные правила голосования и заполнения избирательных бюллетеней. В целях эффективного разрешения споров, возникающих в день голосования на избирательных участках, в 1995 г. была подготовлена в форме «Рабочего блокнота» сводная таблица возможных конфликтных ситуаций и юридических методов их разрешения.³⁶

Таким образом, юридическая база для работы по повышению правовой культуры участников избирательного процесса есть, вроде бы и желание у государства есть, а самой работы по настоящему, серьезному счету, нет. Работа эта носит бессистемный характер. И если члены и руководители избирательных комиссий субъектов РФ имеют возможность периодически повышать свою квалификацию, то с членами участковых комиссий никто не работает. О каком-либо серьезном воспитательном (позитивном) воздействии на избирателей со стороны государства вообще говорить не приходится. Без налаженной работы по политико-правовому воспитанию электората задачу де бюрократизации выборов решить не представляется возможным.

---

³⁶ Представительная демократия и электорально-правовая культура / Под общ. ред. Ю. А. Веденеева и В. В. Смирнова. М., 1997. С. 126–127.

А. В. Герасимов*

ВНУТРЕННИЕ ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Человечество знакомо с конфликтами с момента своего возникновения. Споры и войны вспыхивали на всем протяжении исторического развития общества между племенами, городами, странами, блоками государств. В современную эпоху вероятность крупномасштабных войн снизилась. Но взамен прежней угрозы появилась новая опасность глобального масштаба. Речь идет о многочисленных вооруженных конфликтах внутри государств, возникающих вследствие политических, религиозных или этнических противоречий между их гражданами.¹ События последнего десятилетия минувшего века показали, что «внутренняя война» легко вспыхивает в любой стране, где, помимо подходящей почвы (столкновения интересов социальных или этнических групп), появляются хотя бы самые незначительные сопутствующие условия (например, поддержка из-за рубежа).

Для России проблема конфликтов и их урегулирования особенно актуальна. Внутренний вооруженный конфликт в Чеченской республике не только затронул фундаментальные национальные ценности, но и заставил на практике проверить соотношение целей и средств обеспечения внутренней безопасности по объему и пределам применения силовых методов. Оценивая перспективы развития региональной социально-политической обстановки в Российской Федерации, а также военно-политической ситуации в приграничных районах некоторых стран ближнего зарубежья (недавние события в Киргизии, Узбекистане), можно с уверенностью утверждать, что существующий уровень конфликтности сохранится, и проблема

---

* Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Московского филиала Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина.

¹ По оценке Министерства обороны РФ, сегодня на планете насчитывается 160 зон этно-политической напряженности, 80-ти из них присуща вся атрибутика неурегулированных конфликтов. На состоявшейся в апреле 2000 г. совместной российско-натовской конференции представителей военных ведомств и ученых в сфере международного права отмечалось, что с рубежа 90-х начинается новый виток в истории внутренних вооруженных конфликтов, они становятся доминирующими в международной практике. В ряде случаев потребуется участие международного сообщества, в том числе миротворческих сил, для их локализации. (См.: Независимая газета. 2000. 18 апреля).

урегулирования внутренних вооруженных конфликтов в ближайшей перспективе не потеряет своей актуальности.

Основной проблемой здесь остается разработка государственными органами оптимальной модели управления внутренним вооруженным конфликтом, способов применения особых политико-правовых режимов для решения вопросов его локализации и урегулирования. Для того, чтобы не допускать превращения конфликтов в вооруженные, а если это все же произошло, уметь завершать их как можно скорее и создавать максимальные гарантии их невозобновления после достижения урегулирования, необходимо глубоко осознавать причины и природу внутренних вооруженных конфликтов.

Соотношение понятий «военный конфликт», «вооруженный конфликт» и «война»

За последние годы появилось много понятий, связанных с применением военной силы. В частности, в современной научной литературе, документах и материалах ООН для квалификации событий в той или иной стране (регионе) используются понятия: война (гражданская, национально-освободительная, локальная, региональная), конфликт (вооруженный, военный, межнациональный, этно-политический, конфессиональный) и т. п. Использование этих понятий в качестве синонимов создает предпосылки для искажения смысла и затрудняет адекватность восприятия характера обозначаемых ими социальных явлений. Каждое из понятий характеризует совершенно определенное состояние политических или военно-политических отношений, имеющее свои специфические признаки. Поэтому все вовлеченные в конфликт или в его урегулирование стороны должны не только оперировать однопорядковыми категориями, но и видеть в них одинаковое содержание, то есть, «говорить на одном языке». В данном случае совет Декарта – «уточняйте значение слов, и вы избавите мир от половины заблуждений» – принесет только пользу.

Основная путаница происходит в таких понятиях, как военный конфликт, вооруженный конфликт, война.

Как известно, война – это социально-политическое явление, особое состояние общества, связанное с резкой сменой отношений между государствами, народами, социальными группами и с организованным применением средств вооруженного насилия для достижения политических целей. С точки зрения же тактики, войну определяют как «конфронтацию между двумя

и более автономными группами государств, вызывающую санкционированные организованные, растянутые по времени военные действия, в которые вовлечена вся группа или, в большинстве случаев, ее часть в целях улучшения своего материального, социального, политического или психологического состояния, или в целом реализуя шансы на выживание».²

Большинство политологов и военных специалистов считает, что грань между войной и вооруженным конфликтом условна. С этим можно согласиться. Но имеется ряд существенных критериев, позволяющих определить различия между ними, а также место и роль каждого из этих социальных явлений в общественной жизни.

Во-первых, война обуславливается наличием коренных противоречий – экономических, политических – и ведется с решительными целями. Разрешение противоречий с помощью военной силы вызвано осознанием и потребностью реализации жизненно важных интересов общества, государства. Поэтому в войне всегда присутствует организационное начало. В вооруженном конфликте, как правило, на первый план выдвигаются национально-этнические, клановые, религиозные и другие, производные от основных, интересы и вызванные ими противоречия. Вооруженные конфликты могут принимать форму стихийных или преднамеренно организованных восстаний, мятежей, военных акций и инцидентов, в зависимости от того, кому принадлежат «конфликтные» интересы, кто является их носителем.

Во-вторых, война ведет к качественному изменению состояния всей страны и вооруженных сил. Многие государственные институты начинают выполнять специфические функции. Усиливаются централизация власти, концентрация всех сил страны, перестраиваются экономика и весь быт общества для достижения победы. Производится полная или частичная мобилизация вооруженных сил и экономики. Вооруженный конфликт, в отличие от войны, в основном определяет состояние вооруженных сил или их части. Боевые действия, как правило, ведутся частью боевого состава войск мирного времени.

В-третьих, в войне соответствующими институтами государства применяются все формы борьбы – политическая, дипломатическая, информационная, экономическая, вооруженная и др., а в вооруженных конфликтах стороны могут ограничиться вооруженными столкновениями,

---

² *Периц А. И., Семенов Ю. И., Шнилерман В. А.* Война и мир в ранней истории человечества: В 2-х т. / Институт этнологии и антропологии РАН. М., 1994. Т. 1. С. 56.

порою стихийными, хотя не исключается организованное применение ими других форм противоборства, в первую очередь – информационного.

В-четвертых, с юридической точки зрения войне присущи такие признаки, как формальный акт ее объявления (этого требует Гагская конвенция 1907 г.); разрыв дипломатических отношений между воюющими государствами и аннулирование договоров, которыми регулировались мирные отношения этих государств; введение военного положения (чрезвычайного положения) на территории воюющих государств (или ее части) и ряд других.

Таким образом, вооруженный конфликт не содержит основных признаков, присущих войне, как особому состоянию общества, а также необходимых правовых критериев, определяющих его как войну. Поэтому понятие «вооруженный конфликт» не тождественно понятию «война» и наоборот. Из этого следует известный принцип: любая война есть вооруженный конфликт, но не любой вооруженный конфликт является войной.

Понятие «военный конфликт», определяющим признаком которого является только применение военной силы для достижения политических целей, служит в качестве интегрирующего для двух других – вооруженный конфликт и война. Военный конфликт — любое столкновение, противоборство, форма разрешения противоречий между государствами, народами, социальными группами с применением военной силы. В зависимости от целей сторон и масштабных показателей, таких как пространственный размах, привлекаемые силы и средства, напряженность вооруженной борьбы, военные конфликты могут быть разделены на ограниченные (вооруженные конфликты, локальные и региональные войны) и неограниченные (мировая война). Применительно к военным конфликтам иногда, чаще всего в иностранной литературе, употребляются такие термины, как конфликты малого масштаба (низкой интенсивности), среднего масштаба (средней интенсивности), крупного масштаба (высокой интенсивности).

По мнению некоторых исследователей, военный конфликт – это форма межгосударственного конфликта, характеризующаяся таким столкновением интересов противоборствующих сторон, которые для достижения своих целей используют с различной степенью ограничения военные средства. Вооруженный конфликт – конфликт между средними и большими социальными группами, в котором стороны используют

вооружение (вооруженные формирования), исключая вооруженные силы.³ Вооруженные конфликты – это открытые столкновения с применением оружия между двумя или более руководимыми из центра сторонами, непрерывно продолжающиеся в течение какого-то времени в споре за контроль над территорией и ее управлением.

Другие авторы называют военным конфликтом противоречия между субъектами военно-стратегических отношений, подчеркивая степень обострения этих противоречий и форму их разрешения (с использованием в ограниченных масштабах вооруженных сил).⁴ Военные эксперты под вооруженным конфликтом понимают любой конфликт с применением оружия. В отличие от него, при военном конфликте обязательно присутствие политических мотивов при использовании оружия. Иначе говоря, суть военного конфликта – продолжение политики с использованием военного насилия.

Среди военных специалистов существует понятие ограниченного военного конфликта, конфликта, связанного с изменением статуса той или иной территории, затрагивающего интересы государства, и с применением средств вооруженной борьбы. В таком конфликте численность противоборствующих сторон составляет от 7 до 30 тыс. чел., до 150 танков, до 300 бронированных машин, 10 – 15 легких самолетов, до 20 вертолетов.⁵

Терминологическая нечеткость в определении характера вооруженного конфликта может привести к неадекватным действиям различных субъектов по его предотвращению или урегулированию. Так, если события в какой-либо стране оцениваются как подготовка к локальной войне, то для участия в них силовых структур важно точно знать предполагаемые масштабы военных действий и их характер. Если речь идет о внутреннем (или пограничном) вооруженном конфликте, то состав сил должен быть иным, как и характер боевых действий. В противном случае подразделения и части, готовящиеся, например, к конфликту, в случае войны не смогут решить поставленные задачи и понесут значительные потери в живой силе и технике.

Кроме этого, довольно часто те или иные внутрисоветские

---

³ См.: *Анциулов А. Я., Шипилов А. И.* Конфликтология: Учебник для вузов. М., 1999. С. 534.

⁴ См.: *Манохин А. В., Ткачев В. С.* Военные конфликты: теория, история, практика: Учебное пособие. М., 1994. С. 11 – 12.

⁵ См.: *Национальная безопасность России: реальность и перспективы.* М., 1996. С. 111.

вооруженные конфликты квалифицируются как межнациональные – в Нагорном Карабахе, Молдавии, Грузии, Боснии и т. д. Однако при этом упускается из виду социально-политическое содержание противоречий, имеющих в отношении между субъектами противоборства. Это предпринимается, как правило, с тем, чтобы на волне национализма подогреть обыденное сознание и направить недовольство против представителей определенной национальности или этнической общности, что чревато расширением масштабов конфликта. В этих условиях политические руководители сами становятся заложниками националистического экстремизма.

Неадекватные оценки субъектов противоборства приводят к затягиванию вооруженного конфликта, усилению его негативных последствий. В последнюю четверть XX века основными субъектами противоборства в войнах и военных конфликтах выступали: государства (коалиции государств); национально-освободительные движения и организации; правящие режимы (центральные правительства) и вооруженные оппозиционные группировки во внутригосударственных конфликтах. В мировой практике оценки этих субъектов проводятся с разных позиций и по различным аспектам: с точки зрения внешних сил, оцениваются все противоборствующие стороны; с точки зрения одной из них, рассматриваются главным образом противники и их союзники. В оценке того или иного субъекта обращается внимание на его политические интересы, цели, средства; численность и состав вооруженных сил или военных формирований; возможности получения оружия из других стран; социальную базу и т. д.⁶

Опыт многих конфликтов показывает, что недооценка политических и военных возможностей чревата тяжелыми последствиями и даже поражением в войне (конфликте). Так, в конфликте в районе Персидского залива (1990 – 1991 гг.) Ирак имел военную мощь, значительно превосходящую военные возможности Кувейта, но не учел того, что против него могут быть использованы многонациональные силы. В конфликте в Чеченской республике (1994 – 1995 гг.) перед федеральными силами была поставлена задача разоружения незаконных военных формирований численностью 15 тысяч человек (около 6 полков), однако боевые действия шли по их разгрому и уничтожению. Через два месяца боев, в ходе которых сторонники Дудаева

---

⁶ См.: *Рыльская М. А.* К вопросу о проблеме урегулирования конфликтов // Проблемы деятельности ОВД и ВВ в экстремальных условиях: Сб. научн. тр. М.: ВНИИ МВД России, 1997. С. 27.

потеряли около 6 тысяч человек, численность отрядов оппозиции по-прежнему составляла примерно 15 тысяч человек и перспективы их разоружения оставались неопределенными.

В соответствии с Военной доктриной РФ: «Вооруженный конфликт может иметь международный характер (с участием двух или нескольких государств) или немеждународный, внутренний характер (с ведением вооруженного противоборства в пределах территории одного государства). Вооруженный конфликт характеризуется: высокой вовлеченностью в него и уязвимостью местного населения; применением нерегулярных вооруженных формирований; широким использованием диверсионных и террористических методов; сложностью морально-психологической обстановки, в которой действуют войска; вынужденным отвлечением значительных сил и средств на обеспечение безопасности маршрутов передвижения, районов и мест расположения войск (сил); опасностью трансформации в локальную (международный вооруженный конфликт) или гражданскую (внутренний вооруженный конфликт) войну».⁷

В вооруженных конфликтах государства не переходят в особое состояние, характерное для войн (внутренние вооруженные конфликты, вооруженные инциденты, пограничные столкновения и военные акции). Особое место в этом ряду занимают гражданские войны, в которые при определенных условиях могут перерасти внутренние вооруженные конфликты. В отличие от внутренних вооруженных конфликтов, где политическими целями выступают проблемы самоопределения и территориальной принадлежности, утверждение уникальности социокультурных, национальных и конфессиональных ценностей, целью гражданской войны является борьба за государственную власть.

Понятие внутреннего вооруженного конфликта

Под внутренним вооруженным конфликтом в Словаре по правам человека понимается любой вооруженный конфликт, который не является вооруженным конфликтом между двумя или более государствами, даже если в конфликте принимают участие иностранные военные советники, неофициальные военные вооруженные группы или наемники. Такие конфликты происходят на территории государства между расколовшимися частями вооруженных сил этого государства, или другими организованными вооруженными группами, которые под ответственным командованием

⁷ Военная доктрина РФ (утв. Указом Президента РФ от 21 апреля 2000 г. № 706) // Собрание законодательства РФ. 2000.- № 17. Ст. 1852.:

осуществляют контроль над частью его территории, что позволяет им проводить длительные и согласованные военные операции. Эта категория включает гражданскую войну, партизанскую войну, восстание (конфликт низкой и средней интенсивности). Непосредственно же гражданской войной признается форма вооруженной борьбы между организованными группами, сражающимися за государственную власть, где одной стороной обычно являются силы, охраняющие существующий режим, а другой – партизанское движение, поддерживаемое частью населения и/или иностранным государством.⁸

Под вооруженным конфликтом в РФ официально понимается вооруженный инцидент, вооруженная акция и другие вооруженные столкновения ограниченного масштаба, которые могут стать следствием попытки разрешить национальные, этнические, религиозные и иные противоречия с помощью средств вооруженной борьбы.⁹ На наш взгляд, используемая формулировка не дает возможности разграничения вооруженного конфликта даже от обстановки внутренней напряженности.¹⁰ Так, не требуется от представителей сторон конфликта не то что организованности под ответственным командованием, но даже обязательной их отличимости от гражданского населения. Как отмечают представители зарубежной конфликтологии, в период обстановки напряженности конфликты обычно являются асимметричной партизанской войной, которую ведут группы лиц из гражданского населения в результате ограниченных военных возможностей повстанцев, недостатка оружия и отсутствия необходимого контроля над территорией.¹¹

Под внутренними беспорядками принято понимать ситуации, не имеющие признаков немеждународного вооруженного конфликта как такового, но характеризующиеся наличием в стране конфронтации, которой присущи определенная напряженность или продолжительность, в которой имеются акты насилия. Последние могут приобретать самые различные формы, начиная от стихийно вспыхивающих актов мятежа до борьбы между более или менее организованными группами и правительством. В

---

⁸ Словарь по правам человека / Под ред. А. Д. Джонгмана и А. П. Шмида. М., 1996. С. 5.

⁹ Военная доктрина РФ. Ст. 1852.

¹⁰ Внутренняя напряженность – превентивное применение государством силы в целях сохранения мира и законности.

¹¹ *Eide A.* The new humanitarian law in non-international armed conflict. N. Y. 1978. P. 306.

таких ситуациях, которые не обязательно перерастают в открытую борьбу, для восстановления внутреннего порядка власти мобилизуют усиленные контингенты полиции или даже вооруженных сил.¹²

Обычно лица, входящие в состав антиправительственных вооруженных сил, сражаются с правительственными войсками с целью захвата власти в стране; либо за достижение большей автономии в пределах государства; либо за отделение части территории и создание собственного государства. Исключением является ситуация, когда народ восстает против колониального господства, осуществляя свое право на суверенитет. Отметим, что с принятием Протокола I к Женевским Конвенциям 1949 г. национально-освободительные войны стали считаться международным вооруженным конфликтом (п. 4 ст. 1 Протокола), хотя до сих пор некоторые авторы, в частности Л. Диспо – французский исследователь терроризма, в своей книге «Машина террора» как разновидность терроризма предлагает считать национально-освободительные движения.¹³

Неоднозначность подходов к оценке того или иного вооруженного противостояния в пределах одного государства полностью отразилась и в политике РФ относительно квалификации ситуации в Чечне с начала 1990-х годов. Несмотря на неоднократные призывы различных политиков дать правовую оценку событиям в Чечне за прошедшее с 1990 г. время, официальная точка зрения по данному вопросу так и не была сформулирована, если не считать лапидарных фраз, разбросанных в различных постановлениях, указах, иных актах законодательной, исполнительной и судебной властей.

Так, в постановлении Государственной Думы РФ от 12 марта 1997 года дается следующее определение вооруженного конфликта в Чеченской Республике: «Под вооруженным конфликтом, указанным в пункте 1 Постановления об объявлении амнистии, следует понимать противоборство между:

- вооруженными объединениями, отрядами, дружинами, другими вооруженными формированиями, созданными и действовавшими в нарушение законодательства РФ (далее – незаконные вооруженные формирования), и органами внутренних дел, подразделениями внутренних войск Министерства внутренних дел РФ, Вооруженных Сил РФ, других войск и воинских формирований РФ;

---

¹² Conference of Government Experts. Vol. V. Protection of Victims of Non-International Armed Conflicts. ICRC. Geneva, 1971. P. 79.

¹³ *Dispot L.* La machine à terreur. P., 1978. P. 57.

- незаконными вооруженными формированиями, созданными для достижения определенных политических целей;
- лицами, не входившими в незаконные вооруженные формирования, но участвовавшими в противоборстве».¹⁴

Тот же орган государственной власти определяет ситуацию вооруженного конфликта: «РФ ведет антитеррористическую операцию, освобождая территорию Чеченской Республики от незаконных вооруженных формирований»¹⁵. Отметим, что в Конституции РФ нет термина «контртеррористическая операция».

Анализируя ситуацию в Чечне, В. В. Устинов считает, что на начальной стадии между РФ и этой республикой имел место внутригосударственный политический конфликт, нелегитимный по средствам и методам его реализации, переросший в стадии ответа федеральных властей в вооруженный конфликт немеждународного характера.¹⁶

Пытаясь обосновать предпринятые меры, некоторые авторы настаивают на том, что на территории Чечни к моменту ввода на ее территорию федеральных войск уже был локальный вооруженный конфликт, расцениваемый по международному праву как вооруженный конфликт немеждународного характера, усугубившийся разгулом беззакония. И делают следующий вывод: в такой ситуации, согласно нормам международного права, Россия имела полное право реализовать свой суверенитет и исполнить «обязанность всеми законными средствами поддерживать или восстанавливать правопорядок в государстве или защищать национальное единство и территориальную целостность государства»¹⁷. Напомним, что в ситуации вооруженного конфликта, согласно Военной доктрине РФ, предполагается обязательное объявление чрезвычайного положения, чего не было сделано до сих пор. Так или иначе, как бы не квалифицировалась ситуация в Чечне с начала 1990-х годов, по своим характеристикам она подпадает под определение вооруженного конфликта по смыслу Военной доктрины РФ от 2000 г.

Политико-правовой анализ чеченского конфликта позволяет

¹⁴ Российская газета. 1997. 15 марта.

¹⁵ Постановление ГД от 17.11.99 № 4556-II ГД «О политической ситуации в Чеченской Республике» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 47. Ст. 5679.

¹⁶ Устинов В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом. Стандарты и практика. М., 2003. С. 310.

¹⁷ Дополнительный Протокол II 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. Ст. 3 // Действующее международное право: в 3 т. / Сост. Ю. М. Колосов и Э. С. Кривчикова. М., 1997. Т. 2. С. 794.

определить его как внутренний конфликт, понимая под этим враждебное взаимодействие между государством и противостоящей ему оппозиционной группой или организацией, нацеленной на изменение, в том числе и насильственными средствами, политической общности, политического режима или политических властей государства. С этих позиций чеченский конфликт по намерениям оппозиции с самого начала являлся политическим легитимным конфликтом, направленным на изменение политической системы России – политической общности российского государства. По характеру применяемых средств подобного рода оппозиционные федеральным властям насильственные действия в международной практике оцениваются как «мятеж» или «восстание».¹⁸

Основываясь на приведенных выше определениях, а также анализе протекания множества социальных конфликтов внутри государства, определим, что в общем случае под внутренним вооруженным конфликтом следует понимать любое столкновение, противоборство, форму разрешения противоречий между конфликтующими сторонами в пределах территории одного государства с применением военной силы для достижения определенных политических целей. С одной стороны, внутренний вооруженный конфликт (ВВК) – это кризисная форма чрезвычайной ситуации социально-политического характера, основаниями возникновения которого могут являться как конфликты различного вида (экономические, политические, межнациональные, региональные и т. д.), так и чрезвычайные обстоятельства криминального характера. С другой стороны, ВВК есть форма разрешения противоречий между социальными образованиями с применением силовых методов.

Внутренний вооруженный конфликт как объект международного права

Международное гуманитарное право различает ВВК, которые охватываются положениями статьи 3, общей для четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 г., и ВВК, которые имеют узкую формулировку и регулируются Дополнительным протоколом № II 1977 года.¹⁹ Изначально в статье 3, регулирующей общественные отношения, возникающие во время вооруженного конфликта немеждународного характера, не было

---

¹⁸ См.: подробнее: Институт анализа и управления конфликтами и стабильностью. Российская ассоциация теории и моделирования международных отношений. Чеченский конфликт (1991 – 1996 гг.): Оценки, анализ, пути решения (резюме). М., 1997. С. 2 – 6.

¹⁹ См.: Международные акты о правах человека: Сборник документов. М., 2000. С. 480 – 487.

дано его определение как таковое. Фактически минимум гарантий жертвам внутреннего вооруженного противостояния предоставлялся, а каких-либо конкретных критериев отнесения конфликта к категории внутреннего вооруженного не было.

Первое официальное понятие вооруженного конфликта немеждународного характера было дано в 1977 году в Дополнительном протоколе № II к Женевским конвенциям 1949 г.²⁰ Здесь необходимо заметить, что в процессе разработки определения сложилось три направления. Первая группа экспертов представила такой вариант: немеждународный конфликт имеет место, только если государство само признает его на своей территории. Представители другой группы предлагали закрепить возможность свободной оценки ситуации отсутствием определения. Третьи настаивали на том, чтобы сопроводить определение, данное в ст. 1 Дополнительного протокола, положениями, подчеркивающими условия, при которых данный вооруженный конфликт следует считать немеждународным вооруженным конфликтом, а именно: организованность сторон; интенсивность и длительность конфликта; наличие столкновения сторон.

Уязвимость первой позиции заключалась в том, что как тогда, так и до сих пор, государства с большим нежеланием идут на признание наличия на своей территории вооруженного конфликта. А значит, оставив на их усмотрение вопрос об оценке ситуации, можно было с большой долей уверенности утверждать, что благие цели Дополнительного протокола II не были бы достигнуты. То же самое можно сказать и о втором проекте. Отсутствие каких-либо критериев, которые позволили бы квалифицировать противоборство как внутренний вооруженный конфликт, оставило бы место для злоупотреблений в его толковании. Позиция третьей группы оказалась более близка авторам Протокола.

В окончательном варианте, представленном на подписание Протокола, содержалась следующая формулировка: под вооруженным конфликтом немеждународного характера понимаются «вооруженные конфликты на территории какой-либо Высокой Договаривающейся Стороны между ее вооруженными силами и антиправительственными²¹ вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, нахо-

²⁰ См.: Шиндлер Д. Международный комитет Красного Креста и права человека. М., 1994. С. 6.

²¹ Термин «правительство» употребляется в данном контексте не в узком смысле, обозначая высший орган исполнительной власти, а систему государственных органов, прежде всего законодательных и исполнительных, и соответствующих должностных лиц.

дьясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол». Отметим, что к таковым, по смыслу Протокола, не относятся случаи нарушения внутреннего порядка и возникновения ситуации внутренней напряженности: беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные действия аналогичного характера. Применение такой формулировки все-таки оставило государствам возможность расширительного толкования, а значит, и различной квалификации вооруженного противостояния, имеющего место на их территориях.

Фактически, для того чтобы вооруженное противостояние можно было отнести к вооруженному конфликту немеждународного характера, оно должно удовлетворять некоторым критериям. Так, необходимо:

- чтобы противостояние развивалось интенсивно и с применением оружия с обеих сторон;
- использование армии со стороны правительства ввиду невозможности управления ситуацией лишь силами полиции (милиции);
- организованность вооруженных сил повстанцев и обязательное наличие командования, ответственного за их действия.

Несмотря на то, что в Дополнительном протоколе II был дан ответ на вопрос, что же есть вооруженный конфликт немеждународного характера, это не всегда облегчало процесс отождествления вооруженных столкновений, в том числе носящих интенсивный характер, с таким конфликтом. Даже в теории международного права не существовало однозначной позиции по этому поводу. По мнению И. П. Блищенко, внутренним вооруженным конфликтом можно считать только гражданскую войну.²² Некоторые юристы-международники считают, что термин «война» нельзя связывать с внутренними конфликтами в стране, а в этом случае более применимо понятие вооруженного конфликта, не носящего международного характера, как «внутренней ситуации коллективного использования силы». Д. Шиндлер вообще отказывается от обобщающих формулировок и просто классифицирует вооруженные конфликты немеждународного характера, к которым, по его мнению, относятся:

- гражданская война в классическом смысле международного права как немеждународный вооруженный конфликт высокой интенсивности, в

---

²² Блищенко И. П. Немеждународный вооруженный конфликт и международное право // Советское государство и право. 1973. № 11. С. 131.

котором за вновь созданным правительством третьей государства могут признать статус воюющей страны;

– немеждународный вооруженный конфликт по смыслу ст. 3, общей для Женевских конвенций 1949 г.;

– немеждународный вооруженный конфликт по смыслу Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям 1949 г.²³

Что касается различия между настоящими вооруженными конфликтами, с одной стороны, и обычными актами бандитизма или неорганизованных кратковременных мятежей, с другой, то Международный уголовный трибунал по Руанде сослался в одном из своих решений на следующие критерии:

– сторона в конфликте, восставшая против Правительства *de jure*, обладает организованными вооруженными силами, органом власти, несущим ответственность за их действия, действующим на определенной территории и имеющим возможности соблюдать и обеспечивать соблюдение Конвенции;

– законное правительство вынуждено прибегнуть к использованию регулярных вооруженных сил против повстанцев, организованных в военные структуры, контролирующие часть территории государства;

– законное правительство признало повстанцев в качестве воюющей стороны, или

– оно провозгласило, что обладает правами воюющей стороны, или

– оно признало повстанцев в качестве воюющей стороны исключительно для целей настоящей Конвенции, или

– конфликт был поставлен на повестку дня СБ или ГА ООН как представляющий угрозу международному миру, нарушение мира или акт агрессии».²⁴

Возникновение внутренних вооруженных конфликтов в современных условиях сопровождается рядом негативных явлений. Во-первых, любой кризис ведет к ослаблению государства. Последствия внутреннего вооруженного конфликта задевают все сферы деятельности государства и несут в себе огромные экономические убытки и человеческие жертвы. По самым приблизительным подсчетам с 1988 по 1996 г. жертвами конфликтов

²³ См.: Шиндлер Д. Международный комитет Красного Креста... С. 6.

²⁴ Настоящее исследование представлено Международным Комитетом Красного Креста в качестве справочного документа для оказания помощи Подготовительной комиссии в ее работе по установлению элементов преступлений для Международного уголовного суда. См.: Международный Комитет Красного Креста: Рабочие документы. М., 1999. С. 19.

на территории бывшего СССР стали более 100 тыс. чел, а экономический ущерб составил 15 млрд. долларов США. По оценкам экспертов, только восстановление экономики Чечни обойдется государственному бюджету ориентировочно в 7 трлн. рублей.²⁵

Народ по-разному проявляет свое недовольство правительством, которое его не устраивает. Так, против ослабленного российского государства Чечня проголосовала с оружием в руках. Аналогичная ситуация складывалась в свое время в колониальном Алжире, где погибали сотни человек в год. Тем не менее, Франции удалось избежать массового кровопролития и не развязывать войну. Прямо противоположная ситуация создалась во Вьетнаме. Американское вмешательство лишь затянуло национальное вооруженное столкновение на 15 лет. Но его завершение оказалось точно таким, как и без вмешательства полумиллионного контингента Пентагона.

Другой негативный момент, сопровождающий возникновение внутренних вооруженных конфликтов, – появление у определенной части общества уверенности в том, что схватку с центральной властью можно выиграть. Так происходит в случае с Чечней. На этой основе возникают ложные идеологические стереотипы, например, отличное от государственного (общепринятого) понимание истории среди сепаратистов и поддерживающих их слоев населения. Причем многие исторические факты истолковываются совершенно превратно. Таким образом, для вооруженной борьбы против центральной власти создается идеологическая база.

В-третьих, конфликты обязательно сопровождаются или провоцируются недовольством населения существующими экономическими условиями. Случай с Чечней также показателен в этом отношении: на Северном Кавказе уровень доходов в 2,5 раза ниже, чем по России в целом.²⁶

В-четвертых, у всех сторон, втянутых в конфликт, имеется достаточное количество оружия. Когда перекрывается поток его поступления, конфликт глохнет сам по себе. Так, например, Эритрея получила независимость только потому, что у Эфиопии кончилось оружие.

При анализе внутренних вооруженных конфликтов весьма важно видеть формы и способы действий сторон по их разрешению. При этом следует заметить, что искусственное ограничение масштабов и размаха конфликта, к которому можно отнести его локализацию (восприятие к разрастанию за пределы определенного региона), нейтрализацию (лишение

²⁵ Гордин Я. А. Россия и Чечня: Поиски выхода: (сборник). СПб., 2003. С. 35.

²⁶ См.: Независимое военное обозрение. 2000. 21 апреля.

военных возможностей движущих сил, обескровливание) является в принципе только затяжкой по времени его разрешения. История знает немало примеров такого вялотекущего развития конфликтов (российско-японский территориальный спор и отсутствие в связи с ним мирного договора; ирано-иракский и индо-пакистанский конфликты и т. д.). В этих районах, как правило, сохраняется военно-политическая напряженность и опасность развязывания новых конфликтов. Применительно к внутренним вооруженным конфликтам на постсоветском пространстве и территории Российской Федерации – это нагорно-карабахский, грузино-абхазский, приднестровский, осетино-ингушский и чеченский конфликты.

Таким образом, ограничение масштабов и размаха может быть приемлемо только в условиях военной фазы конфликта. При этом главной целью военных действий должно быть создание условий для его разрешения мирными средствами. Внутренний вооруженный конфликт, какими бы ни были его движущие силы и цели, не может быть разрешен принятием мер исключительно военного характера. В отличие от глобальных войн, во внутренних вооруженных конфликтах нет и не может быть военных побед. Любое завоевание на деле будет являться нестабильным успехом. Победной точкой, означающей завершение вооруженного противостояния, может быть только национальное и политическое согласие, основанное на компромиссах и взаимных уступках.

На стадии стабилизации социально-политической обстановки, после завершения непосредственно военных действий, необходимо проведение не только комплекса правоохранительных, но и специальных мер обеспечения правопорядка и безопасности. Когда основным содержанием вооруженного противостояния становится борьба с иррегулярными (в том числе партизанскими) формированиями, основная нагрузка ложится на соединения и части специального назначения. Мировой опыт применения «сил специальных операций» существует и активно используется, российская практика в этом вопросе весьма мала.

Подводя общий итог, отметим, что внутренний вооруженный конфликт — это исключительная по предпринимаемым для его разрешения мера и высшая по уровню социальной напряженности форма внутригосударственного конфликта. Как и любому социальному явлению, ему свойственны определенные и характерные черты. Внутренний вооруженный конфликт является одной из форм силового разрешения социально-политических противоречий.

ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ (DE LEGE LATA)

В. Г. Павлов*

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ СО СПЕЦИАЛЬНЫМ СУБЪЕКТОМ

Осуществление правосудия в нашей стране является важнейшим направлением предупреждения преступности, так как посредством его лица, совершившие общественно опасные деяния, подвергаются уголовному наказанию. Правосудие же, согласно Конституции Российской Федерации, осуществляется только судом (ст. 118). Вместе с тем правосудие выступает и как средство, с помощью которого государство реализует выполнение задач уголовного закона (ст. 2 УК РФ) по охране и укреплению законности, охране прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя РФ и т. п. от преступных посягательств, а также предупреждает совершение преступлений и решает другие задачи.

Преступления против правосудия, как правило, посягают на совокупность общественных отношений, обеспечивающих нормальную, регламентированную законодательством деятельность суда по осуществлению его задач, а также на деятельность государственных органов и соответствующих лиц, которые призваны содействовать осуществлению правосудия в стране.

Совершение данными лицами преступлений против правосудия подрывает авторитет государственных и исполнительных органов на

---

* Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина.

местах и вышестоящих структур, порождает у населения недоверие к представителям власти и должностным лицам правоохранительных и других органов власти.

По существу, преступления против правосудия, как отмечает И. М. Тяжкова, впервые выделились в самостоятельную главу по признаку родового объекта в УК РСФСР 1960 г.¹ УК РФ 1996 г. сохранил преемственность многих уголовно-правовых норм, предусматривающих общественно опасные деяния, посягающие на интересы правосудия, однако многие из них подверглись существенным изменениям и дополнениям, в особенности преступления, совершаемые представителями власти и другими лицами, являющимися специальными субъектами гл. 31.

Особо следует отметить, что довольно большую группу преступлений против правосудия, а точнее, преступлений, посягающих на исполнение конституционных принципов правосудия и имеющих повышенную общественную опасность, представляют общественно опасные деяния, совершаемые представителями власти, т. е. лицами, которые призваны сами соблюдать и охранять законы и защищать интересы граждан, что мы уже отмечали. Речь в данном случае идет о специальных субъектах, которыми совершаются следующие преступления: привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299), незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300), незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей (ст. 301), принуждение к даче показаний (ст. 302), фальсификация доказательств (ч. 2 ст. 303), вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК РФ).

Указанные преступления составляют 7,5 % от общего количества преступлений со специальным субъектом с признаками представителя власти как разновидностями должностного лица.

Другие преступления против правосудия могут совершить лица, обязанные содействовать суду, производству предварительного расследования и дознания, которые не осуществляют должностных функций, связанных с отправлением правосудия, но являются также специальными субъектами. В данном случае речь идет о таких преступлениях, как например, заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод (ст. 307) и отказ свидетеля или потерпевшего от

---

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М., 1998. С. 677.

дачи показаний (ст. 308 УК РФ).

Специальными субъектами преступлений против правосудия являются также лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, т. е. осужденные и лица, содержащиеся под стражей (ст. 313, 314, 315 УК РФ).

Говоря о квалификации преступлений против правосудия со специальным субъектом, следует отметить, что по данной проблеме опубликовано незначительное количество научных трудов, в которых в основном рассматриваются общие вопросы уголовной ответственности данных общественно опасных деяний.²

Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ) относится к группе преступлений, которые совершаются представителями власти, обязанными охранять и защищать конституционные права и интересы граждан.

Объективная сторона этого преступления заключается в привлечении невиновного лица к уголовной ответственности. Согласно ст. 8 УК РФ, основанием уголовной ответственности является совершение лицом общественно опасного деяния, содержащего все признаки состава преступления, которые предусмотрены уголовным законом.

Само же привлечение к ответственности за совершенное преступление представляет собой процессуальное действие. Так, следуя ст. 171 УПК РФ, выносит постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, а дознаватель в соответствии с ч. 1 ст. 225 УПК РФ по окончании дознания составляет обвинительный акт.

Специальными субъектами привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности могут быть представители власти, которые в

---

² Власов И. С., Тяжкова И. М. Ответственность за преступления против правосудия. М., 1968; Носкова Н. А. Ответственность граждан за преступления против правосудия. М., 1975; Лобанова Л. В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999; Галиакбаров Р. Р. Борьба с групповыми преступлениями: Вопросы квалификации. Краснодар, 2000; Вихров А. А., Денисов С. А. Методологические и теоретические основы уголовной ответственности за преступления против правосудия. СПб., 2001; Друзин А. И. Воспрепятствование исполнению судебного акта / Отв. ред. А. И. Чучаев. Ульяновск, 2001; Бунеев А. Ю., Бунеева И. Ю. Особенности уголовной ответственности за принуждение к даче показаний. Красноярск, 2001; Денисов С. А. Преступления против правосудия: Теория и практика применения уголовного закона. СПб., 2002; Амиров К. Ф., Сидоров Б. В., Харисов К. Н. Ответственность за преступное вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование: Проблемы теории и законодательства. Казань, 2003; Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб., 2005; Преступления против правосудия / Под ред. А. В. Галаховой. М., 2005.

соответствии с процессуальными нормами осуществляют предварительное расследование и дознание (следователь и дознаватель), а также прокурор в том случае, когда он в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ принял дело к своему производству, а затем на основании предъявленного постановления привлек заведомо невиновного к уголовной ответственности.

В некоторых случаях специальным субъектом при совершении данного преступления в соответствии со своим процессуальным положением может быть на основании п. 2 ч. 3 ст. 39 УПК и начальник следственного отдела, а также согласно ч. 4 ст. 41 УПК РФ начальник органа дознания, указания которых для следователя и лица, производящего дознание, обязательны к исполнению.

По существу, в теории и судебной-следственной практике квалификация преступления, предусмотренного ст. 299 УК, не вызывает особых затруднений, хотя специальный субъект преступления прямо не указан в уголовно-правовой норме. Дополнительные признаки специальных субъектов рассматриваемого преступления усматриваются в объективной стороне общественно опасного деяния и должностных обязанностях представителей власти, которыми наделены прокурор, следователь, дознаватель и другие работники правоохранительных органов.

Следует согласиться с точкой зрения А. С. Горелика и Л. В. Лобановой, что действия иных сотрудников органов, осуществляющих предварительное расследование, которые умышленно способствовали привлечению невиновного к уголовной ответственности, должны квалифицироваться как соучастие по ст. 33 и ст. 299 УК РФ, а в случае осуждения заведомо невиновного судьей его действия квалифицируются по ст. 305 УК РФ.³

Необходимо разграничивать данное преступление от незаконного заключения под стражу или содержание под стражей (ч. 2 ст. 301 УК РФ), где специальными субъектами также являются прокурор, следователь и лицо, осуществляющее дознание. При этом преступления, предусмотренные ст. 299 УК и ст. 301 УК, отличаются друг от друга по объективным и субъективным признакам.

Если говорить об объективной стороне преступления, предусмотренного ст. 300 УК РФ, то она заключается в действиях специальных субъектов: прокурора, следователя, а также лица, производящего дознание, выражающихся в незаконном освобождении от уголовной ответственности лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. Основным

³ Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. С. 168.

способом освобождения от уголовной ответственности является вынесение данными субъектами преступления постановления о прекращении уголовного дела. Сами же специальные субъекты незаконного освобождения от уголовной ответственности законом достаточно четко определены: в диспозиции данной статьи ими являются прокурор, следователь и дознаватель.

Действия судьи, по признакам специального субъекта преступления, не могут быть квалифицированы по статье 300 УК РФ. Эти действия, как справедливо отмечается в научной литературе, могут расцениваться, например, как вынесение заведомо неправосудного акта (ст. 305 УК), которым может быть оправдательный приговор, либо постановление о прекращении уголовного дела на предварительном слушании или решение судьи, которое отменяет незаконно вынесенное постановление о возбуждении уголовного дела в отношении подозреваемого.⁴

На практике могут иметь место случаи совершения незаконного освобождения от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ) с получением взятки (ст. 290 УК), либо с угрозой или насильственными действиями в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя и других лиц, связанных с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296 УК). В этих и других случаях содеянное виновными должно быть квалифицировано по совокупности соответствующих преступлений.⁵

Конституция РФ 1993 г. в ст. 22 устанавливает, что каждый гражданин имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Вместе с тем, заключение под стражу и содержание под стражей допускается только по судебному решению. Следовательно, предусмотренные ст. 301 УК РФ преступные деяния посягают на конституционные права граждан. По существу, в ст. 301 УК РФ содержится три самостоятельных состава данной уголовно-правовой нормы – заведомо незаконное задержание (ч. 1), заведомо незаконное заключение под стражу, а также содержание под стражей (ч. 2).

При этом специальными субъектами заведомо незаконного задержания являются представители власти правоприменительных органов, которые в соответствии с ч. 1 ст. 92 УПК РФ наделены полномочиями производить задержание. К ним относятся: прокуроры, следователи,

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А. И. Рарог. М., 2004. С. 531; Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. С. 174; Преступления против правосудия. С. 138.

⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. М. Лебедев. 5-е изд., доп. и испр. М., 2006. С. 776.

дознатели, сотрудники милиции и другие представители власти.

Незаконность решений прокурора, органов предварительного расследования, дознания состоит в том, что они выносят решения с нарушением требований, содержащихся в статьях 97 и 98 УПК РФ, образуя тем самым объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ.

Для определения заведомо незаконного задержания специальными субъектами преступления и правильной квалификации их действий необходимо тщательно проверять фактические обстоятельства применения мер процессуального принуждения и то, соответствуют ли действия этих лиц требованиям действующего уголовного закона.

Представляет интерес в этом случае уголовное дело в отношении следователя Н., который обвиняется в заведомо незаконном задержании. В сентябре 1994 г. гражданин Б. был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 109 УК РСФСР за причинение умышленного менее тяжкого телесного повреждения. Расследование было поручено Н. – следователю городского отдела милиции. В октябре 1994 года следователь в порядке, предусмотренном ст. 122 УПК РСФСР, задержал Б., а затем вынес постановление об избрании в отношении задержанного меры пресечения – подписки о невыезде, и освободил его из-под стражи. 8 июня 1995 г., после прекращения в отношении Б. уголовного дела, следователь Н. незаконно задержал его в порядке ст. 122 УПК РСФСР и незаконно содержал под стражей до 10 июня 1995 г.

В этой связи следует согласиться с кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 92-096-5 о том, что осуждение следователя Н. по ч. 2 ст. 178 УК РСФСР за заведомое незаконное задержание является обоснованным.⁶

Определенные трудности при квалификации преступных деяний, совершаемых специальными субъектами, возникают в теории и практике, когда речь идет о заведомо незаконном заключении под стражу (ч. 2 ст. 301 УК РФ), что обусловлено существенными изменениями в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Так, например, с вступлением в силу 1 июля 2002 г. Уголовно-процессуального кодекса РФ изменился и порядок заключения под стражу. Следователи и дознаватели такого права теперь не имеют. При этом прокуроры лишены права санкционировать заключение под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого.

⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 4. С. 13.

Право на применение данной меры пресечения принадлежит только судье.

В связи с этим специальным субъектом заведомо незаконного заключения под стражу ч. 2 ст. 301 УК РФ может быть только судья, который принимает самостоятельно судебное решение по уголовному делу. В ст. 108 УПК РФ прямо закреплено, что заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого, а также обвиняемого в совершении преступлений, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет, если нельзя применить более мягкую меру пресечения. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении указанных лиц в совершении преступления, если за него предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет при соблюдении оговоренных в законе обстоятельств: 1) подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории РФ; 2) его личность не установлена; 3) им нарушена ранее избранная мера пресечения; 4) он скрылся от органов предварительного расследования или суда.

При этом согласно данной статье судья может как избрать меру пресечения в виде заключения под стражу, так и отказать в этом, либо отложить принятие решения по ходатайству сторон на срок не более 72 часов для предоставления дополнительных доказательств обоснованности самого задержания.

Заключение под стражу применяется только по постановлению судьи (ст. 108 УПК РФ). В уголовно-правовой литературе имеют место различные мнения по поводу квалификации заведомо незаконного заключения под стражу, в частности относительно специального субъекта этого преступления. Так, по мнению М. А. Кауфмана, судья в этом случае должен отвечать не по ст. 301 УК РФ, а за вынесение судьей заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК РФ).⁷ В более ранних работах И. М. Тяжкова отмечала, что судьи за незаконное заключение под стражу подлежат уголовной ответственности за вынесение неправосудного приговора, определения или постановления.⁸ Другие ученые считают, что субъектом данного преступления может быть, например, судья, прокурор, следователь и дознаватель.⁹

⁷ См.: Преступления против правосудия. С. 148.

⁸ Новое уголовное право России. Особенная часть: Учебное пособие. М., 1996. С. 331.

⁹ См.: Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5 / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2001. С. 192 (автор главы М. Н. Голоднюк).

Наиболее правильную и предпочтительную точку зрения, на наш взгляд, по вопросу квалификации действий судьи, осуществляющего заведомо незаконное заключение под стражу, занимают А. С. Горелик и Л. В. Лобанова, утверждающие, что с учетом правил конкуренции общей (ст. 305 УК) и специальной норм судья должен отвечать по ч. 2 ст. 301 УК РФ.¹⁰

Присоединяясь к данному утверждению, следует несколько усилить аргументацию. Во-первых, ч. 2 ст. 301 УК РФ является специальной нормой, объективная сторона которой отличается от объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ. Незаконным заключением под стражу в качестве меры пресечения считается вынесение судьей постановления с нарушением процессуального порядка и требований ст. 108 УПК РФ. При этом данное постановление, как разновидность судебного акта, конкретизировано в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления с применением меры пресечения с нарушением закона.

В этом случае имеет место незаконное лишение свободы лиц, к которым применено заключение под стражу, то есть действие, предусмотренное объективной стороной ч. 2 ст. 301 УК РФ.

Если говорить об объективной стороне преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, то она характеризуется в вынесении заведомо незаконного приговора, решения или иного судебного акта судьей (судьями) с нарушением закона по конкретному вопросу. При этом судебные решения, определения, постановления, вердикты могут выноситься с нарушением как уголовного, так и гражданского процессуального законодательства. Следовательно, в ст. 305 УК РФ, которая является общей по отношению к ч. 2 ст. 301 УК РФ, говорится в широком смысле слова о судебных актах. Вместе с тем в тех случаях, когда имеет место конкуренция общей и специальной норм, то согласно ч. 3 ст. 17 УК РФ квалификация осуществляется по специальной норме, в данном случае по ч. 2 ст. 301 УК РФ.

На практике может иметь место ситуация, когда представители власти, обладая признаками специального субъекта, в лице прокурора, следователя и дознавателя, незаконно вынесли постановление о заключении под стражу, и направили его в суд с ходатайством о применении этой меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. В данном случае, как правильно отмечается в научной литературе, действия их должны быть квалифицированы как должностные преступления¹¹ либо они должны нести ответственность по ст. 285 УК РФ

¹⁰ Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. С. 353.

¹¹ Там же.

за злоупотребление должностными полномочиями (при наступлении последствий, указанных в данной статье).¹²

Действительно, прокурор, следователь и дознаватель не могут являться исполнителями при простом соучастии заключения под стражу по ч. 2 ст. 301 УК РФ, так как согласно п. 1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, только суд правомочен принимать решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Следовательно, специальным субъектом в этой ситуации будет являться только судья, а не представители власти, вынесшие незаконное постановление с ходатайством перед судом о применении меры пресечения в виде заключения под стражу.

Что же касается незаконного содержания под стражей, то оно состоит в нарушении сроков, предусмотренных в уголовно-процессуальном законе. В соответствии с ч. 1 ст. 109 УПК РФ по общему правилу срок содержания под стражей не может превышать двух месяцев. При этом согласно ч. 2 ст. 109 УПК РФ этот срок при невозможности закончить предварительное следствие, а также если отсутствуют основания для изменения или отмены меры пресечения, может быть продлен судьей районного суда или военного суда до шести месяцев. В свою очередь, дальнейшее продление сроков содержания под стражей до 12 месяцев, может быть осуществлено в случаях особой сложности уголовного дела в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений. В исключительных случаях максимальный срок содержания под стражей может быть продлен до 18 месяцев.

В теории и практике нет единого мнения по поводу субъекта содержания под стражей, что порождает разночтения в квалификации данного преступления. Так, например, Л. В. Иногамова-Хегай считает, что специальным субъектом незаконного содержания является судья, так же им может быть начальник или должностное лицо места содержания под стражей.¹³ В свою очередь, М. А. Кауфман утверждает, что специальным субъектом этого преступления, является только начальник места содержания под стражей обвиняемого или подозреваемого, а действия прокурора, следователя и дознавателя, возбудивших перед судом ходатайство о продлении срока содержания под стражей, необходимо квалифицировать по ст. 285 УК РФ,¹⁴ что

¹² Преступления против правосудия. С. 148.

¹³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под. ред. А. И. Рапога. М., 2004. С. 533; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Отв. ред. А. И. Рапог. М., 2004. С. 609.

¹⁴ Преступления против правосудия. С. 150.

вызывает определенные сомнения. Не совсем убедительна и квалификация незаконного продления срока содержания под стражей судьей, который должен нести ответственность по ст. 285 УК РФ.¹⁵

Представляется, что специальными субъектами незаконного содержания под стражей будут являться: судья, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, которые нарушают сроки, установленные уголовно-процессуальным законодательством. В данном случае речь идет о лицах, которые в соответствии с ч. 2 ст. 10 УПК РФ должны немедленно освободить лицо, незаконно содержащееся под стражей свыше срока, предусмотренного ст. 109 УК РФ.

Специальным субъектом незаконного содержания может быть и должностное лицо места содержания под стражей, которое не освободило задержанного из-под стражи в нарушении норм УПК.

Если говорить о том, как квалифицировать действия судьи по незаконному продлению срока содержания под стражей, то здесь, как уже ранее было отмечено, ч. 2 ст. 301 УК РФ является специальной нормой по отношению к ст. 305 УК РФ – общей. Следовательно, по правилам конкуренции судья должен нести уголовную ответственность по ч. 2 ст. 301 УК РФ.

Если, например, будет иметь место договоренность прокурора, следователя, дознавателя и должностного лица места содержания под стражей с судьей или между собой (как один из вариантов), тогда имеет место простое соучастие (соисполнительство) с разными специальными субъектами преступления. В этом случае их действия следует квалифицировать по ч. 2 ст. 301 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ. В другом случае при сложном соучастии с распределением ролей действия указанных представителей власти необходимо квалифицировать по общим правилам квалификации соучастия со ссылкой на ст. 33 УК РФ и ч. 2 ст. 301 УК РФ. Например, прокурор или следователь склоняют судью, а также другое должностное лицо (начальника следственного изолятора) к незаконному содержанию под стражей. При этом возможен вариант совершения данного преступления со специальными субъектами и общим субъектом преступления, о чем говорилось выше.

Другим преступлением против правосудия, которое совершается специальными субъектами и другими лицами, является принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ). Юридический анализ данного состава преступления свидетельствует о высокой общественной опасности этого

¹⁵ Там же. С. 151.

преступного деяния, посягающего на основные конституционные права и свободы человека и гражданина. Согласно Конституции РФ (ст. 21) никто из граждан не должен подвергаться пыткам, насилию, а также другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию.

Основным непосредственным объектом данного преступления является нормальная деятельность органов, осуществляющих предварительное расследование и дознание по собиранию доказательств. Дополнительный объект – здоровье, права и законные интересы личности.

Объективная сторона преступления заключается в принуждении подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего к даче показаний или эксперта, специалиста – к даче заключения, а также показаний путем угроз, шантажа или других незаконных действий.

При этом из диспозиции данной статьи усматривается, что специальными субъектами принуждения к даче показаний являются следователь и лицо, производящее дознание, а равно другие лица, которые с ведома или молчаливого согласия следователя или дознавателя являются общими субъектами.

Если говорить о квалификации по ст. 302 УК, то в связи с довольно сложной объективной стороной этого преступления его необходимо отделять от других преступлений, в частности, когда речь идет о принуждении, выраженном в психическом и физическом насилии, издевательствах или пытках, а равно иных незаконных действиях со стороны виновных лиц. Так, например, как справедливо отмечается в литературе, при учете признаков объективной стороны принуждения к даче показаний, данное преступление квалифицируется только по ст. 302 УК РФ без дополнительной ссылки на ст. 286 УК РФ, предусматривающую ответственность за превышение должностных полномочий.¹⁶

В свою очередь Л. В. Иногамова-Хегай считает, что, например, применение принуждения к переводчику следует квалифицировать как превышение должностных полномочий по ст. 286 УК РФ.¹⁷

Представляется, что в этом случае переводчика необходимо считать участником уголовного судопроизводства наравне с экспертом, специалистом и другими лицами, указанными в диспозиции ч. 1 ст. 302 УК

---

¹⁶ Преступления против правосудия. С. 164.

¹⁷ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А. И. Рапог. С. 534.

РФ. При этом здесь скорее следует применять правило конкуренции общей и специальной норм (ч. 3 ст. 17 УК РФ), где общей будет ст. 286 УК РФ, а специальной – ст. 302 УК РФ.

Заслуживает внимания и квалификация принуждения к даче показаний, когда имеет место насилие, предусмотренное ч. 2 ст. 302 УК РФ, и преступлением, посягающим на здоровье потерпевшего. Так, например, если со стороны субъекта преступления, осуществляющего принуждение к даче показаний, применяется насилие, которое соединено с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, то квалификация осуществляется по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 302 и ст. 111 УК РФ.

Для правильной квалификации принуждения к даче показаний имеет существенное значение также установление общего субъекта преступления, который в диспозиции ч. 1 ст. 302 УК РФ законодателем определен как другое лицо, совершившее те же действия с ведома или молчаливого согласия следователя и лица, производящего дознание. Судебно-следственная практика свидетельствует, что чаще всего общими субъектами могут быть оперативные сотрудники уголовного розыска, сотрудники органов внутренних дел, которые осуществляют доставку подозреваемого или обвиняемого в период проведения предварительного расследования или дознания, сотрудники, участвующие в производстве следственных действий, и другие представители власти.

При осуществлении квалификации преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ, следует ограничивать его от другого общественно опасного деяния, которое предусматривает ответственность за подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний, а также к неправильному переводу (ст. 309 УК РФ). Оба преступления имеют много общих признаков (объекты и способ воздействия – принуждение), как справедливо отмечают А. С. Горелик и Л. В. Лобанова, совпадают, но главное отличие между этими составами заключается в субъекте преступления.¹⁸

По ст. 302 УК РФ, к уголовной ответственности привлекается следователь или лицо, производящее дознание, либо другое лицо, действующее с их ведома или согласия, тогда как по ст. 309 УК РФ общим субъектом преступления является лицо, действовавшее по личной инициативе.

Новым для отечественного уголовного законодательства преступле-

¹⁸ Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. С. 392.

нием против правосудия, которое совершается специальными субъектами, является фальсификация доказательств (ст. 303 УК РФ). При этом в ст. 303 УК РФ имеют место два самостоятельных состава преступления. В ч. 1 ст. 303 УК РФ предусмотрена ответственность за фальсификацию доказательств по гражданскому делу, а в ч. 2 данной статьи – за фальсификацию доказательств по уголовному делу. Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ, является нормальная деятельность суда при осуществлении гражданского судопроизводства.

Объективная сторона преступления заключается в фальсификации, то есть искажении, подделывании, подмене доказательств по гражданскому делу.

Субъект преступления, как указано в диспозиции ч. 1 данной статьи, являются лица, участвующие в деле или их представители. В этом случае можно говорить, что фальсификация доказательств совершается специальным субъектом. Сами же лица, участвующие в деле, наделены дополнительными признаками по отношению к общему субъекту и определены в ст. 34 ГПК РФ. В соответствии с указанной статьей к ним относятся: 1) стороны; 2) третьи лица; 3) прокурор; 4) лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и охраняемых законных интересов других лиц, а также вступающие в процесс в целях дачи заключения по основаниям, которые предусмотрены ст. 4, 46 и 47 ГПК РФ; 5) заявители и заинтересованные лица по делам особого производства.

Под представителем понимается законный представитель или лицо, уполномоченное надлежаще оформленным документом на ведение дела в суде (ст. 48 – 54 ГПК РФ). Круг представителей лиц, участвующих в деле, определен в гл. 5 ГПК РФ.

В этой связи следует согласиться с В. В. Демидовым, что фальсификация доказательств по гражданскому делу другими лицами, за исключением лиц, участвующих в деле, а также их представителей, не образует преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ, а при наличии к тому оснований должна квалифицироваться, например, как служебный подлог (ст. 292 УК РФ).¹⁹

Подделка документов, которые не являются доказательствами по гражданскому или уголовному делу, может квалифицироваться как служебный подлог по ст. 292 УК РФ, но не по ст. 303 УК РФ.

При совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК

---

¹⁹ Преступления против правосудия. С. 181.

РФ, непосредственным объектом являются общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность суда, органов прокуратуры, предварительного следствия и дознания. Дополнительный непосредственный объект – законные интересы и права граждан. Объективная сторона преступления выражается в фальсификации доказательств по уголовному делу. При этом признаки объективной стороны ч. 2 ст. 303 совпадают с признаками ч. 1 данной статьи.

Специальными субъектами фальсификации доказательств по уголовному делу, которые указаны в ч. 2 ст. 303 УК РФ и круг которых ограничен, являются: лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, а также защитник, обладающие дополнительными признаками и специальными полномочиями при осуществлении предварительного следствия, дознания, при составлении процессуальных документов и для участия в суде по уголовному делу. Полномочия данных субъектов определены в уголовно-процессуальном законе: дознавателя (ч. 3 ст. 41 УПК РФ), следователя (ч. 2 ст. 38 УПК РФ), прокурора (ч. 2 ст. 37 УПК РФ) и адвоката (ст. 49 УПК РФ).

Фальсификация доказательств, как справедливо отмечает В. В. Демидов, которая совершена должностным лицом, квалифицируется не как служебный подлог (ст. 292 УК РФ), а по ст. 303 УК РФ, поскольку объективную сторону данного преступления составляет, в частности, подделка доказательств по судебному делу.²⁰

Вряд ли следует согласиться с мнением А. С. Горелика и Л. В. Лобановой, что преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 303 УК РФ, может быть совершено судьей.²¹

Представляется, что фальсификация доказательств по уголовному делу о тяжком или особо тяжком преступлении, а также повлекшая тяжкие последствия, предусмотренные ч. 3 ст. 303 УК РФ, исходя из смысла закона может быть совершена специальными субъектами, то есть дознавателем, следователем, прокурором, а также защитником, которые указаны в ч. 2 данной статьи. В этом случае речь идет о фальсификации доказательств именно по уголовному делу. Однако если говорить о тяжких последствиях, то они могут иметь место и при фальсификации доказательств по гражданскому делу, где субъектом являются другие лица.

Большую общественную опасность представляет преступление,

²⁰ Там же. С. 184.

²¹ Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. С. 225 – 226.

предусмотренное ст. 305 УК РФ, которое посягает на нормальную деятельность суда по осуществлению правосудия, а также законные интересы и права граждан.

Объективная сторона преступления, предусмотренная диспозицией ч. 1 данной статьи, состоит в вынесении заведомо неправосудных решения либо другого акта, а по ч. 2 уголовно-правовой нормы в вынесении незаконного приговора, присуждающего к лишению свободы, или повлекшего иные тяжкие последствия.

Субъект преступления, как указано в законе, – судья (судьи). Судья как должностное лицо, согласно п. 54 ст. 5 УПК РФ, уполномочено осуществлять правосудие. Следовательно, судья является специальным субъектом преступления. При этом судьи могут быть различных судов.

В судебно-следственной практике встречаются определенные сложности при квалификации данного преступления. Так, например, как отмечается в научной литературе, не могут быть квалифицированы по ст. 305 УК РФ неправосудные приговор, решение, определение и другие судебные акты, если они вынесены в результате допущенной ошибки при оценке по делу доказательств.²² В этом случае, по мнению А. В. Галаховой, возможна дисциплинарная ответственность либо предполагается ответственность за халатность по ст. 293 УК РФ.²³

При совершении данного преступления возможно соучастие специальных субъектов, когда один судья склоняет судью другого суда вынести неправосудный приговор и тогда действия подстрекателя следует квалифицировать по ст. 33 и ст. 305 УК РФ. Вместе с тем при склонении судьей эксперта дать заведомо ложное заключение, действия эксперта, если он знал о цели такого поведения судьи, квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 307 УК РФ, а также ст. 33 и ст. 305 УК РФ.²⁴

Однако если вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или другого судебного акта связано с получением взятки, рассматриваемое общественно опасное деяние необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 305 УК и ст. 290 УК РФ.

Уголовная ответственность наступает по ч. 1 ст. 305 УК РФ, как уже было отмечено, только в случае вынесения судьей заведомо неправосудных приговора, решения, а также другого судебного акта. Однако

---

²² Научно-практическое пособие по применению УК РФ / Под. ред. В. М. Лебедева. М., 2005. С. 738.

²³ Преступления против правосудия. С. 205.

²⁴ Там же. С. 205 – 206.

в судебной практике имеют место случаи ошибочного или необъективного вынесения судьей и судебными надзорными инстанциями судебных актов и заключений.

Так, например, Генеральный прокурор РФ обратился в областной суд с представлением, в котором просил дать заключение о наличии в действиях председателя районного суда признаков преступлений, предусмотренных ст. 292 УК РФ и ч. 1 ст. 305 УК РФ.

В обоснование представления указано, что с целью сокрытия факта вынесения заведомо неправосудного определения судьей И. отдал распоряжение секретарю судебного заседания изготовить протокол не проводившегося судебного заседания с указанием об участии отсутствовавших в заседании истца и ответчика. Такой протокол был изготовлен, а затем подписан судьей и секретарем.

Судебная коллегия из трех судей областного суда оставила представление Генерального прокурора РФ без удовлетворения и дала заключение об отсутствии в действиях судьи признаков преступлений, предусмотренных ст. 292, ч. 1 ст. 305 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала правильным заключение коллегии областного суда.

Президиум Верховного Суда РФ удовлетворил надзорное представление заместителя Генерального прокурора РФ и отменил заключение судебной коллегии и кассационное определение по следующим основаниям.

Уголовная ответственность по ч. 1 ст. 305 УК РФ наступает в случае вынесения судьей заведомо неправосудных приговора, решения или другого судебного акта. Мотив при этом значения не имеет.

Оценив допущенные судьей И. нарушения как несущественные, судебная коллегия из трех судей не учла то обстоятельство, что, вынося постановление о приостановлении производства по делу, судья продлил действие обеспечительных мер, необоснованно избранных им же, и тем самым существенно нарушил права ответчика.

Выводы суда первой и кассационной инстанций о том, что определение судьи не относится к судебным документам, предусмотренным ч. 1 ст. 305 УК РФ, как и вывод судебной коллегии из трех судей о том, что в представлении Генерального прокурора РФ должны быть ссылки на все признаки преступления, не основаны на законе.

Заключение судебной коллегии областного суда и кассационное

определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ отменены. Материалы дела переданы на новое судебное рассмотрение.²⁵

Наиболее распространенным среди преступлений против правосудия, совершаемых также специальными субъектами, является общественно опасное деяние, по которому установлена ответственность за заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод (ст. 307 УК РФ).

Непосредственным объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность суда и прокуратуры, а также органов предварительного следствия и дознания по осуществлению уголовного преследования.

Объективная сторона данного преступления (ч. 1) выражается в совершении ложных действий: даче ложных показаний свидетелем или потерпевшим; ложном заключении эксперта, специалиста; заведомо неправильном переводе в процессе судебного разбирательства, а также при производстве предварительного расследования или дознания. Часть 2 ст. 307 УК РФ предусматривает ложные показания, соединенные с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Специальные субъекты преступления предусмотрены в диспозиции (ч. 1 ст. 307 УК РФ), – это лица, участвующие при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства в качестве свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста либо переводчика. Подозреваемый, обвиняемый и подсудимый не могут быть субъектами преступления по данной статье.

При этом специальные субъекты, указанные в рассматриваемой статье, привлекаются к уголовной ответственности за заведомо ложные показания, заведомо ложное заключение и неправильный перевод при участии их как в уголовном, так и гражданском процессе.

При квалификации преступлений против правосудия данный состав следует отграничивать от фальсификации доказательств (ст. 303 УК РФ), так как эти преступления имеют общие объективные признаки (объект и некоторую схожесть объективной стороны). Вместе с тем, как правильно отмечает А. В. Новиков, отличие между этими составами необходимо проводить по субъекту преступления, хотя в обоих он является специальным.²⁶

²⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 7. С. 15.

²⁶ Преступления против правосудия. С. 233.

В уголовно-правовой литературе высказаны различные взгляды на самооговор, который предлагается квалифицировать как ложный донос (ст. 306 УК РФ), как дачу ложных показаний (ст. 307 УК РФ) или как укрывательство преступлений (ст. 316 УК РФ), а в некоторых случаях как действие, не образующее преступление.²⁷ В этой связи можно поддержать мнение А. С. Горелика, утверждающего, что в случае самооговора в заявлениях или показаниях о собственных действиях, фактически не совершенных лицом, автор не может нести ответственность как за заведомо ложный донос (ст. 306 УК), так и за дачу заведомо ложных показаний (ст. 307 УК РФ).²⁸

В других случаях, если по уголовному или гражданскому делу установлены неверные показания, заключение эксперта, показания специалиста либо неправильный перевод, которые произошли из-за ошибочной оценки произошедшего факта, событий, а также по причинам дефекта памяти, заболевания органов слуха, зрения или неопытности эксперта, специалиста, переводчика, квалификация по ст. 307 УК исключается.²⁹

С точки зрения квалификации представляет также интерес преступление, предусмотренное ст. 308 УК РФ, уголовная ответственность за которое предусмотрена за отказ свидетеля и потерпевшего от дачи показаний.

Данное преступление посягает на нормальную деятельность суда, органов прокуратуры, предварительного следствия и дознания. Дополнительным непосредственным объектом являются права и законные интересы личности.

Объективная сторона преступления выражается в отказе свидетеля или потерпевшего от дачи показаний на предварительном следствии, при осуществлении дознания и в суде. Отказ может быть выражен в письменной или устной форме. В соответствии со статьями 78 и 79 УПК РФ потерпевший и свидетель сообщают сведения, на основе которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения по уголовному и, в соответствии со ст. 69 ГПК РФ, – по гражданскому делу. Преступление считается оконченным с момента заявления об отказе давать показания.

Субъект преступления отказа от дачи показаний, указанный в диспозиции рассматриваемой статьи, специальный – свидетель или

²⁷ Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. С. 296.

²⁸ Там же. С. 299.

²⁹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. М. Лебедев. С. 786.

потерпевший. При этом потерпевшим в соответствии со ст. 42 УПК РФ признается физическое лицо, которому общественно опасным деянием причинен физический, имущественный либо моральный вред. Решение о признании гражданина потерпевшим согласно закону оформляется постановлением, которое выносит дознаватель, следователь, прокурор или суд. Что же касается свидетеля, то в соответствии со ст. 56 УПК РФ им является лицо, которому известны какие-либо обстоятельства, имеющие существенное значение для расследования, а также разрешения дела, вызванное для дачи показаний.

Следовательно, по ст. 308 УК РФ не могут нести уголовную ответственность другие лица, вызванные на допрос в органы предварительного следствия или в суд, а также участники уголовного и гражданского процесса (обвиняемые, истцы, ответчики и др. лица).

Отказ свидетеля и потерпевшего от дачи показаний совершается не только в результате действий, но может также проявиться в форме умолчания (в бездействии), когда специальные субъекты молчат и не отвечают на поставленные вопросы следователя, лица, производящего дознание или суда. В этом случае правы Л. В. Иногамова-Хегай и В. В. Демидов, которые считают, что такое умолчание свидетеля и потерпевшего дает основание квалифицировать их действия по ст. 308 УК.³⁰

Отказ от дачи ложных показаний (ст. 308 УК РФ) необходимо отличать от заведомо ложных показаний (ст. 307 УК) в частности, когда речь идет о свидетеле и потерпевшем. При наличии одинаковых объектов преступления и похожих специальных субъектов, за исключением эксперта, специалиста и переводчика (ст. 307 УК РФ), в этих составах много общего. Основное отличие рассматриваемых преступлений, которое определяет правильную квалификацию и разграничение их, состоит в объективной стороне.

Заведомо ложные показания свидетеля и потерпевшего заключаются в действии, а отказ от дачи показаний в пассивном поведении, то есть в нежелании дать показания по делу или может выразиться в уклонении свидетеля и потерпевшего от прихода в органы предварительного следствия, дознания или явки в суд.

При возникновении ситуации, отмечает В. А. Новиков, когда лицо

---

³⁰ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А. И. Рарог. С. 542; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. М. Лебедев. С. 787.

отказывается дать показания о месте нахождения преступника и орудий преступления, что подпадает под укрывательство преступлений (ст. 316 УК РФ), необходимо такие действия квалифицировать как отказ от дачи показаний (ст. 308 УК), а разграничение этих составов проводить по объективной стороне.³¹ Думается, что с этим предложением можно согласиться, так как отграничение можно в данном случае проводить не только по признакам объективной стороны, но и еще по субъекту преступлений.

За отказ от дачи показаний (ст. 308 УК) субъект специальный, а за укрывательство преступлений (ст. 316 УК) субъект будет общий.

К числу преступлений против правосудия, также совершаемых специальным субъектом, относится общественно опасное деяние, предусматривающее ответственность за разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ). Общественная опасность данного преступления состоит в том, что разглашение сведений предварительного расследования препятствует закреплению доказательств и затрудняет процесс расследования и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

Непосредственным объектом преступления является нормальная деятельность органов прокуратуры, предварительного следствия и дознания по осуществлению уголовного преследования.

Объективная сторона преступления состоит в разглашении данных предварительного расследования лицом, которое предупреждено в установленном законом порядке о недопустимости их разглашения, если данное деяние совершено без согласия прокурора, следователя, а также лица, производящего дознание.

Субъект данного преступления специальный, то есть лицо, которое в установленном законом порядке предупреждено о недопустимости разглашения данных предварительного расследования и дознания. В ст. 161 УПК РФ установлено, что прокурор, следователь и дознаватель предупреждает участников судопроизводства о недопустимости разглашения данных предварительного расследования. Кроме того, у них берется подписка о предупреждении их об уголовной ответственности за разглашение данных расследования и дознания. Следовательно, указанные участники уголовного судопроизводства наделены дополнительными признаками по отношению к другим гражданам и являются специальными субъектами разглашения сведений предварительного расследования (ст. 310 УК РФ).

³¹ Преступления против правосудия. С. 243.

В юридической литературе правильно подмечено, что разглашение сведений о мерах безопасности, принятых в отношении судьи и участников уголовного процесса, образует другой состав преступления, предусмотренный ст. 311 УК РФ, а по ст. 310 УК РФ необходимо квалифицировать только случаи умышленного разглашения данных предварительного расследования.³²

Разглашение данных предварительного расследования также необходимо отграничивать от нарушения неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ). В том случае, если виновное лицо разглашает сведения о частной жизни участника уголовного процесса без согласия прокурора, следователя или дознавателя или самого участника, то такие действия при определенных условиях квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 310 УК и ч. 1 ст. 137 УК.³³

Вместе с тем, когда данные предварительного расследования разглашают должностные лица органов предварительного следствия, дознания и суда, которым такая информация стала известна в связи с выполнением ими служебных обязанностей, квалификация должна осуществляться: 1) при умышленной форме вины – за злоупотребление должностными полномочиями по ст. 285 УК РФ, 2) при неосторожной вине – за халатность по ст. 293 УК РФ.³⁴

Представляет существенную опасность среди преступлений против правосудия преступное деяние, предусматривающее уголовную ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, которые применяются в отношении судьи и участников уголовного процесса (ст. 311 УК РФ).

В целях защиты судей и лиц, участвующих в отпращивании правосудия, 20 апреля 1995 г. был принят Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (в ред. от 30.06.03 г.).³⁵

Непосредственным объектом рассматриваемого преступления является нормальная деятельность государственных органов, связанная

³² Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. С. 155, 161.

³³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А. И. Рарог. С. 545; Преступления против правосудия. С. 260.

³⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой. Ростов н/Д., 2002. С. 758; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А. И. Рарог. М., 2004. С. 545; Преступления против правосудия. С. 263 – 264.

³⁵ СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1455; 2003. № 27. Ст. 2700.

с осуществлением правосудия. Дополнительный объект – безопасность участников уголовного процесса и их близких.

Объективная сторона преступления выражается в разглашении сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении названных в диспозиции закона лиц (форма передавания соответствующих сведений не имеет значения). К таким лицам относятся: судьи, присяжные заседатели, либо другие лица, участвующие в отправлении правосудия, судебные приставы, судебные исполнители, потерпевшие и свидетели, иные участники уголовного процесса или их близкие. Само понятие иных участников уголовного процесса дается в главах 5, 6, 7 УПК РФ, к которым уголовно-процессуальный закон относит: прокурора, лицо, осуществляющее дознание, частного обвинителя, подозреваемого, обвиняемого, защитника и т. п. лиц.

Субъектом данного преступления будет лицо, которому сведения о принятых мерах безопасности были доверены или стали известны в связи с его служебной деятельностью. Как правило, к ним относятся должностные лица и сотрудники МВД, Министерства юстиции РФ, ФСБ и другие, осуществляющие соответствующие мероприятия по обеспечению безопасности участников уголовного процесса. В частности, речь идет о представителях власти или сотрудниках правоохранительных органов, которые наделены законом по отношению к другим гражданам дополнительными признаками, что дает основание считать их специальными субъектами рассматриваемого преступления.

В специальной литературе можно встретить точку зрения, что специальными субъектами анализируемого преступления могут быть руководители медицинского учреждения, должностные лица паспортной службы, руководители адресных бюро, сотрудники справочной службы автоматической телефонной связи и других информационно-справочных служб и т. п.³⁶

Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении других лиц, которые не охватываются диспозицией ч. 1 ст. 311 УК РФ, а имеют место в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа, а также его близких при условии, если деяние совершено в целях воспрепятствования его служебной деятельности,

---

³⁶ Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Х. Д. Аликперова, Э. Ф. Побегайло. М., 2001. С. 312; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А. И. Рарог. С. 547; Преступления против правосудия. С. 278.

может быть квалифицировано по ст. 320 УК РФ. Данные преступления отличаются друг от друга по объекту посягательства, субъективной стороне, кругу потерпевших, а также субъекту. В отличие от ст. 311 УК, в ст. 320 УК не содержится указаний на специальные признаки субъекта, которым может быть любое лицо, достигшее возраста 16 лет, обладающее сведениями в связи со служебной деятельностью.

Для правильной квалификации имеет важное значение конкуренция норм, при которой согласно ч. 3 ст. 17 УК РФ совокупность преступлений, предусмотренных ст. 311 УК и ст. 285 УК, исключается, и уголовная ответственность наступает по специальной норме. В данном случае квалификация осуществляется по ст. 311 УК РФ.

По мнению В. П. Малкова, с которым следует согласиться, содеянное может быть квалифицировано по ч. 2 ст. 311 УК в том случае, когда наступившее тяжкое последствие находится в причинной связи с разглашением виновным сведений о мерах безопасности в отношении судьи и участников уголовного процесса.³⁷

Среди наиболее распространенных преступлений против правосудия можно выделить общественно опасное деяние, совершаемое специальным субъектом, которое представляет собой побег из места лишения свободы, из-под ареста либо из-под стражи (ст. 313 УК РФ).

Непосредственным объектом преступления являются общественные отношения, связанные с обеспечением нормальной деятельности органов по исполнению судебного акта. Дополнительным непосредственным объектом побега выступает здоровье личности.

Объективная сторона преступления характеризуется самовольными активными действиями, выражающимися в оставлении осужденным к лишению свободы, аресту, либо лицом, содержащимся под стражей, места лишения свободы, а также места содержания либо нахождения под стражей, которые определены Министерством юстиции РФ, МВД РФ и др. Обязательным признаком объективной стороны преступления является место побега, который может быть совершен из помещения суда, при конвоировании, из кабинета следователя или из самого места лишения свободы. Места лишения свободы определены ст. 74 УИК РФ, а ареста – ст. 68 УИК РФ. В свою очередь, содержание под стражей регулируется

---

³⁷ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю. Х. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1996. С. 312; Уголовное право России: Учебник для вузов. В 2-х т. Т. 2. Особенная часть / Под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М., 1999. С. 703.

Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15 июля 1995 г., № 103-ФЗ.³⁸

Преступление считается оконченным с момента оставления места лишения свободы или предварительного заключения, а при побеге из-под стражи – с момента выхода из-под контроля охраняющих осужденного лиц.

Субъект данного преступления специальный, то есть лицо, реально отбывающее по приговору суда наказание в виде лишения свободы или ареста, а также находящееся в предварительном заключении. Само же заключение под стражу, согласно ст. 108 УПК РФ, применяется в отношении подозреваемых или обвиняемых в качестве меры пресечения, которая в соответствии со ст. 110 УПК РФ отменяется, если в ней отпадает необходимость, либо может быть изменена на более строгую или более мягкую. Следовательно, лицо, совершившее побег, обладает в соответствии с уголовным и уголовно-процессуальным законодательством дополнительными признаками, позволяющими отнести его к специальному субъекту преступления.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, не может признаваться лицо, незаконно осужденное к лишению свободы, или лицо, в отношении которого незаконно была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Некоторую особенность квалификации побега представляет совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (ч. 2 ст. 313 УК РФ). В данном случае речь может идти о нескольких специальных субъектах преступления, являющихся осужденными или заключенными под стражу, то есть в качестве членов группы должны рассматриваться только лица, отбывающие уголовное наказание, а также находящиеся в предварительном заключении. Здесь может иметь место наряду с соисполнительством (простым соучастием) и сложное соучастие, когда имеет место распределение ролей (организатор, подстрекатель, пособник). При простом соучастии действия специальных субъектов следует квалифицировать по ч. 2 ст. 313 УК без ссылки на ст. 33 УК РФ, а в другом случае квалификация осуществляется по ч. 2 ст. 313 УК со ссылкой на ст. 33 УК.

Однако соучастниками организованной группы, готовящей побег, могут быть не только специальные субъекты (заключенные), но и другие

³⁸ СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2729.

лица. При соучастии специального субъекта с общим субъектом, как ранее было отмечено в работе, квалификация осуществляется по правилам, предусмотренным в ч. 4 ст. 34 УК РФ. Общий субъект преступления несет уголовную ответственность по ч. 2 ст. 313 УК РФ со ссылкой на ст. 33 УК РФ, как организатор, подстрекатель или пособник.

Видимо, следует согласиться с мнением В. А. Новикова, что если организатором побега будет являться должностное лицо исправительного учреждения, то его действия необходимо квалифицировать по совокупности преступлений по ст. 33, ч. 2 ст. 313 и ст. 285 УК РФ, а при совершении побега с использованием оружия действия данного лица должны быть квалифицированы по совокупности преступлений по ч. 3 ст. 313 УК РФ и ст. 222 УК РФ.³⁹

Вряд ли справедлива квалификация Н. И. Пикурова, полагающего, что в случае побега с применением насилия или угроз в отношении представителей охраны действия заключенных подлежат ответственности за преступления против порядка управления по ст. 318 УК РФ.⁴⁰

Действительно лица, осуществляющие охрану осужденных к лишению свободы, аресту либо содержащихся под стражей, являются представителями власти, в отношении которых применено насилие, опасное для жизни или здоровья, либо угроза применения такого насилия со стороны заключенных. В данном случае посягательство осуществляется на основной непосредственный объект, которым являются общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность по исполнению судебного акта, а при совершении преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, посягательство осуществляется на нормальную управленческую деятельность представителей власти. Непосредственные объекты частично совпадают.

При этом данные преступления различаются по объективным и субъективным признакам, а также по субъекту преступления. В преступлении, которое предусматривает применение насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ), субъект будет общий, тогда как при совершении побега субъект преступления специальный. Исключается здесь и конкуренция норм, при которой квалификация осуществляется по ч. 3 ст. 17 УК РФ. Все это позволяет сделать вывод, что признаки преступления,

---

³⁹ Преступления против правосудия. С. 307 – 308.

⁴⁰ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постратейными материалами и судебной практикой / Под общ. ред. С. И. Никулина. М., 2001. С. 965.

предусмотренного ст. 318 УК при совершении побега, отсутствуют.

Уголовно-исполнительное законодательство по различным основаниям в соответствии со ст. 97 УИК РФ предусматривает возможность применять к лицам, осужденным к лишению свободы, краткосрочные и длительные выезды за пределы исправительных учреждений. Речь в данном случае идет об ответственности за уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы (ст. 314 УК РФ), которое совершается специальным субъектом.

Непосредственным объектом преступления являются общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность органов правосудия.

Объективная сторона преступления согласно диспозиции данной статьи выражается в невозвращении лица, осужденного к лишению свободы, которому: 1) разрешен выезд за пределы места лишения свободы; 2) предоставлена отсрочка исполнения приговора суда; 3) предоставлена отсрочка отбывания наказания, по истечении срока выезда или отсрочки. При этом преступление может быть совершено только путем бездействия, то есть невыполнения лицом обязанности, которую оно должно было выполнять в силу требований закона.

Субъект уклонения специальный, то есть лицо, осужденное к лишению свободы, которому разрешен выезд за пределы места лишения свободы или предоставлена отсрочка исполнения приговора суда (ст. 398 УПК РФ), а также отбывания уголовного наказания (ст. 82 УК РФ). Следовательно, субъект преступления наделен специальными признаками, которые присущи только ему. Поэтому осужденные, уклоняющиеся от отбывания наказания, и которым по определению суда оно заменено лишением свободы, не могут относиться к субъектам рассматриваемого преступления, как и не могут быть субъектами осужденные, которым законом запрещен выезд за пределы исправительных учреждений, в которых они отбывают наказание.

Уклонение от отбывания лишения свободы имеет некоторое сходство с преступлением, предусмотренным ст. 313 УК РФ. Так, например, у них похожи непосредственные объекты, хотя полностью они не совпадают, так как при побеге непосредственный объект охватывает более широкий круг общественных отношений. И в том и другом преступлениях имеет место специальный субъект, которым является осужденное лицо. Вместе с тем, для правильной квалификации преступлений имеет большое значение разграничение данных составов.

Основное отличие этих преступлений необходимо проводить по объективным и субъективным признакам рассматриваемых общественно опасных деяний, предусмотренных ст. 314 УК и ст. 313 УК РФ, которые в значительной степени отличаются друг от друга. Так, при побеге осужденный самовольно покидает место лишения свободы и побег представляет собой вид активного преступного поведения, а при уклонении от отбывания лишения свободы (ст. 314 УК) имеет место преступное бездействие, когда лицо получает возможность покинуть исправительное учреждение на законных основаниях и в установленном порядке, но не возвращается к месту отбывания наказания.

Факультативные признаки субъективной стороны данных преступлений значительно отличаются по своему содержанию.

Неодинаково определены законодателем и субъекты этих преступлений. Если в преступлении, предусмотренном ст. 314 УК РФ, специальным субъектом является только осужденный к лишению свободы, которому разрешен выезд за пределы исправительного учреждения либо предоставлена отсрочка исполнения приговора суда (ст. 398 УПК РФ), а также отбывание наказания (ст. 82 УК РФ), то при совершении побега (ст. 313 УК) специальный субъект преступления законодателем определен значительно шире, что отмечалось ранее, при рассмотрении данного состава.

Большое значение для правильной деятельности судебной власти имеет обеспечение исполнения выносимых судом различных актов. Не случайно в соответствии с ч. 1 ст. 392 УПК РФ вступивший в законную силу приговор, определение, постановление суда обязательны для всех органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, а также физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному и точному исполнению на всей территории России.

Уголовная ответственность за неисполнение приговора суда, решения суда либо другого судебного акта предусмотрена ст. 315 УК РФ.

Непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, которые обеспечивают нормальную деятельность органов, исполняющих приговоры суда, решения либо другие судебные акты.

Объективная сторона преступления характеризуется злостным неисполнением вступивших в законную силу приговора суда или решения, а также другого судебного акта, либо воспрепятствование их исполнению.

Неисполнение судебного акта выражается в отказе или уклонении от его исполнения, то есть данное преступное деяние совершается в форме бездействия.

Воспрепятствование исполнению приговора суда или решения, а также другого судебного акта, выражается в совершении активных действий, направленных на создание различных препятствий, чтобы помешать реализации судебных решений.

Субъект данного преступления специальный, который указан законодателем в диспозиции ст. 315 УК РФ. Субъектом преступления могут быть: представитель власти, государственный служащий, служащий органа местного самоуправления, служащий государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации.

Указанные лица могут быть специальными субъектами рассматриваемого преступления только в том случае, если на них возложены обязанности в соответствии со служебными полномочиями исполнять приговоры или решения суда либо судебные акты.

Во избежание ошибочной квалификации необходимо отграничивать данное преступление от других составов, а также в полном объеме учитывать наряду с объективными и субъективными признаками и особенности специальных субъектов, которые предусмотрены в уголовном законе, в частности в статьях 204, 285 и 318 УК РФ, и в различных федеральных законах.

Так, например, лицо, не обладающее дополнительными признаками специального субъекта преступления, отказывающееся исполнять судебное решение, не может быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 315 УК РФ, как и должностные лица, не названные в диспозиции уголовно-правовой нормы. Как справедливо отмечает А. В. Галахова, при наличии необходимых признаков должностные и частные лица, уклоняющиеся от исполнения судебных актов, могут быть привлечены к ответственности по статьям 312, 313, 314, 321, 157, 177 УК РФ.⁴¹

В некоторых случаях рассматриваемое преступление может быть сопряжено с воспрепятствованием осуществлению правосудия или с применением угрозы или насилия к представителям власти, а также другим лицам, то содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 315 УК и дополнительно по ст. 294 УК

---

⁴¹ Преступления против правосудия. С. 328; Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. С. 412.

или по ст. 296 УК.

Необходимо также разграничивать ст. 315 УК от ст. 157 УК, так как назначением последней является защита семейного уклада. Если же обязанность содержать детей либо родителей подтверждена иным судебным актом (постановлением или судебным приказом), то в этом случае злостное уклонение от его выполнения не влечет ответственность по ст. 157 УК РФ.⁴²

В судебной практике нередко допускаются ошибки при квалификации преступных действий по ст. 315 УК РФ. Именно одну из таких ошибок исправила Военная коллегия Верховного Суда РФ своим определением по уголовному делу от 31 марта 1998 г. Военный суд Владивостокского гарнизона осудил Древновского по ст. 315 УК РФ за злостное неисполнение решения суда. Военный суд Тихоокеанского флота приговор оставил без изменения.

Согласно решениям судов гарнизона и флота, начальник КЭЧ подполковник Древновский был обязан выдать офицеру Злотникову Е. Е. справку об отсутствии у последнего жилой площади в поселке Артемовском Приморского края. Исполнить судебное решение он должен был в срок до 18 марта 1997 г. В период с 18 марта по 7 апреля 1997 г. Древновский дважды выдавал на имя Злотникова справки, не соответствовавшие резолютивной части кассационного определения.

7 апреля 1997 г. военный суд Владивостокского гарнизона наложил на Древновского штраф и установил новый срок для его исполнения. Решения судов надлежащим образом были исполнены только 30 апреля 1997 г.

Вместе с тем в протесте Главного военного прокурора ставился вопрос об отмене состоявшихся по делу судебных решений в связи с неполнотой и односторонностью судебного следствия, а также несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам дела.

Рассмотрев дело и обсудив доводы протеста, Военная коллегия отменила приговор и определение суда кассационной инстанции, а уголовное дело прекратила. При этом в своем определении коллегия указала, что уголовную ответственность по ст. 315 УК РФ влечет не любое, а лишь злостное неисполнение судебного решения. Как видно из приговора, суд усмотрел злостность в том, что Древновский не исполнил судебные решения после письменного предупреждения суда.

Таким предупреждением суд признал определение суда от 7 апреля

---

⁴² Горелик А. С., Лобанова Л. В., Преступления против правосудия. С. 411 – 412.

1997 г. о наложении на Древновского штрафа. Однако при этом не было учтено, что это определение ранее обжаловано в кассационном порядке и до рассмотрения дела вышестоящим судом, т.е. до 25 августа 1997 г., не имело юридической силы. К тому же, со стороны Древновского принимались необходимые меры по исполнению судебного решения.

В свою очередь, судом установлено, что 27 февраля 1997 г. им была подписана справка с указанием того, как Злотников распорядился своей квартирой в пос. Артемовском, а сам Древновский полагал, что выдачей такой справки он исполнил судебное решение.

Вместе с тем судебным исполнителем военного суда был составлен акт, согласно которому эта справка не соответствовала судебному решению, и потому решение считалось не исполненным.

После этого Древновский подписал еще одну справку, которая содержала запись об отсутствии у Злотникова жилой площади в пос. Артемовском, а также сведения о том, как тот распорядился ею.

По получении данного документа суд, по просьбе КЭЧ, направил образец справки, которая соответствовала бы решению суда, после чего требуемая справка была выдана.

В своем определении Военная коллегия Верховного Суда РФ от 31 марта 1998 г. делает правильный вывод, что действия Древновского не образуют состава злостного неисполнения судебного решения, в связи с чем дело подлежит прекращению.⁴³

Правильное установление специального субъекта в преступлениях против правосудия имеет большое значение для отграничения их не только от смежных составов, но и других преступлений, что позволяет избегать ошибок в процессе квалификации данных общественно опасных деяний, а также при решении вопросов уголовной ответственности, применения наказания и осуществления правосудия в стране.

---

⁴³ Судебная практика по уголовным делам. Тематический сборник / Сост. О. М. Оглоблина. М., 2001. С. 379 – 380.

А. В. Акинieceва,
Р. Г. Степанов***

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПЛАТЕЖНЫХ КАРТ

Анализ материалов конкретных уголовных дел, а также других эмпирических источников в отечественной и зарубежной юридической литературе показывает, что успешное расследование преступлений рассматриваемого вида напрямую зависит от того, как быстро реагируют правоохранительные органы на совершение общественноопасного деяния. В этой связи особую актуальность и значимость приобретает первоначальная стадия уголовного процесса – возбуждение уголовного дела. Она во многом обусловлена уголовно-правовой природой выделенных преступных посягательств, неординарностью способов их совершения.

Эффективность работы следователя по раскрытию и расследованию мошенничества с использованием пластиковых карт, в первую очередь, зависит от оперативности реагирования на заявление и сообщение о преступлении, своевременного и обоснованного возбуждения уголовных дел. Практика свидетельствует о том, что запоздалое начало уголовного процесса может привести к быстрой, по сравнению с другими видами преступных посягательств, утрате доказательств, безнаказанности преступников, увеличению срока предварительного следствия и другим негативным последствиям.

Именно поэтому важное значение на стадии возбуждения уголовного дела о преступлениях рассматриваемой категории будет иметь оптимальная организация взаимодействия между следственными подразделениями, специализированными органами дознания, экспертными службами и в частности, охранными структурами (службами безопасности) в целях получения максимально полной криминалистически значимой информации о произошедшем событии.

В зависимости от содержания исходной информации о произошед-

---

* Государственный таможенный инспектор Санкт-Петербургской таможни, соискатель института Генеральной прокуратуры РФ.

** Начальник юридического факультета Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии.

шем событии следователь имеет возможность до возбуждения уголовного дела провести в порядке ст. 144 УПК РФ предварительную проверку фактов, изложенных в сообщении о преступлении:

- истребование необходимых материалов (документов), свидетельствующих о противоправности события либо отражающих незаконность проведения финансовой или иной операции;

- проверка подлинности и действительности документов, имеющих в распоряжении дознавателя, органа дознания или следствия, как оригиналов, так и их копий;

- получение объяснения от заявителя и возможных свидетелей (очевидцев) события;

- предварительное исследование предметов и возможных орудий хищения (пластиковых карт, слипов, программ для ЭВМ, электронных и иных документов, СТС и других);

- ознакомление с технологией оборота (эмиссией) или использования пластиковых карт конкретного вида;

- изучение правовой основы операции, итогом которой явилось событие, изложенное в сообщении о преступлении;

- консультации со специалистами.¹

Планирование расследования таких преступлений необходимо начинать с момента получения и оценки первичной информации о событии, имеющем признаки преступления.

Задачи расследования преступлений исследуемой категории нельзя рассматривать как нечто неизменное. Расследование – это динамичный процесс, поэтому на различных его этапах задачи изменяются в зависимости от содержания и полноты собранных по делу доказательств. Из этого следует, что перечень обстоятельств, подлежащих выяснению по делам рассматриваемой категории, целесообразно определять и конкретизировать применительно к каждой из выдвинутых частных версий.

Типичными поводами для возбуждения уголовного дела о мошенничестве с использованием поддельных платежных карт являются:

- сообщения банков-эмитентов, банков-эквайеров, торгово-сервисных организаций, осуществляющих обслуживание по поддельным картам, держателей пластиковых карт;

---

¹ Мерзозитова Ю. А. Расследование изготовления и сбыта поддельных кредитных либо расчетных карт и иных документов // Расследование преступлений в сфере экономики: Руководство для следователей. М., 1999. С. 312.

- задержание с поличным лица, противоправно использовавшего платежную карту;
- материалы оперативных разработок правоохранительных органов;
- факты противоправного использования платежных карт, выявленные в ходе расследования других преступлений.

К числу проверочных мероприятий, проводимых на стадии возбуждения уголовного дела, относятся:

- получение объяснения заявителя, в котором фиксируются обстоятельства выявленного преступления, обстановка, в которой преступник пытался или осуществил незаконные расчеты с использованием пластиковой карты;
- обследование с участием специалиста места происшествия (торгово-сервисной организации либо места нахождения банкомата);
- опрос задержанного лица, держателя карты, сотрудников банка и торгово-сервисной организации, осуществлявшей обслуживание по поддельной (утерянной или украденной) карте, свидетелей (очевидцев);
- получение образцов почерка и подписи лица для сравнительного исследования;
- сбор фото- и видеоматериалов, имеющих непосредственное отношение к операции с использованием поддельной, утерянной либо украденной платежной карты;
- сбор слайпов по операциям с использованием поддельной, утерянной либо украденной платежной карты, содержащих подпись держателя карты и иных образцов почерка и подписи держателя карты для сравнительного исследования;
- наведение справок путем направления запросов в банки, торгово-сервисные организации, орган государственной регистрации;
- составление словесного и композиционного портретов подозреваемого и организация его розыска;
- проведение оперативно-розыскных мероприятий с целью выявления лиц, имеющих отношение к использованию поддельной, утерянной либо украденной платежной карты, организация наблюдения за ними, их связями, прослушивание телефонных переговоров, контроль почтовой и телеграфной корреспонденции, снятие информации с технических каналов связи;
- получение заключений специалистов о предварительном

исследовании изъятых документов и других доказательств;

- истребование материалов расследования случаев незаконного использования пластиковых карт от служб собственной безопасности хозяйствующих субъектов и банков;

- исследование документов, регламентирующих операции с использованием платежных карт (нормативных актов Банка России, договоров, заключенных между участниками расчетов, правил и инструкций, нормативно-справочных, технических и технологических документов, устанавливающих порядок совершения операций с использованием платежных карт);

- консультации у специалистов в области изготовления и оборота пластиковых карт.²

Основаниями возбуждения уголовного дела являются:

- задержание лица с поличным в момент или непосредственно после оплаты товаров (услуг) с использованием поддельной, утерянной либо украденной пластиковой карты или получения денежных средств со счета держателя карты;

- факты, свидетельствующие о незаконном списании денежных средств со счета держателя карты в пользу торгово-сервисной организации (транзакции), проведенном по платежной карте либо по поддельным слипам;

- факты, свидетельствующие о получении лицом предоплаченной карты по подложным документам, превышении счета и последующем невозвращении израсходованных денежных средств банку;

- факты, свидетельствующие о том, что сотрудники торгово-сервисной организации принимают к обслуживанию поддельные платежные карты или платежные карты на разные имена и разных эмитентов, предъявленные одним и тем же лицом, либо изготавливают дополнительные копии слипа;

- наличие сведений о частых утратах платежных карт при их пересылке по почте;

- сведения о том, что к значительному числу держателей карт поступали обращения (по почте, телефону, Интернету) с просьбой сообщить реквизиты карты и другую информацию о себе.

---

² www.ss20group.flip.ru

Л. А. Копенкина*

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СТ. 127-1 УК РФ (ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ)

Предусмотренное уголовным законом преступление «Торговля людьми» (ст.127-1 УК РФ), как и «Похищение человека» (ст. 126 УК), не является новым для России, так как оно было знакомо еще дореволюционному уголовному законодательству. Так, в ст. 1410 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. было указано: «Продажа в рабство – наказание в виде лишения всех прав состояния и ссылка на каторжные работы сроком от 8 до 10 лет лишения свободы».¹

В соответствии с современным международным правом рабство является преступлением международного характера, посягающим на личную свободу, неприкосновенность, честь и достоинство личности. Первое научное исследование проблемы торговли людьми в России после 1917 года относится к 1997 году, когда американская неправительственная организация «Глобальная сеть за выживание» провела конференцию, где представила результаты фундаментального научного исследования этой проблемы в России. Помощь в проведении данного исследования была оказана женскими российскими общественными организациями, которые работают с группами риска, осуществляя помощь жертвам торговли. Государственная активность в данном направлении со стороны России стала проявляться после подписания 15 ноября 2000 г. на 55 сессии Генеральной Ассамблеи ООН Конвенции против транснациональной организованной преступности и дополняющий ее Протокол о предупреждении, пресечении и наказании за торговлю людьми, особенно женщинами и детьми. Данный документ на высшем международном уровне определил обязанность государств по противодействию криминальной торговле людьми. Данную конвенцию подписали 100 государств, в том числе и Россия. Длительное время Россия, несмотря на то, что она являлась участником специальной Конвенции относительно рабства от 25 сентября 1926 года и Дополнительной Конвенции об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев,

---

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина.

¹ Свод законов Российской империи. СПб., 1913. Т. 8. С. 787.

сходных с рабством, от 7 сентября 1956 г., не привела свое внутреннее законодательство в соответствие с требованиями указанных конференций.

Международное сообщество отнесло Россию к группе государств, не прилагающих достаточных усилий для решения этой проблемы.²

Вероятно, это было связано с тем, что Россия после длительной политической и экономической стагнации и последовавшим за этим кризисом, во всех сферах жизни общества не готова была к объективной оценке произошедших изменений, так как «железный занавес» надолго отделил СССР от всего мира.

Вместе с тем, торговля людьми, и в первую очередь женщинами и детьми, в условиях открытия границ и свободного передвижения за их пределы достигла глобальных размеров, и страна превратилась в крупный центр вывоза женщин и детей. Согласно экспертным заключениям, ежегодные доходы криминальных группировок от продажи женщин из России и стран СНГ составляет до 7 млрд. долларов.³ Данная цифра может быть значительно выше, так как секс-торговля остается латентной проблемой для правоохранительных органов России.

И только после того, как проблема торговли людьми стала активно обсуждаться международным сообществом и национальными государствами, Россия сделала серьезные шаги в направлении противодействия этому явлению.

В 1995 году впервые появилась уголовная ответственность за торговлю несовершеннолетними. В частности, в ч. 1 ст. 152 УК была предусмотрена ответственность за «куплю-продажу несовершеннолетнего либо совершение иных сделок в отношении несовершеннолетнего в форме его передачи и завладения им». Максимальная мера наказания за это преступление составляла 5 лет лишения свободы. При совершении квалифицированных и особо квалифицированных видов этого преступления наказание в виде лишения свободы составляло от трех до пятнадцати лет. Впоследствии данная статья утратила силу и ФЗ № 162-ФЗ от 21 ноября 2003 г., а в УК РФ была включена статья 127-1, предусматривающая

² В первом ежегодном докладе Госдепартамента США 2001 года о торговле людьми в странах мира все страны разделены на три группы: 1-я группа – государства, полностью отвечающие минимальным стандартам в области ликвидации торговли людьми (США, Франция и др.); 2-я группа – государства, прилагающие значительные усилия для выполнения этих стандартов (Германия, Украина и др); 3-я группа – государства, не прилагающие достаточных усилий для решения этих проблем, к которым отнесена и Россия.

³ Торговля людьми: Социокриминологический анализ / Под ред. Е. В. Тюрюкановой и Л. Д. Ерохиной. М., 2002. С. 37.

уголовную ответственность за «Торговлю людьми».

Любой закон, как продукт человеческой деятельности имеет свои недостатки, которые создают трудности, связанные с его применением.

Характер этих недостатков выявляется в результате правоприменительной практики. В одних случаях это расплывчивость, неточность законодательных формулировок, той или иной правовой нормы, в других – несоответствие правовой нормы характеру и степени общественной опасности, связанной с посягательством на те общественные отношения, которые регулирует данная норма.

Анализ правовых норм действующего Уголовного кодекса Российской Федерации свидетельствует о том, что наиболее ярко проявляются указанные недостатки в ст. 127-1 УК РФ «Торговля людьми».

В ч. 1 данной статьи дано определение: «Торговля людьми, то есть купля-продажа человека либо его вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение, совершенные в целях его эксплуатации».

Основным непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения по охране личной свободы человека (потерпевшего), его чести и достоинства. При этом личная свобода человека предполагает и его личную неприкосновенность. Дополнительными непосредственными объектами этого преступления могут быть: безопасность жизни, здоровья, половой свободы, половой неприкосновенности и другие.

Объективная сторона «Торговли людьми» (ст. 127-1) включает в себя совокупность таких альтернативных действий, как купля-продажа человека, либо его вербовка, перевозка, передача, укрывательство, получение.

Купля-продажа человека предполагает вид договора, согласно которому продавец обязуется передать живого человека, как имущество, в собственность покупателю, а последний – принять его и уплатить установленную цену, которая может быть выражена в различном корыстном интересе (деньгах, имуществе и т. д.). Потерпевшим от данного преступления может быть мужчина или женщина любого возраста. Торговля заведомо несовершеннолетним является квалифицирующим вину обстоятельством, предусматривающим повышенную уголовную ответственность.

Вербовка человека представляет собой деятельность по набору, найму желающих, которая может производиться как путем обмана, так и путем запугивания, угроз, применения насилия, то есть она может включать в себя признаки состава иных преступлений.

Перевозка человека состоит в его перемещении путем использо-

вания различных видов транспорта, как в пределах одного населенного пункта, так и на значительные расстояния, в том числе и за рубеж. Передача и получение человека (или нескольких лиц) при совершении этого преступления может состоять в непосредственной передаче его (их) из рук в руки различным соучастникам преступления для перевозки, для охраны, временного размещения и т. д., в том числе и покупателю с целью последующей эксплуатации.

Укрывательство лица (лиц) – это содействие совершению торговли людьми путем сокрытия человека (людей) в потайном месте с целью последующей передачи иным соучастникам преступления. В российском уголовном праве укрывательство, в случае если оно было заранее обещано, квалифицируется как пособничество (п. 5 ст. 33 УК).

Субъектом указанного преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. Принимая во внимание, что торговля людьми часто предполагает предварительное похищение человека, где субъектом преступления является лицо, достигшее 14 лет, то и в преступлении, предусмотренном ст. 127-1 УК, возраст субъекта следует понизить до 14 лет. Субъектом квалифицированного вида состава этого преступления (ч. 2 ст. 127-1) может быть лицо, использующее свое служебное положение (государственный или муниципальный служащий, лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации и т. д.), то есть лицо, обладающее признаками специального субъекта.

Субъективная сторона торговли людьми характеризуется виной в форме прямого умысла и специальной целью – эксплуатацией человека.

Понятие эксплуатации при торговле людьми дано в примечании 2 к анализируемой статье. В соответствии с примечанием 2 к ст. 127-1 под эксплуатацией человека в настоящей статье понимается «использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд / услуги /, подневольное состояние».

Таким образом, анализ диспозиции данной статьи свидетельствует о том, что в нее включено не только такое правовое понятие, как «купля – продажа человека», что и составляет содержание понятия «торговля людьми», но и вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение человека.

Несомненно, такая законодательная формулировка ст. 127-1 УК РФ создает трудности в ее применении, так как включенные в нее понятия в таком виде не создают единой логически выверенной структуры.

Действительно, чтобы совершить куплю – продажу человека необходимо совершить ряд подготовительных мероприятий, т. е. совершить приготовление к совершению самой купли – продажи человека.

К таким подготовительным действиям могут относиться перевозка, передача, укрывательство, получение и т. д.

При определенных обстоятельствах указанные действия с человеком могут представлять общественную опасность и, как следствие этого, квалифицироваться по тем или иным статьям УК РФ / Незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ), Похищение человека (ст. 126 УК РФ) и т. д.

Если же результатом этих действий является купля – продажа живого человека, то по нашему мнению ст. 127.-1 УК РФ следует изложить в следующей формулировке: «Перевозка, передача, укрывательство или получение человека с целью последующей торговли, а именно его купли – продажи».

При данной формулировке такие правовые принятии, как перевозка, передача, укрывательство и получение неразрывно связаны с основным понятием «торговля людьми» и образуют с ним единое целое.

Как следствие этого подобная формулировка диспозиции ст. 127-1 УК РФ является наиболее целостной, логически обоснованной, когда речь идет о таком общественно опасном деянии, как купля – продажа человека.

В то же время анализ диспозиции ч. 1 ст. 127.-1 УК РФ свидетельствует о том, что она не включает в себя такие общественно-опасные действия, связанные с незаконными сделками в отношении людей, как мена, дарение, залог и т. д.

Уголовная ответственность за указанные общественно-опасные действия не предусмотрена и другими статьями главы 17 Уголовного кодекса РФ.

В связи с этим мы считаем целесообразным или включить самостоятельные статьи в гл. 17 УК РФ, предусматривающие уголовную ответственность за эти деяния, или, изменив название, расширить ее диспозицию и сформулировать следующим образом:

Незаконные сделки с людьми

Незаконные сделки с людьми, то есть купля – продажа, мена, залог и другие сделки, совершенные в целях эксплуатации человека или из иных корыстных побуждений.

Данная законодательная формулировка ст. 127-1 УК РФ включает

в себя все общественно-опасные деяния, связанные с противоправными действиями, совершенными в отношении людей.

При этом следует отметить, что санкция ст. 127-1 УК РФ предусматривает наказание – лишение свободы сроком на 5 лет, т. е. законодатель относит данное преступление к преступлениям средней тяжести.

По нашему мнению, данная мера наказания не соответствует характеру и степени общественной опасности данного вида преступлений и, как следствие этого, не обеспечивает надлежащей защиты свободы человека, его законных прав и интересов.

Часть 2 ст. 127-1 УК РФ сформулирована законодателем следующим образом: 2. То же деяние, совершенное:

- в отношении двух или более лиц;
- в отношении заведомо несовершеннолетнего;
- лицом с использованием своего служебного положения;
- с перемещением потерпевшего через Государственную границу РФ или с незаконным удержанием его за границей;
- с использованием поддельных документов, а равно с изъятием, сокрытием либо уничтожением документов, удостоверяющих личность потерпевшего;
- с применением насилия или с угрозой его применения;
- в целях изъятия у потерпевшего органов или тканей.

С нашей точки зрения, перечень указанных квалифицирующих признаков является неполным, а потому он также нуждается в дополнении и уточнении.

Так, в число квалифицирующих признаков (ч. 2 ст. 127 УК) следует также включить совершение данного преступления:

- путем обмана или злоупотребления доверием;
- в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;
- совершение деяния группой лиц по предварительному сговору;

В ч. 3 ст. 127-1 УК РФ предусмотреть особо квалифицированные признаки торговли людьми:

- совершение деяния организованной преступной группой, преступным сообществом;
- совершение деяния с использованием специально созданных для этого фирм;

Практика свидетельствует, что торговля людьми из России и стран СНГ является чрезвычайно привлекательным бизнесом для различных

криминальных группировок в силу низкого риска и высоких доходов.

По мнению ФБР, «эти российские организованные преступные группы – измайловская, дагестанская, казанская и солнцевская – действуют на всей территории Соединенных Штатов. По оценкам ООН, только на торговле людьми организованные преступные группы зарабатывают 3,5 миллиарда долларов ежегодно».⁴

Занятие подобным «бизнесом» не под силу одному-двум преступникам и это очевидно, а поэтому не может идти речи об эффективности борьбы с подобного рода преступлениями без включения в ст.127-1 таких квалифицирующих признаков, как торговля людьми группой лиц по предварительному сговору, организованной преступной группой, преступным сообществом.

Кроме того, на территории Российской Федерации создана сеть коммерческих организаций, занимающихся нелегальным вывозом людей за рубеж, в том числе и криминальных, которые включают в себя различных участников поставки живых людей (организаторов, вербовщиков, перевозчиков и т. д.). Женщины, обращающиеся в подобные фирмы по объявлениям, гарантирующим работу и безопасность, заведомо оказываются в положении обманутых жертв.

Имеют место случаи вывоза за рубеж женщин, находящихся в состоянии беременности, с целью сексуальной эксплуатации, трансплантации органов и тканей, а также купли-продажи родившегося ребенка.

Все вышеизложенное свидетельствует о существенных недостатках статьи 127-1 УК, которая нуждается в совершенствовании.

Включение указанных квалифицирующих признаков соответственно в ч. 2 и ч. 3 ст. 127-1 УК РФ будет наиболее полно отражать общественную опасность незаконных сделок с людьми и тем самым повысит эффективность борьбы с данным видом преступлений.

Несомненно, и мера наказания по ч. 2, ч. 3 ст. 127-1 УК РФ должна быть соответственно до 15 и до 20 лет лишения свободы.

По нашему мнению, внесение указанных изменений в ст. 127-1 УК РФ наиболее полно отразит общественную опасность данного преступления, и обеспечит надежную защиту свободы человека, его чести и достоинства, которые являются неотъемлемой частью прав и свобод человека и гражданина.

---

⁴ Торговля людьми: Социокриминологический анализ. С. 13.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

С. Ю. Крицкая*

ПРЕЮДИЦИЯ В РОССИЙСКОМ И РИМСКОМ ПРАВЕ

В судебной деятельности, направленной на осуществление правосудия путем судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций, реализуются процессуальные отношения между государственными органами, должностными лицами и гражданами, иными членами гражданского общества. Как справедливо заметил В. М. Сырых, они «не могут возникать стихийно, без закрепляющих их норм, поскольку ни один правоприменительный орган не возьмет на себя смелость осуществлять юридически значимые действия, не имея установленных компетентным органом предписаний о процедурах и порядке их осуществления. Кроме того, и это самое главное, принятое без установленной законом процедуры решение или проведенное действие не может иметь какой-либо юридической силы, останется не более чем частным и некомпетентным мнением государственного органа...¹... Могут быть найдены более действенные или менее действенные правоотношения, их можно сравнивать, сопоставлять по степени эффективности действия, но все они имеют право на существование постольку, поскольку более или менее удовлетворительно реализуют соответ-

* Кандидат филологических наук, доцент юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.

¹ Поскольку должностные лица, осуществляющие судопроизводство, непосредственно не наблюдали те факты, которые стали предметом судебного разбирательства, то при реконструкции в ходе судебного разбирательства истинной картины дела на решение этих должностных лиц могут влиять различные субъективные и объективные факторы: состояние политического режима государства, направление господствующей правовой идеологии, положения научной доктрины права, разделяемые как законодателями, так и судьями, юридическая грамотность населения, умение гражданами отстаивать в суде свои права, а также уровень профессионализма и степень личной добросовестности судьи и т. п.

твующую процедуру и обеспечивают достижение конкретной цели».² Так, например, государство предоставляет гражданам возможность судебной защиты нарушенных или оспариваемых гражданских прав, причем перечень способов защиты (ст.12 ГК РФ) в дополнение к перечисленным может быть расширен за счет «иных способов, предусмотренных законом».

Установления компетентным судом в предписанной законом форме достоверного знания о фактических обстоятельствах спорного правоотношения, адекватного реальности, реализуется в вынесении обоснованного решения – судебного акта, «где содержание правоприменительного решения выражено в виде документально оформленного, обязательного для конкретных адресатов индивидуально-определенного предписания»,⁴ и который является одной из форм проявления правовой жизни общества, «рабочим инструментом» правовой политики.⁵

Ресурсы судебной власти (понимается ли под этим терминологическим сочетанием система судебных органов или непосредственное осуществление судебными органами правосудия)⁶ не безграничны. Судебная деятельность включает в себя не только рассмотрение судами в установленном законом порядке конкретных уголовных и гражданских дел, инициируемых сторонами, разрешение этих дел путем вынесения приговоров и судебных решений, зафиксированных в судебных актах (собственно процессуальная сфера деятельности), но и соблюдение сроков рассмотрения дел в судах, ведение протоколов судебных заседаний и оформление надлежащим образом судебных актов, вызовов, требований, учет применения тех или иных санкций (делопроизводство) и т. д. и т. п. – словом, все действия по обеспечению нормального функционирования, вплоть до заботы об аппарате, помещениях, материально-технических средствах.⁷ Следовательно, для оптимального выполнения судами своих функций необходимо избегать

² Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Т. 3. Современное правопонимание. М., 2007. С. 308 – 310.

³ Здесь и дальше ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации, ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, АПК РФ – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

⁴ Санун В. А. Правоприменительная деятельность: особенности и структура // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3 (4). С. 189 – 190.

⁵ Шопина О. В. Понятие, признаки и системные связи правовых актов // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2 (6). С. 36.

⁶ Савельева Т. А. Судебная власть в гражданском процессе. Саратов, 1998. С. 3 – 72.

⁷ Попондопуло В. Ф., Слепченко Е. В. Об организации судебной системы в России // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 1 (7). С. 71.

повторного рассмотрения дел, по которым уже были приняты соответствующие решения, поскольку это усложняет осуществление правосудия и приводит к бесцельному расходованию ценных ресурсов судебной системы и наносит удар по авторитету судебной власти. Кроме того, «...лицам, участвующим в деле, и судам необходимо будет тратить неоправданно большое количество сил и средств на доказывание и установление одних и тех же фактов и правоотношений, что приведет к неоправданному росту судебных издержек и времени, затрачиваемого на рассмотрение дела. Во-вторых, возникает опасность конкуренции судебных актов в тех случаях, когда одни и те же доказательства, по разному оцененные судами, приведут к различным выводам и, как следствие, к вынесению противоречивых решений».⁸

В последнее время все большую актуальность⁹ приобретает конкретный порядок осуществления юридической деятельности (из разряда так называемых в юридической литературе микропроцедур¹⁰), относящийся к такому феномену права, как преюдиция, и реализующийся через процесс судопроизводства. Анализ преюдиции, нахождение этиологических корней данного явления, сравнение с преюдициальными отношениями в других правовых системах – все это поможет лучше теоретически понять и практически оценить основные тенденции развития мировой судебной практики. Недаром В. М. Сырых отметил: «Правоотношения, в форме которых осуществляется соответствующая процедура, могут отличаться от правоотношений, закрепленных законодательством других стран, ибо на них... может влиять не только содержание соответствующей процедуры, действия, но и другие факторы».¹¹ При этом в более ранней своей работе В. М. Сырых кон-

⁸ Безруков А. М. Преюдициальная связь судебных актов. М., 2007. С. IV.

⁹ Актуальность обусловлена принятием Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 годы. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 4 августа 2006 г. № 1082 –р. // СЗ РФ. 2006. № 33. В последнее время ведется жаркая полемика по поводу использования понятия «преюдиция» для решений Конституционного Суда, см.: Лазарев Л. В. Конституционный Суд России и развитие конституционного права // Журнал российского права. 1997. № 11. С. 4–5; Белкин А. А. Источники права и судебная практика в Российской Федерации // Ученые записки Института права Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. СПб., 2001. Вып. 8. С. 10–11.

¹⁰ Лазарева О. В. Правовая процедура. Саратов, 2004. С. 38. Не следует путать микропроцедуры права с мини-процессами (mini-trials) – неофициальной формой процедуры урегулирования споров, затрагивающих узко технические или комплексные вопросы общего права. Мини-процессы относятся к альтернативным формам внесудебного разбирательства с участием адвокатов или независимого консультанта, помогающих спорящим сторонам достигнуть мирового соглашения. (См.: Nolan-Haley J. Alternative Dispute Resolution in a Nutshell. West, 1992).

¹¹ Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Т. 3. Современное

статирует известное положение о том, что «выявленные в ходе сравнения сходные правовые явления и процессы чаще всего также являются качественно различными. Присущие им признак, свойство, взятые основанием сравнения и позволившие объединиться исследуемым объектам в один класс, одну эквивалентную группу, могут иметь разные формы своего проявления».¹²

Обратимся к истокам понятия «преюдиция» в российском праве. Для этого необходимо обратиться к римскому праву, поскольку «общечеловеческие проблемы требуют схожих ответов со стороны правовых систем, поэтому законодатели и судьи обращаются к разным юрисдикциям за помощью или за прямым заимствованием»,¹³ а римское право и для континентального и для общего права как раз и является той универсальной системой, которая постоянно подвергается рецепции.¹⁴

Работ, посвященных преюдиции в римском праве (а это исключительно труды зарубежных авторов) очень мало,¹⁵ хотя упоминания о преюдициальных отношениях в разных сферах юридической деятельности встречаются довольно часто, начиная с Т. Моммзена.¹⁶

Сохранилось документальное свидетельство о применении преюдиции в римском праве: это фрагмент таблицы, содержащий текст 2-х законов, принятых и для Рима, и для муниципиев Октавианом Августом

правопонимание. С. 310.

¹² Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Т. 1. Элементный состав. М., 2000. С. 415.

¹³ См. рецензию К. Ф. Загоруйко на работу: Орюкю Е. Право как транспозиция // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал. ИНИОН РАН. 2003. № 1. С. 23.

¹⁴ В последнее время термин рецепция все чаще заменяется на транспозиция, что оправдано для английского языка; *rescriptio* приобрело очень много значений в самой юриспруденции: усвоение римского права, прием, получение, слушание показаний, поступление в тюрьму, борстал по осуждению или приговору и т. п. (См.: Новый англо-русский юридический словарь. Киев, 1993. С. 207). Однако этого не скажешь о русской юридической терминологии, где термин рецепция прочно связан с римским правом и новых значений не приобрел (См.: Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. СПб., 2002).

¹⁵ *Pissard H.* Les questions préjudicielles en droit romain. P., 1907; *Millar R. W.* The Premises of the Judgment as RES JUDICATA in Continental and Anglo-American Law // Michigan Law Review. 1940. Vol. 39. N 1. P. 1 – 36; *Podgers J.* Prejudgement Interest Held Available in DC-10 Suits // American Bar Association Journal. 1980. Vol. 66. Issue 2. P. 137–139; *Gates Jr., Louis H.* Thirteen Ways of Looking at a Black Man: on the Decision to prejudge Simpson // New Yorker. 1995. Vol. 71. Issue 33. P. 33–41; *Crock S.* What a Supreme Court Justice Prejudges? // Business Week. 1996. Issue 3482. P. 34–36.

¹⁶ *Mommsen Th.* Römisches Strafrecht. Berlin, 1899. S. 367.

предположительно в 17 г. до н. э., и которые, по сути, заменяли кодекс процессуального уголовного (*lex Iulia iudiciorum publicorum*) и гражданского права (*lex Iulia iudiciorum privatorum*),¹⁷ так как детально регламентировали формулярное судопроизводство.¹⁸ В надписи сказано: SINE PRAEIVDIC... PVBLICO...AVT PRIVATORVM...¹⁹ quod haec recusat – «без преюдиции в публичном и частном праве нельзя вновь выносить решение». Самые ранние из сохранившихся свидетельств – это замечания о преюдиции, преюдициальных формулах в формулярном процессе, о преюдициальных исках в трудах Цицерона и Цезаря.²⁰ Затем встречаются единичные упоминания о преюдициальных связях в трудах Квинтилиана, Ливия, Плиния, Тацита, Сенеки, Фронтоня, Курция, Светония, Мацера, Апулея, Павла, Ульпиана,²¹ но полнее всего понятие преюдиции дано в «Институциях» Гая и в «Своде римского права».²²

Из этих свидетельств видно, что в разные периоды становления римского права под преюдицией понимали различные правовые явления: и правовую норму, определяющую влияние окончательного судебного решения на любую последующую судебную тяжбу по тому же предмету – *res iudicata* («дело решено»), и предварительное определение, решение, направленное на установление фактического отношения, от которого будет зависеть решение другого вопроса, и так же невыгоду, которая проистекает из предварительного решения побочного процесса, принятого в ущерб одной из сторон. Поэтому определение, данное Д. Франчози, что преюдиции – «иски об установлении, без присуждения, где судья, как правило, должен был установить *status* какого-либо лица»,²³ весьма однолинейно отражает сущность этого правового явления.

Во-первых, в двух упомянутых *leges Iuliae* Августа даются установки для создания формулы, или юридической формулировки происходящего в суде процесса, которая является основанием для производства во второй

¹⁷ Бартошек М. Римское право: Понятия, термины, определения. М., 1989. С. 191.

¹⁸ Несмотря на то, что закон Эбуция (ок. 130 г. до н. э.) декларировал введение формулярного процесса, однако еще долгое время продолжал действовать легисакционный процесс. См.: Гарсия Гарридо М. Х. Римское частное право: Казусы, иски, институты. М., 2005. С. 183.

¹⁹ Corpus Inscriptionum Latinarum. Berolini. T. 14. P. 4704.

²⁰ Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1968. P. 1453.

²¹ Berger A. Encyclopedic Dictionary of Roman Law. N.-Y., 1953. P. 347, 475, 486, 512–513, 644.

²² В словаре: Дыдынский Ф. Латинско-русский словарь к источникам римского права. М., 1997. С. 427–428 цитаты приведены только из *Institutiones Gaii* и *Corpus iuris civilis*.

²³ Франчози Д. Институционный курс римского права. М., 2004. С. 97.

стадии процесса – непосредственно в суде (*in iudicio*). С одной стороны, формула являлась юридическим актом сторон, учитывающим декларации сторон, претензии истца и исковое возражение ответчика, а с другой стороны, она представляла собой проект судебного решения, вернее, инструкцию магистрата, первоначально на первой стадии процесса – *in iure* («в магистратуре») принявшего дело к производству. Этой формулой должен был руководствоваться судья при вынесении решения по делу. Среди ординарных, или обыкновенных, частей формулы выделялась *intentio* («намерение, цель») – та часть, где выражалось право, на которое притязает истец, т. е. тот фактический спорный вопрос, который судья должен решить. Эта часть самая важная, так как без претензии истца не было бы иска, а остальные части могут отсутствовать в формуле, например, отсутствует часть формулы, называемая *condemnatio* («осуждение, присуждение»), по которой судья получает право осуждать или освобождать. И. А. Покровский замечает, что «есть случаи, когда истец добивается в настоящий момент только судебного признания своего права, не требуя никакой *condemnatio* ответчика; это признание ему необходимо, по общему правилу, для того, чтобы потом возбудить целый ряд исков и, может быть, против различных лиц».²⁴ Такого рода иски носят название преюдициальных – *actiones praeiudiciales*. «Иногда в формуле указывалась только претензия, особенно в преюдициальных исках, например, если возник вопрос о том, свободен ли данный раб или какова величина приданого, и многие другие вопросы» (Gaius. Inst. 4.44). В формуле следующая за *intentio* часть – *condemnatio* – заменяется другой, которая называется *pronuntiatio* («объявление, признание, оглашение»), в которой содержится предписание судье объявить о признании или непризнании права сторон, т. е. публично огласить в качестве приговора или судебного решения находящееся в формуле предварительное суждение магистрата в пользу или ущерб истцу или ответчику. Например: «*Si paret hominem Stichum ex iure Quiritium Auli Agerii esse iudex eum videri si non paret eum non videri pronuntia*» («Если выяснится, что Стих по праву квиритов является человеком (рабом) Авла Агерия, судья, объяви, то, что оказалось, если не выяснится, объяви то, чего не оказалось») (Gaius. Inst. 4.40)

Насколько данная преюдиция была важна, свидетельствует указание Ульпиана: «*Si qui praeiudicio pronuntietur esse libertus*» («Если в отношении кого-то (раба) будет принята преюдиция, то он объявляется свободным») (Ulp. Dig. 2.4.8.1). Одной из самых востребованных преюдиций была пре-

²⁴ Покровский И. А. История римского права. СПб., 1998. С. 145.

юдиция о признании отцовства – *praeiudicium de partu agnoscendo* (Ulp. Dig. 6. 1. 1. 2), которая принималась судьями наряду с преторскими интердиктами и авторитарными решениями магистратов.

Во-вторых, поскольку нередко негативное предварительное решение, невыгодное ответчику, может повредить ему, то он может в суде возражать против такого предварительного решения – преюдиции и добиваться того, чтобы спор о более важном вопросе предшествовал спору о менее важном вопросе, так как преюдициальное решение второстепенного вопроса могло бы оказать отрицательное влияние на принятие решения судьей в главном вопросе (ведь он так же, как и тяжущиеся стороны, уже был бы связан более ранним преюдициальным решением). Например, решение по уголовному процессу в делах, где приговором могла быть смертная казнь, предшествовало решению по процессу об имущественных спорах; решение по процессу о наследстве предшествовало решению по обязательствам. Право ноксальной выдачи (*ius noxae dandi*) предполагало возможность домовладыке (*paterfamilias*) самому возместить ущерб, причиненный подвластным ему лицом, или выдать подвластное лицо «головой» потерпевшей стороне. Процесс по ноксальному иску (*actio noxalis*) допускал преюдицию об установлении статуса свободы (например: «Если Тиций является рабом Авла Агерия») и статуса семьи подвластного лица (например: «Если Луций является сыном Авла Агерия»), так как в зависимости от определения статуса подвластного: сына, раба, вольноотпущенника – либертина по гражданскому праву или же либертина, освобожденного домовладыкой, скажем, на пиру (*manumissio per mensam*), т. е. без приобретения либертином прав гражданства, или же клиента, подвластного патрону, зависела по судебному решению и тяжесть личной ответственности виновного, причем рабы и либертины без гражданства подвергались более тяжкому наказанию, чем свободные граждане (Gaius. 1.41; IV. 75 ss).²⁵ Таким образом, и истцы, и ответчики пытались минимизировать ущерб, который принесла бы им нежелательная преюдиция. Отсюда в Кодексе Юстиниана сформулировано требование: *Res inter alios acta nemini praeiudicari debet* («Решение, принятое по делу двоих, никому не должно причинять вред» (Cod. 7. 56. 2). Адольф Бергер считает, что преюдициальные отношения могли «затемнить» процесс по принципиальным вопросам и поэтому в позднеримском праве термин преюдиция используется в значении «ущерб».²⁶ Ф. Дыдынский полагал, что из значения «невыго-

²⁵ Право ноксальной выдачи было отменено в Кодексе Юстиниана (Inst. IV. 8.7.)

²⁶ Berger A. Encyclopedic Dictionary of Roman Law... P. 644.

да, проистекающая из предварительного разрешения побочного процесса» следует понятие «*praeiudicialis multa* – денежный штраф, который постигает того, кто подает апелляционную жалобу на предварительное решение или определение (*interlocutio*)».²⁷

В-третьих, поскольку в римском праве неукоснительно соблюдалось процессуальное правило *non bis in idem*, или *bis de eadem re agere non licet*,²⁸ то это обстоятельство позволяло магистрату отклонять исковое заявление как истца, так и ответчика, поскольку относительно спорной вещи уже было судебное решение или поскольку дело было доведено до контестации (судебного разбирательства) иска. Иногда в процессе контестации судья выносил преюдицию о уже имевшейся юдиции – решению по делу, связанному с данной вещью, или отсылал к преюдициальному приговору по данному делу. А. Н. Брайан-Браун сделал вывод о том, что преюдицию можно рассматривать как «решение, которое следует взять за образец в последующих делах, или прецедент».²⁹

На наш взгляд, это довольно смелое предположение, поскольку в самом римском праве понятие судебного прецедента было не развито.

Кроме того, термин преюдиция в позднеримском юстиниановом праве приобрел еще значения «предубеждение» и «преимущество» (*Codex Iustiniani* 10. 31). Своеобразным отголоском этого «нового» понимания преюдиции может послужить выступление знаменитой американской певицы – сопрано Джесси Норман по поводу предубеждения (*the decision to pre-judge Simpson*) суда белых в виновности черного спортсмена О. Дж. Симпсона, обвинявшегося в убийстве своей жены.³⁰

Многоаспектность применения преюдиции в римском праве, многовариантность ее значений с очевидностью доказывают, какое значительное место занимала преюдиция в процессуальном праве римского государства.

В российском процессуальном праве преюдиция занимает намного более скромное место. Под преюдицией в отечественной юриспруденции чаще всего понимается комплекс обстоятельств (юридических фактов и правоотношений), которые не нуждаются в доказывании, поскольку они установлены вступившим в законную силу судебным актом по ранее рас-

---

²⁷ Дыдынский Ф. Латинско-русский словарь к источникам римского права... С. 428. Ср.: «*Si iam praeiudicio senatus damnatus esset Milo*» – «Если уже Милон присужден к выплате штрафа по возмещению ущерба по преюдиции сената» (*Quint. Inst.* 4. 2. 25).

²⁸ Дважды по одному и тому же делу не следует возбуждать процесс.

²⁹ *Oxford Latin Dictionary*... P. 1433.

³⁰ *Gates Jr., Louis H. Thirteen Ways of Looking at a Black Man*... P. 56.

смотренному делу.³¹

Урегулированный нормами процессуального права ход установления истины путем перехода от вероятных суждений к достоверным утверждениям, подтверждающим или опровергающим существование искомых фактов, представляет собой судебное или процессуальное доказывание. Однако есть две разновидности фактов, которые не нуждаются в доказывании, так как по решению суда они устанавливаются как истинные. Во-первых, это факты, признанные судом как общеизвестные или известные широкому кругу лиц (объективное условие), или всем членам суда (субъективное условие), а во-вторых, факты совершения действия или совершения действий конкретным лицом, которые установлены вступившим в законную силу приговором суда, решением суда общей юрисдикции или арбитражного суда, и которые носят название преюдициальные факты.³²

К проблемам правового регулирования оснований освобождения от доказывания как теоретического, так и практического характера, отечественная юриспруденция относится с пристальным вниманием. В отечественной юридической литературе во многих работах даются различные толкования процессуальных норм, в том числе и норм о преюдиции, однако специальных работ, непосредственно посвященных исследованию преюдиции, не так много.³³ Поэтому большой интерес вызывает монография А. М. Безрукова «Преюдициальная связь судебных актов», в которой дано комплексное исследование преюдиции как процессуального явления, установлены пределы и основания преюдиции, рассмотрена правовая природа и особенности преюдициального взаимодействия судебных актов, вынесенных в рамках гражданского и административного судопроизводства, специфика преюдициальной связи судебных актов в гражданском и уголовном судопроизводстве.³⁴

Действующее процессуальное законодательство создает нормативную базу для применения преюдиции в судебной практике. Однако в отличие от римского права, где преюдиции чаще всего применялись в процессах

³¹ См.: *Ярков В. В.* Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права. Свердловск, 1992.

³² См.: *Треушников М. К.* Судебные доказательства. М., 1997. С. 39 и далее.

³³ См.: *Семенов В. М.* Преюдициальное начало в советском гражданском процессе: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Свердловск, 1951; *Шутин Я. Л.* Предрешения (преюдиции) в советском гражданском процессе // Государство и право. 1956. № 5. С. 56–60; *Фетисов А. К.* Нормоконтроль и преюдиция // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. М., 2002. № 1. С. 323–328.

³⁴ *Безруков А. М.* Преюдициальная связь судебных актов. М., 2007.

по частному праву и реже – по публичному, в российской правовой системе преюдиция формально зафиксирована только в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (УПК РФ) в части первой, главе 11 «Доказывание», статье 90, которая так и называется «Преюдиция»: «Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки, если эти обстоятельства не вызывают сомнений у суда. При этом такой приговор не может предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле». Таким образом, преюдиция в уголовном процессе соответствует тем признанным обстоятельствам, которые установлены приговором, вступившим в законную силу. Опровержение или вторичное доказывание этих обстоятельств отвергаются, и судье, рассматривающему иное уголовное дело, достаточно сослаться на уже имеющийся законный судебный акт.

В гражданском судопроизводстве, несмотря на то, что термин «преюдиция» в тексте Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ) отсутствует, тем не менее в статье 61 «Основания для освобождения от доказывания» присутствует сам «дух преюдиции»: «Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу, обязательны для суда. Указанные обстоятельства не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица».

Из этих определений явствует, что с римским правом российскую преюдицию объединяет только одно: и в том, и в другом случае это – правовая норма, устанавливающая пределы влияния конечного судебного решения на любое последующее судебное дело по тому же предмету и кругу лиц, участвовавших в ранее проведенном процессе. Другие значения римской преюдиции оказались пока еще не востребованы российским правом. Однако намечающаяся интеграция правовой системы Российской Федерации в общемировое юридическое пространство потребует унификации процессуальных норм и транспозиции их в основном из континентальной правовой системы и системы общего права. Понятие преюдиции в этих системах является рецепцией римского права, а следовательно, у российского процессуального права еще будет возможность создать универсальную модель преюдиции, основанную на преюдиции в римском праве.

ИЗ ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА (К ЮБИЛЕЮ ТРЕХ РЕВОЛЮЦИЙ)

В. И. Короткевич*

СОСТАВ И СУДЬБА ЧЛЕНОВ ПОСЛЕДНЕГО ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

“Никогда в стихии революции, и особенно революции, созданной войной, не могут торжествовать люди умеренных, либеральных, гуманитарных принципов. В революционную эпоху побеждают люди крайних принципов, люди, склонные и способные к диктатуре”¹.

Н. А. Бердяев

В ночь на 26 октября 1917 г. в 2 ч. 10 мин в Зимнем дворце в Петрограде были арестованы 15 министров – Временное правительство последнего состава. В отечественной историографии долгие десятилетия Временное правительство называлось не иначе как «правительством империалистической буржуазии и помещиков». Настоящая работа представляет собой обзор состава последнего правительства дооктябрьской России.

Состав

Всего во всех составах Временного правительства участвовало 39 человек. Членами последнего были 18 из них. Пребывание большинства во власти было кратковременным – ровно месяц. Лишь двое (М. И Терещенко и А. Ф. Керенский) входили во все составы Временного правитель-

---

* Преподаватель Академической гимназии Санкт-Петербургского государственного университета.

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма // Герцен А. И., Короленко В. Г., Бердяев Н. А. Пророческие слова о русской революции. Воронеж, 1992. С. 185.

ства. Трое (А. М. Никитин, С. Н. Прокопович и А. В. Карташев) были членами 2-го и 3-го коалиционных правительств, а А. И. Коновалов занимал пост министра торговли и промышленности в первом и четвертом составах Временного правительства.

Распределение министерских портфелей по принципу партийности было следующим: 5 кадетов, 1 прогрессист, 3 меньшевика, 2 эсера, 1 радикал-демократ и 6 беспартийных (см. Табл. 1.)

Таблица 1. Состав 3-го коалиционного правительства –
(25 сентября – 25 октября)

Министерская должность	Ф.И.О	Партийная принадлежность
1. Министр-председатель	А. Ф. Керенский	Эсер
2. Министр торговли и промышленности, заместитель министра-председателя	А. И. Коновалов	Кадет (с июля)
3. Министр иностранных дел	М. И. Терещенко	Беспартийный
4. Военный министр (до 22 окт.)	А. И. Верховский	Беспартийный
5. Временный управляющий (22–25 окт.)	А. А. Маниковский	Беспартийный
6. Морской министр	Д. Н. Вердеревский	Беспартийный
7. Министр юстиции	П. Н. Малянтович	Меньшевик
8. Министр путей сообщения	А. И. Ливеровский	Беспартийный
9. Министр земледелия (с 3 октября)	С. Л. Маслов	Эсер
10. Министр финансов	М. В. Бернацкий	Радикал-демократ
11. Государственный контролер	С. А. Смирнов	Кадет
12. Министр просвещения	С. С. Салазкин	Кадет
13. Министр вероисповеданий	А. В. Карташев	Кадет
14. Министр труда	К. А. Гвоздев	Меньшевик
15. Министр продовольствия	С. Н. Прокопович	Беспартийный
16. Министр государственного призрения	Н. М. Кишкин	Кадет
17. Министр почт и телеграфов	А. М. Никитин ²	Меньшевик
18. Председатель Экономического совета (упразднен 13 октября) и Главного экономического комитета.	С. Н. Третьяков	Прогрессист

² А. М. Никитин совмещал также пост министра внутренних дел.

Многие из министров в разные годы в той или иной форме вступали в конфликт с самодержавной властью. С. С. Салазкин в 1884 г. за участие в народовольческих кружках был посажен в Петропавловскую крепость, а затем выслан в Касимов под надзор полиции. В 1889 г. П. Н. Малянтович, будучи студентом юридического факультета Московского университета, был привлечен к дознанию по делу о распространении революционного журнала «Самоуправление», а в следующем году оказался замешанным в деле «О преступном сообществе», возбужденном Смоленским жандармским управлением, и провел в тюрьме три месяца. Из университета в 1891 г. Павел Малянтович был отчислен и дослушивал курс юридического факультета уже в Дерптском университете.

П. П. Маслов в 1897 г. был исключен из Московского университета и выслан в Казань. С 1910 г. как член редакции эсеровской нелегальной газеты «Земля и Воля» отбывал 3-летнее заключение.

А. И. Верховский 28 марта 1905 г. за крамольные речи был разжалован из камер-пажей и отправлен в качестве вольноопределяющегося в действующую армию в Маньчжурию. Из-за участия в студенческих беспорядках не смог закончить Петровскую сельскохозяйственную академию С. Н. Прокопович. В декабре 1905 г. был арестован за хранение эсеровских листовок и находился в тюрьме до весны 1906 г. А. Ф. Керенский. Позднее, как инициатор резолюции протеста коллегии адвокатов Петербурга против сфабрикованного дела Бейлиса, он был приговорен к 8 месяцам тюрьмы.

Неоднократно (впервые в 1902) арестовывался за революционную деятельность и ссылался рабочий Тихорецких железнодорожных мастерских Гвоздев. Осенью 1915 г. в период продовольственного кризиса он участвовал в создании Выборгского рабочего кооператива. В ночь на 28 января 1917 г. был арестован вместе со всей группой, освобожден восставшим народом 27 февраля. С. С. Салазкин в 1911 г. за лояльное отношение к студенческому движению был отрешен от должности директора и профессора Женского медицинского института в Петербурге и до 1917 г. жил в провинции.

В кадрах фильма «Ленин в Октябре», снятого М. Роммом в 1937 г., арестованные министры – все как один пожилые министры-капиталисты. Однако это не так. 3-е коалиционное правительство было одним из самых молодых в истории дооктябрьской России. Средний возраст министров составлял 41 год. Самым старшим (55 лет) был С. С. Салазкин, а самыми молодыми – А. И. Верховский (30 лет) и М. И. Терещенко (31 год).

Следует отметить, что почти все министры принадлежали к элите дореволюционной России. В правительстве преобладали достаточно известные в стране общественные и политические деятели, крупные представители бизнеса и интеллигенции. Все, за исключением К. А. Гвоздева, имели высшее образование. Четверо имели два высших образования: С. С. Салазкин закончил физико-математический факультет Петербургского университета и медицинский факультет Университета святого Владимира (Киев), С. С. Смирнов – выпускник Московской Практической академии коммерческих наук и историко-филологического факультета Московского университета, М. И. Терещенко окончил Киевский и Лейпцигский (Германия) университеты, а министр путей сообщения А. И. Ливеровский – физико-математический факультет Петербургского университета и Институт инженеров путей сообщения. Среди членов правительства был один профессор (С. С. Салазкин), два приват-доцента (М. В. Бернацкий, А. В. Карташев). С. С. Салазкин имел степень доктора медицины.

Трое членов правительства (А. И. Коновалов, М. И. Терещенко и А. Ф. Керенский) прошли школу российского парламентаризма. Все они были депутатами 4-й Государственной думы (1912–1917).

А. Ф. Керенский, М. И. Терещенко, А. А. Маниковский, А. И. Коновалов, С. Н. Прокопович были членами масонской ложи.

Глава Временного правительства Керенский Александр Федорович (1881–1970) – известный в стране адвокат и думский деятель. В 1899–1900 учился на историко-филологическом, в 1900–1904 на юридическом факультете Петербургского университета. С 1904 г. – член Петербургской коллегии адвокатов, присяжный поверенный. Свою профессиональную карьеру помощник присяжного поверенного Керенский начал как раз в канун первой российской революции. В 1905 г. принимал участие в работе Комитета по оказанию помощи жертвам Кровавого воскресенья; работал юрисконсультлом среди рабочих. Сотрудничал в бюллетене «Буревестник», с декабря 1905 г. преобразованном в печатный орган эсеров. 21 декабря арестован по подозрению в принадлежности к боевым дружинам эсеров. В апреле 1906 г. Керенский был освобожден; в октябре участвовал в политическом процессе в Ревеле по делу крестьян, разграбивших поместье местного барона. После успешно завершившегося процесса приобрел широкую известность, вступил в Петербургское объединение политических адвокатов, был защитником во многих политических процессах. Самым известным из них был процесс партии «Дашнакцутюн» и дело туркестанской организации со-

циалистов-революционеров. В 1912 г., когда по стране прогремело известие о Ленском расстреле, Керенский сам поехал на ленские прииски, где провел самостоятельное расследование. Итогом его стала брошюра «Правда о Лене», немедленно после выхода конфискованная полицией. Выступления на политических процессах создали Керенскому известность и способствовали его избранию в IV Государственную думу в 1912 г. Но пик его карьеры приходится все-таки на 1917 год. Керенский – один из активных деятелей Февральской революции. Крушение монархии ввергло большинство думских деятелей в растерянность, в то время как Керенский (обладавший некоторыми связями в революционных кругах) воспринял произошедшее как уникальную возможность заявить о себе. Позднее монархист В. В. Шульгин вспоминал об этом: «Он рос ... рос на начавшемся революционном болоте, по которому он привык бегать и прыгать, в то время как мы не умели даже ходить».³

27 февраля Керенский вошел в сформированный Советом старейшин Временный Комитет Государственной Думы, в Военную комиссию Думы, созданную для руководства операциями против полиции, неоднократно выступал перед восставшими солдатами, вечером избран товарищем председателя исполкома Петроградского Совета рабочих депутатов. 2 марта вошел как министр юстиции во Временное правительство. 3 марта на совещании членов Временного правительства и Временного Комитета Государственной Думы с великим князем Михаилом Александровичем Керенский настаивал на отречении последнего от престола. Опираясь на связанных с ним масонскими узами А. И. Коновалова, Н. В. Некрасова и М. И. Терещенко, Керенский занял доминирующее место во Временном правительстве. Во втором составе Временного правительства он военный министр, с июля министр-председатель, а с августа еще и верховный главнокомандующий. Керенский не был ни специалистом-профессионалом, ни администратором. Он был прежде всего политиком.

Пожалуй самым профессиональным по составу был экономический блок правительства.

Министр продовольствия Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955) был не только политическим деятелем, но и видным ученым-экономистом. Выпускник Брюссельского университета (1899). После возвращения в Россию специализировался на статистике, политической экономии, промышленном производстве России и пр. Сотрудничал в ряде организа-

³ Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 443.

ций: Русском техническом обществе, Вольном экономическом обществе, Обществе им. А. Чупрова, кооперативных учреждениях. Преподавал в кружках, воскресных школах, а с 1908 г. в известном Народном университете А. Шанявского. В 1906 г. совместно со своей женой Е. Д. Кусковой и В. Я. Богучарским издавал в Петербурге журнал «Без заглавия». Доктор философии Бернского университета (1913). Служил в Московском областном Военно-Промышленном комитете (1914–17). После Февральской революции 1917 г. на Всероссийском кооперативном съезде 27 марта избран в Совет всероссийских кооперативных съездов. С 25 мая председатель Главного экономического комитета и заместитель председателя Экономического совета Временного правительства (по 25 сентября). Член Особого совещания Временного правительства по подготовке проекта Положения о выборах в Учредительное Собрание. С 24 июля министр торговли и промышленности Временного правительства 3-го состава, а с 25 сентября министр продовольствия в последнем Временном правительстве.

Министр торговли и промышленности Коновалов Александр Иванович (1874–1948) – крупный текстильный фабрикант и политический деятель, депутат IV Государственной думы, один из организаторов «Прогрессивной партии» (1912) и «Прогрессивного блока» (1915). Одаренный музыкант, пианист. С 1897 г. председатель правления Товарищества мануфактур «Иван Коновалов с сыном». Применяв новейшие технологии и организации труда, вывел фирму в число ведущих в отрасли. Проводил политику патернализма в отношении рабочих, стремился улучшить их положение. С 1900 ввел на фабриках 9-часовой рабочий день; за счет прибылей фирмы к 1912 были построены две школы, бесплатная библиотека-читальня, клуб, две больницы и родильный приют с бесплатным лечением, ясли, казармы-общежития для холостых, поселок для семейных рабочих. Председатель Костромского комитета торговли и мануфактур (1905–08), председатель совета Российского взаимного страхового союза (1908–11), один из учредителей и член совета Московского банка Рябушинских (1912), а также Русского акционерного льнопромышленного общества (1912). В ноябре 1905 г. один из организаторов Торгово-промышленной партии. Входил в группу так называемых молодых капиталистов во главе с П. П. Рябушинским (участвовал в проводимых Рябушинским в 1908–12 гг. «экономических беседах» с либеральными профессорами). По инициативе А. И. Коновалова в феврале 1911 г. в газете «Русские Ведомости» был опубликован протест 66 московских промышленников и торговцев против репрессий в отношении студен-

чества. В 1912 г. Коновалов – член ЦК партии прогрессистов. Депутат 4-й Государственной Думы; до апреля 1914 г. товарищ председателя Думы. С 1912 г. член масонской ложи «Великий Восток народов России». В июне 1913 г. внес в Думу законопроект по рабочему вопросу: охрана труда женщин и малолетних, строительство жилищ для рабочих, страхование по инвалидности, старости и др. Весной 1914 г. вместе с Рябушинским пытался организовать блок оппозиционных партий для внедумского давления на правительство И. Л. Горемыкина. С конца июля 1915 г. товарищ председателя Центрального Военно-Промышленного комитета, в июне – июле 1915 г. – товарищ председателя Московского Военно-Промышленного комитета; в июле – августе один из организаторов думского Прогрессивного блока, поддерживал лозунг образования «ответственного министерства» («кабинета национальной обороны»). В дни Февральской революции 1917 г. член Временного Комитета Государственной Думы; 3 марта участвовал в переговорах с великим князем Михаилом Александровичем, на которых последний отказался от престола. Министр торговли и промышленности (2 марта – 18 мая) первого состава Временного правительства. Выступал против стихийного введения 8-часового рабочего дня. Один из организаторов Всероссийского союза торговли и промышленности. Из-за разногласий с министром земледелия А. И. Шингаревым и министром труда М. И. Скобелевым по вопросам о формах и пределах государственного регулирования экономики, а также вмешательства в дела предпринимателей со стороны Советов и фабзавкомов вышел из Временного правительства. Участвовал в работе 1-го Всероссийского съезда Советов (3–24 июня). С июля кадет, вошел в ЦК партии; выступал за сепаратный мир, в сентябре на совещании представителей кадетской партии сформулировал дилемму: «Разумный мир или неминуемое торжество Ленина».⁴ 25 сентября 1917 вошел в 3-е коалиционное Временное правительство. По воспоминаниям В. Д. Набокова, Коновалов «как министр торговли и промышленности яснее видел экономическую разруху и не надеялся на благоприятный исход событий».⁵ Был избран членом Учредительного Собрания. Утром 25 октября, перед отъездом из Петрограда, А. Ф. Керенский поручил Коновалову организацию вооруженного сопротивления большевикам в столице.

Председатель Экономического совета и Главного экономического комитета Третьяков Сергей Николаевич (1882–1944) – влиятельнейший

⁴ Нольде Б. Э. Набоков в 1917 // Архив русской революции. 1991. Т. 7. С. 11.

⁵ Там же. С. 52 – 53.

предприниматель в льняной отрасли, владелец ведущих текстильных предприятий, основатель и первый председатель Всероссийского объединения льняных фабрикантов. Избирался председателем Московского биржевого комитета, входил в так называемую Группу молодых российских капиталистов во главе с Павлом Рябушинским, в ЦК созданной в 1912 году партии прогрессистов. С 1915 г. товарищ председателя Московского Военно-Промышленного комитета и член Центрального Военно-Промышленного комитета, с 1916 г. товарищ председателя Московского биржевого комитета (фактически руководил его работой). Политическая карьера Сергея Третьякова начала стремительно развиваться в 1917 году: в феврале его избрали товарищем председателя Всероссийского союза торговли и промышленности, в июне – по списку кадетской партии – гласным Московской городской Думы. С марта 1917 он товарищ председателя Всероссийского союза торговли и промышленности, лидер районной организации этого союза – Московского Торгово-Промышленного комитета (объединял предприятия Центрально-Промышленного района). Примыкал к кадетам (в июне по списку кадетской партии избран гласным московской Городской думы). В мае князь Г. Е. Львов предложил Третьякову пост министра торговли и промышленности во Временном правительстве. Переговоры были прерваны после опубликования 12 июня закона об усилении налогообложения промышленности, против которого выступал Третьяков. В середине июля А. Ф. Керенский предложил Третьякову тот же пост в новом кабинете. Переговоры были прерваны, так как Керенский отказался удовлетворить требование Третьякова об удалении из правительства эсера В. М. Чернова. В августе Третьяков участвовал в совещании общественных деятелей в Москве. 25 сентября, по решению совещания, вошел в 3-е коалиционное правительство в качестве председателя Экономического совета (упразднен 13 октября) и Главного экономического комитета. Кроме того, по личному поручению премьера Третьяков поддерживал контакты с французской военной миссией.

Министр земледелия Маслов Семен Леонтьевич (1873–1938) – ученый-экономист и публицист, автор работ по аграрному вопросу. Эсер с 1902 г. В 1906 редактировал казанскую «Крестьянскую Газету», в 1907 – 10-й член редакции эсеровской нелегальной газеты «Земля и Воля». С 1914, после отбытия трехлетнего заключения, работал в Москве в сельскохозяйственной кооперации. 27 марта, после Февральской революции, Всероссийским кооперативным съездом был избран членом Совета Всероссийских кооперативных съездов. 18 мая на съезде Всероссийского Совета крестьянских

депутатов избран членом Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов. С апреля заместитель председателя Главного земельного комитета. Автор одного из первых проектов закона о земле. В 3-ем коалиционном правительстве продолжал курс своего предшественника – В. М. Чернова.

Государственный контролер Смирнов Сергей Алексеевич (1883–?) крупный текстильный фабрикант. Один из совладельцев Товарищества Ликинской мануфактуры А. В. Смирнова, директор правления. Член советов Московского Торгового и Московского банков, Общества хлопчатобумажных фабрикантов Орехово-Зуевского и Богородско-Глуховского районов. Входил в группу «молодых» капиталистов во главе с П. П. Рябушинским, член редакционного комитета газеты «Утро России». В сентябре 1914 г. вошел в центральный комитет Всероссийского Союза городов. С июня 1915 г. заместитель председателя Московского Военно-Промышленного комитета, с начала 1916 г. (в связи с болезнью Рябушинского) фактический руководитель комитета. Редактор периодического органа «Бюллетени» Московского Военно-Промышленного комитета. После Февральской революции 1917 г. один из организаторов учрежденного в марте Всероссийского союза торговли и промышленности, председатель его Политического отдела; издавал журнал «Народоправство», редактор издававшегося при поддержке союза журнала «Производительные Силы России». Возглавлял редакционное бюро Московской просветительной комиссии при Временном Комитете Государственной Думы. На 2-м Всероссийском Торгово-Промышленном съезде (3–5 августа) избран членом его президиума.

Министр путей сообщения Ливеровский Александр Васильевич (1867–1951) инженер-путеец. Участвовал в строительстве Тимирязево-Нижегородской, Сибирской и Уральской железных дорог. С сентября 1915 г. помощник начальника, затем начальник Управления по сооружению железнодорожных путей Министерства путей сообщения. Осуществлял общее руководство строительством ряда стратегических железных дорог, в том числе построенной за один год (1916) Мурманской железной дороги. После Февральской революции 1917 с 7 марта товарищ министра путей сообщения. В марте стал председателем Временного Центрального совета Союза инженеров и техников. В августе 1917 в дни корниловского выступления после отказа министра путей сообщения П. П. Юренева передать обращение Временного правительства к железнодорожникам Ливеровский способствовал его передаче в Ставку. На основе полученной там его телеграммы с текстом обращения Временного правительства были прекращены перевозки корни-

ловских войск в направлении Петрограда. С 31 августа управляющий Министерством путей сообщения. С 25 сентября – министр.

Министр финансов Бернацкий Михаил Владимирович – ученый и политический деятель. Получил блестящее образование. По окончании Киевского университета слушал в Берлине лекции популярного профессора политической экономии и финансов Адольфа Вагнера⁶ и с тех пор навсегда остался под влиянием «кафедрального социализма», проповедовавшего ведение социальных реформ. По возвращении из Германии был назначен приват-доцентом. Сотрудничал в легальных марксистских изданиях: журналах «Образование», «Современный Мир» и др. С 1904 г. преподавал политическую экономию в Тенишевском училище, а позднее в Политехническом и Технологическом институтах в Петербурге. Его лекции по теории денежного обращения привлекали многочисленную аудиторию. В 1911 г. защитил магистерскую диссертацию на тему: «Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения князя Бисмарка». В 1914 г. М. В. Бернацкий получил чин статского советника, а также стал доцентом Технологического и Политехнического институтов. Февральская революция прервала научную деятельность Бернацкого. Он получил назначение на пост управляющего Отдела Труда при Министерстве торговли и промышленности. В июне 1917 г. он стал одним из организаторов радикально-демократической партии. Разработал программу деятельности министерства финансов. В конце июля 1917 г. стал товарищем министра финансов, а с 25 сентября 1917 г. – глава министерства финансов. 12 октября вошел во Временное правительство с представлением о полном запрещении вывоза русских ценностей за границу. В октябре фактически приостановил действие налоговых законов.

Одной из самых ярких фигур в правительстве был последний министр юстиции Малянтович Павел Николаевич (1869–1940). К тому времени, когда он стал министром, в его активе уже была яркая карьера и высокая репутация адвоката. Диплом юриста он получил в Дерптском университете. В 1893 г., когда он вернулся в Москву, вступил в московскую адвокатуру помощником присяжного поверенного. Как адвокат, Малянтович составил

---

⁶ Вагнер Адольф (1835–1917) – немецкий экономист и политический деятель. С 23 лет профессор политической экономии и финансов. Занимал кафедры в университетах Фрейбурга, Берлина и др. городов. Выступал с требованием усиления государственной хозяйственной активности. Один из основателей «Союза социальной политики» (1872), созданного для разработки законодательных мер по улучшению положения рабочих. Эти меры Вагнер называл государственным социализмом.

себе громкое имя главным образом на политических процессах. В 1899 г. он выступил защитником на крупном процессе в Москве по делу о «сопротивлении властям» рабочих ткацкой фабрики Викулы Морозова. Вместе с Малянтовичем на Московском процессе выступали в качестве защитников Н. К. Муравьев, В. А. Маклаков, Н. В. Тесленко и М. Ф. Ходасевич. Именно эта пятерка положила начало организации т. н. «молодой адвокатуры», создав в 1895–1896 гг. первый в России кружок политических защитников. До 1905 г. Малянтович вместе с другими кружковцами объездил пол-России, участвуя в коллективных защитах на политических процессах по делам о революционных демонстрациях в Сормове и Нижнем Новгороде (1902), о рабочих беспорядках и сопротивлении властям на фабрике Хлудовых в Рязанской губернии и в станице Тихорецкой на Кубани (1903), был в числе защитников по делу Н. Э. Баумана, Е. Д. Стасовой и других членов РСДРП (1904–1905).

В последующие годы, уже после того, как участники первого кружка политических защитников «разбрелись по партиям», Малянтович, оставаясь беспартийным, продолжал выступать защитником на политических процессах. Среди них были дела Петербургского совета рабочих депутатов и восставших моряков крейсера «Память Азова» (1906), Московского комитета РСДРП (1909), а в числе подзащитных Малянтовича – такие известные революционеры, как Л. Д. Троцкий, В. В. Воровский, Н. А. Рожков.

До осени 1917 г. Малянтович не вступал ни в какие партии, хотя сочувствовал и содействовал всякой оппозиции против самодержавия. В 1905 г. его квартира в Москве служила явкой для Московского комитета РСДРП. Сам Малянтович участвовал вместе с Л. Б. Красиным и А. М. Горьким в литературно-финансовой секции этого комитета. Адвоката-большевика В. А. Восходова он познакомил с корифеем русской оперы Л. В. Собиновым, от которого Восходов получил «дар в 1000 руб. для партии». Именно Малянтович выиграл по суду у наследников фабриканта С. Т. Морозова 100 тыс. рублей, которые фабрикант завещал М. Ф. Андреевой для партии большевиков. Не случайно такие разные люди, как большевик Ф. Ф. Раскольников и меньшевик О. А. Ерманский считали Малянтовича до 1917 большевиком. В действительности же он всегда оставался беспартийным, и только принимая должность министра юстиции, вступил в партию меньшевиков. Как министр юстиции и одновременно Верховный прокурор России, Малянтович в октябре 1917 г. подписал приказ об аресте В. И. Ленина в качестве обвиняемого по делу о вооруженном

выступлении 3–5 июля в Петрограде. Этот факт биографии Малянтовичу припомнят много лет спустя уже советские юристы.

Военный блок правительства возглавили кадровые военные (и при этом беспартийные), что было вполне оправдано в условиях продолжавшейся войны. Напомним, что в предыдущих составах Временного правительства на высших военных постах сменяли друг друга сугубо штатские деятели (октябрист А. И. Гучков, эсер А. Ф. Керенский). Управляющим военным министерством в третьем составе (второе коалиционное) Временного правительства был также штатский и партийный деятель – эсер Б. В. Савинков.

Морской министр контр-адмирал Вердеревский Дмитрий Николаевич (1873–1946) образование получил в Морском кадетском корпусе (1893) и в артиллерийских офицерских классах (1901). Служил на Балтийском море и на Тихом океане. Участник русско-японской войны 1904–1905 гг., в 1905 командир миноносца № 255. В 1906–1909 выступал в «Морском сборнике» с требованием изоляции флота от политической жизни страны. В январе 1914 г. был назначен командиром крейсера 1-го ранга «Адмирал Макаров», с которым вступил в войну в составе Балтийского флота. С 10 ноября 1916 командующий дивизией подводных лодок Балтийского моря. После Февральской революции с апреля 1917 г. начальник штаба Балтийского флота, а с мая – начальник 1-й бригады линейных кораблей Балтийского флота. 1 июня назначен командующим Балтийским флотом.

4 июля во время беспорядков в столице получил от помощника морского министра Б. П. Дудорова телеграмму с требованием направить в Петроград 4 эскадренных миноносца для демонстрации силы Временного правительства, а, если потребуется, и для принятия мер против кронштадтских моряков, участвовавших в столичных вооруженных демонстрациях. Вердеревский в тот же день отправил ответ с отказом исполнить приказание, а «если настаиваете, укажите, кому сдать флот».⁷ 5 июля он был арестован и отдан под суд за невыполнение приказов Временного правительства. В дни корниловского мятежа Временное правительство признало, что поведение Вердеревского во время июльских событий было вполне оправдываемо обстоятельствами дела. 30 августа Вердеревский был назначен морским министром. С 1 по 24 сентября входил в Директорию. 9 сентября вместе с военным министром А. И. Верховским и верховным главнокомандующим А. Ф. Керенским подписал обращение к армии и флоту: «Временное

⁷ Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис: Сб. документов М., 1959. С. 26.

правительство обращает внимание армии и флота на то, что недостаточно спаянные сверху донизу в единое целое во имя защиты Родины армия и флот могут оказаться не в силах противостоять новой попытке какого-либо честолюбца, могущего в подходящий момент вновь посягнуть на свободу русского народа».⁸

С 25 сентября морской министр 3-го коалиционного правительства. В октябре вступил в конфликт с Центральной Радой.⁹ После того как с части кораблей Черноморского флота было списано до половины состава матросов-неукраинцев, а на трех кораблях был поднят украинский флаг, Вердеревский 16 октября отправил Центральной Раде телеграмму: «Подъем на судах Черноморского флота иного флага, кроме русского, есть недопустимый акт сепаратизма, т. к. Черноморский флот есть флот Российской Республики, содержащийся на средства Государственного казначейства. Считаю Вашей нравственной обязанностью разъяснить это увлекающимся командам Черноморского флота».¹⁰ В тот же день на заседании Временного Совета Российской Республики призвал в противовес большевикам и националистам вести все нарастающую «пропаганду патриотизма», выступил против перехода власти к Советам.¹¹ В знак солидарности с военным министром А. И. Верховским, считавшим необходимым скорейший выход России из войны, 24 октября написал заявление об отставке, но в связи с начавшимся большевистским восстанием в столице счел своим долгом не подавать его. 26 октября арестован в Зимнем дворце вместе с другими министрами Временного правительства.

Генерал-майор Верховский Александр Иванович (1886–1938) до занятия поста военного министра был командующим войсками Московского военного округа. Участник русско-японской и Первой мировой войн. Самый молодой член правительства. Воспитывался в Пажеском корпусе. Во время январских событий 1905 г. в Петербурге имел неосторожность заявить, что считает для себя позором употреблять оружие против безоружной толпы и 15 марта по решению Дисциплинарного Комитета Пажеского корпуса был лишен камер-пажеского звания и переведен на службу в Маньчжурию в 35-ю

---

⁸ Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис: Сб. документов. М., 1961. С. 223.

⁹ Центральная Рада – орган государственной власти на Украине, созданный в марте 1917 г. в Киеве. После октября 1917 г. Центральная Рада провозгласила образование «Украинской народной республики».

¹⁰ Хесин С. С. Октябрьская революция и флот. М., 1971. С. 423.

¹¹ Русское Слово. 1917. 17 октября.

артиллерийскую бригаду вольноопределяющимся в звании унтер-офицера. В ночь с 28 на 29 июля отличился во время разведки, вместе с сослуживцами захватив в плен группу японских штабных работников и был награжден солдатским Георгиевским крестом. 1 августа за мужество и храбрость его произвели в подпоручики, а 18 декабря наградили орденом Святого Станислава III степени. В 1905–1908 служил в Гельсингфорсе. В 1911 г. окончил Академию Генерального штаба. С начала Первой мировой войны на фронте в Восточной Пруссии. С апреля 1915 г. Александр Иванович продолжал свой боевой путь на Юго-Западном фронте начальником оперативной части штаба 22-го корпуса. В сентябре – декабре 1916 г. в Румынии, помощник по оперативной части российского представителя при Румынской главной квартире. В начале 1917 г. назначен начальником штаба Черноморской дивизии, предназначенной для десанта на турецкое побережье. Февральскую революцию и падение монархии Верховский принял, ибо возлагал вину за военные поражения и развал экономики России прежде всего на самодержавие. В июне 1917 г. А. И. Верховский был произведен в полковники и назначен командующим Московским военным округом. Проявил себя как сторонник наведения порядка в армии с помощью репрессивных мер. В июле под руководством Верховского силой оружия были подавлены солдатские выступления в гарнизонах Нижнего Новгорода, Твери, Владимира, Липецка, Ельца и других городов. В дни работы московского Государственного совещания (12–15 августа) предостерег генерала Л. Г. Корнилова от возможного выступления его сторонников. А когда мятеж начался, подписал приказ по Московскому военному округу, в котором действия Корнилова назвал выступлением для борьбы с правительством и народом; на всей территории округа объявлялось военное положение, а прокорниловски настроенные офицеры отстранялись от командования (29 августа). 30 августа Верховский телеграфировал атаману А. М. Каледину, что появление казачьих войск в пределах Московского военного округа будет рассматриваться как «восстание против Временного правительства» и последует приказ «о полном уничтожении всех идущих на вооруженное восстание».¹² После подавления корниловского мятежа Керенский предложил А. И. Верховскому пост военного министра. 30 августа 1917 г. Верховский – уже в чине генерал-майора – занял этот пост. А 1 сентября вошел в состав Директории. С 25 сентября военный министр в новом составе правительства. 20 октября на совместном заседании комиссий Предпарламента по обороне и иностранным делам Верховский был избран военным министром.

¹² Грунт А. М. 1917: Революция и контрреволюция, М., 1976. С. 208.

ранним делам Верховский, проанализировав состояние армии, заявил, что Россия воевать не может. Единственный выход он видел в том, чтобы немедленно возбудить вопрос о заключении мира. Оппоненты говорили, что мир с аннексиями в пользу Германии не может считаться спасением страны. Верховский ответил: «Надо решать, что нам по карману и что нет. Если нет средств для лучшего мира, надо заключать тот, какой сейчас возможен. В противном случае положение только ухудшится».¹³ Заседание было секретным, но уже 21 октября искаженная информация о нем появилась в газете В. Л. Бурцева «Общее дело». Это ускорило отставку Верховского, хотя официально было объявлено, что ему представляется двухнедельный отпуск по состоянию здоровья. 22 октября 1917 г. он вышел в отставку и выехал на остров Валаам.

Управляющий военным министерством после отставки Верховского Маниковский Алексей Алексеевич (1865–1920) – генерал от артиллерии. Комендант кронштадтской крепости, главный руководитель оборонных работ в Кронштадте. С лета 1915 г. начальник Главного артиллерийского управления. Содействовал развитию русской артиллерии во время войны. Активный масон, член масонской Военной ложи.

Министр почт и телеграфов и одновременно министр внутренних дел Никитин Алексей Максимович (1876–?) происходил из купеческой семьи. Окончил Московский университет, юрист. Член РСДРП с 1899, с 1903 г. меньшевик. Во время Февральской революции 1917 председатель московского ВРК, с 1 марта председатель Московского Совета рабочих депутатов, с 5 марта начальник милиции Москвы, а с 25 июня – заместитель председателя московской Городской управы. В начале июля осуществлял конфискацию оружия у рабочих, требовал разоружения Красной Гвардии. С 24 июля министр почт и телеграфов Временного правительства, с 1 сентября член Директории, с 25 сентября одновременно министр внутренних дел. 27 сентября на заседании Временного правительства выступил с докладом об анархии в стране. По докладу Никитина правительство признало необходимым не останавливаться перед самыми решительными мерами для подавления беспорядков. 28 сентября общее собрание почтово-телеграфных служащих выразило Никитину как министру недоверие, а 2 октября ЦК РСДРП(о) принял постановление, что Никитин более не является официальным представителем партии в правительстве как не поддерживающий контакты с партией. 15 октября Предпарламент принял подготовленный

¹³ *Старцев В. И.* Крах керенщины, Л., 1982. С. 214.

Никитиным проект закона о создании Комитетов общественной безопасности. 17 октября на заседании правительства заверял, что планируемое выступление большевиков будет ликвидировано в самом начале. 20 октября выступил с заявлением о необходимости воевать до того момента, пока Россия не вернет захваченных неприятелем территорий. 24 октября призвал Предпарламент санкционировать применение вооруженной силы и репрессий для борьбы со всеми проявлениями анархии в стране.

Министр труда Гвоздев Кузьма Антонович (1882–?) был родом из крестьян. С 1899 г. работал в Тихорецких железнодорожных мастерских. За революционную деятельность неоднократно арестовывался (впервые в 1902) и ссылался. В 1903–1907 примыкал к эсерам. С 1909 работал на заводах Петербурга, принимал участие в создании Союза металлистов, был его председателем. С 1914 меньшевик-«оборонец». В 1915 г. вошел в состав рабочей группы Военно-Промышленного комитета в качестве ее председателя, один из инициаторов и проводников политики гражданского мира между рабочими и буржуазией (движение оборончески настроенных рабочих получило название «гвоздещина»). Участвовал в создании Выборгского рабочего кооператива в период продовольственного кризиса осенью 1915. 27 февраля избран во временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов, который созвал Петроградский Совет. С 13 апреля член бюро исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. С 5 мая товарищ министра труда. Участвовал в разработке предложенных Министерством труда законопроектов: о примирительных камерах, третейских судах, о государственном контроле над промышленностью, о бирже труда, об урегулировании безработицы и помощи безработным, о введении 8-часового рабочего дня, о договорах о найме, пересмотре законов о женском и детском труде. Предотвратил конфликт между Центральным Советом старост служащих петербургских промышленных предприятий и Обществом фабрикантов и заводчиков, грозивший забастовкой около 120 промышленных предприятий. Благодаря посредничеству Гвоздева 27–30 июня была прекращена забастовка рабочих Сормовского завода. В июле он помог прекратить конфликт на Путиловском заводе. Принципиальный сторонник разрешения трудовых конфликтов при помощи организации третейских судов, примирительных камер и тому подобных форм. В сентябре возглавлял комиссию правительства по рассмотрению экономических требований Союза железнодорожников. 19 сентября на заседании Временного правительства настаивал на ассигновании 1 млрд. рублей железнодорож-

ным рабочим. 25 сентября назначен министром труда. 24 октября на заседании Предпарламента заявил, что рабочий класс не будет участвовать в восстании.

Министр государственного призрения Кишкин Николай Михайлович (1864–1930) по образованию был врачом-физиотерапевтом. Основал в Москве пансион для нервнобольных. В 1904–1905 гг. был членом «Союза освобождения». Участвовал в создании партии кадетов, член ЦК партии с 1-го съезда (1905). Совладелец и директор клиники в Москве, затем санатория. В годы мировой войны один из организаторов Всероссийского Союза городов, председатель исполнительного бюро Союза, товарищ главноуполномоченного Союза. После Февральской революции 1917 – комиссар Временного правительства в Москве. С 25 сентября министр государственного призрения. В связи с наступлением немецких войск и нестабильностью политического положения 5 октября сделал доклад правительству о плане эвакуации Петрограда, переезде Временного правительства и центральных учреждений в Москву. 6 октября назначен руководителем Особого совещания по разгрузке Петрограда (вместо министра внутренних дел А. М. Никитина). 25 октября получил полномочия от Временного правительства по водворению порядка в столице, с подчинением ему всех военных и гражданских властей. Кишкин своим приказом отстранил от должности за бездеятельность главнокомандующего Петроградским ВО полковника Г. П. Полковникова и назначил на его место генерала Я. Г. Багратуни. Однако в тот же день Кишкин вместе с другими министрами Временного правительства был арестован в Зимнем дворце.

Министр народного просвещения Салазкин Сергей Сергеевич (1862–1932) – доктор медицины (1897). В 1896–1897 гг. стажировался в Институте экспериментальной медицины у И. П. Павлова и М. В. Ненцкого. Основал и заведовал кафедрой физиологической химии в Женском медицинском институте в Петербурге (1898–1911, с 1905 одновременно первый выборный директор института). Принимал участие в Пироговских съездах. В 1911 г. за лояльное отношение к студенческому движению был отрешен от должности директора и профессора и до 1917 г. жил в провинции, работал в различных общественных организациях. После Февральской революции близок к кадетам. Избран председателем Рязанского губернского исполкома Совета партии кадетов. На Государственном совещании в Москве (август 1917) возглавил фракцию «Демократический блок» (эсеры, меньшевики, левые кадеты). Со второй половины августа уполномоченный Министерс-

тва земледелия по заготовке хлеба в Поволжье; товарищ министра продовольствия. В своей деятельности продолжил работу своего предшественника С. Ф. Ольденбурга. Салазкин представил Временному правительству проекты об учреждении в составе Саратовского университета историко-филологического и физико-математического факультетов, о преобразовании Демидовского юридического лицея в Ярославле в университет, об открытии в Тифлисе частного Грузинского института и Кавказского университета, Туркестанского университета в Ташкенте. Как министр поддерживал автономию не только высших учебных заведений, но и средних, бесплатное обучение в низшей и средней школах, однако категорически выступал против участия студентов в любой форме в решении судьбы высшей школы.

Первый и последний в истории России министр вероисповеданий Карташев Антон Владимирович (1875–1960) – историк церкви, богослов, общественный и государственный деятель. Окончил Пермскую семинарию (1894), Санкт-Петербургскую духовную академию (1899). В 1900–1905 г. преподавал в Санкт-Петербургской духовной академии церковную историю, доцент. Впоследствии ушел из академии и преподавал на петербургских Высших женских курсах (1906–1918). Председатель Религиозно-философского общества в Петербурге (с 1909 г.). С 25 марта 1917 г. товарищ обер-прокурора, а с 25 июля 1917 г. обер-прокурор Святейшего Синода. Первую работу, в которой по существу была сделана заявка на будущий труд по истории русской православной церкви, А. В. Карташев сделал еще в 1903 г., когда в журнале «Христианское чтение» опубликовал статью «Краткий историко-критический очерк систематической обработки русской церковной истории». В последующие годы появляется серия статей А. В. Карташева, посвященная различным аспектам истории русской церкви: «Был ли апостол Андрей на Руси», «Христианство на Руси в период догосударственный», «Был ли православным Феофан Прокопович» и др. Затем наступила пора бурной общественной деятельности. А. В. Карташев становится одним из видных деятелей кадетской партии, расстается с Петербургской Духовной Академией, сосредоточивается на политической деятельности. В период революционных потрясений 1917 г. он становится обер-прокурором Синода, а в августе 1917 г., когда Временное правительство упразднило обер-прокуратуру и учредило министерство исповеданий, возглавляет это министерство в правительстве А. Ф. Керенского.

Послеоктябрьская судьба

В ночь с 25 на 26 октября в Зимнем дворце были арестованы 15 из 18 министров. Министр-председатель Керенский утром 25 октября накануне захвата Зимнего дворца покинул столицу. А. И. Верховский, 22 октября выйдя в отставку, выехал на остров Валаам. Не было в Зимнем в ночь на 26 октября и министра продовольствия С. Н. Прокоповича. 25 октября, еще до занятия Зимнего силами ВРК, он был арестован и доставлен в Смольный институт. После допроса освобожден. Поздно вечером организовал шествие 400 членов Городской думы к Зимнему дворцу, но оно было остановлено матросами.

Все арестованные в Зимнем дворце министры Временного правительства были препровождены в Петропавловскую крепость. Часть из них (министры – социалисты) были вскоре же освобождены, остальные находились в заключении до февраля 1918 г. Дальнейшая судьба экс-министров как в зеркале отразила отношение к революции российской интеллигенции.

Из 18 министров девять эмигрировали. Большинство это сделало сразу же после освобождения из Петропавловской крепости.

Освобожденные в начале 1918 г. Коновалов, Третьяков, Смирнов эмигрировали во Францию. Покинувший Петропавловскую крепость в начале 1918 г. Терещенко уезжает в Финляндию, живет некоторое время в Норвегии. Затем перебирается во Францию.

Вердеревский освобожден был под честное слово генерала 27 октября, на следующий же день после переворота. Сотрудничал с руководством Красной армии, осуществляя техническое руководство оперативными действиями флота по обороне страны. Эмигрировал во Францию в начале 1918 г.

Позже других оказались за границей А. Ф. Керенский, А. В. Карташев, М. В. Бернацкий, С. Н. Прокопович.

Покинувший Зимний дворец утром 25 октября Керенский выехал из Петрограда на автомобиле встречать вызванные им с фронта войска. Однако поход Керенского – Краснова успеха не имел. После ряда напряженных боев 31 октября в Гатчине было заключено перемирие с советскими войсками. Керенский скрылся из Гатчинского дворца. В 20-х числах ноября он явился в Новочеркасск к генералу А. М. Каледину, но не был им принят. Конец 1917 провел в скитаниях по отдаленным селениям под Петроградом и Новгородом. В начале января 1918 г. тайно появился в Петрограде, желая

выступить на Учредительном Собрании, но в эсеровском руководстве это, очевидно, сочли нецелесообразным. Керенский перебрался в Финляндию, в конце января вернулся в Петроград, в начале мая – в Москву, где установил контакт с «Союзом возрождения России». Когда началось выступление Чехословацкого корпуса «Союз возрождения» предложил ему пробраться за границу для переговоров об организации военной интервенции в Советскую Россию. В июне 1918 г. Керенский выехал во Францию и в Россию больше не возвращался.

А. В. Карташев в эмиграции с 1919 г. Вначале в Финляндии, где был председателем Русского национального комитета, затем переехал во Францию.

М. В. Бернацкий принял активное участие в борьбе против Советской власти. В 1918–20 министр финансов в правительствах А. И. Деникина и П. Н. Врангеля. В 1920 г. эмигрировал во Францию.

С. Н. Прокопович октябрьский переворот признал насильственным и незаконным. Как бывший министр и член избранного Учредительного собрания, он возглавлял до 16 ноября 1917 г. подпольное Временное правительство. В последующие несколько лет, превратившись в сторонника сильного государства с централизованной экономикой, преподавал в ряде учебных заведений (даже руководил Кооперативным институтом в 1918 г.). В 1921 г. организовал и возглавил, совместно с Е. Д. Кусковой, Е. П. Пешковой и др., Комитет помощи голодающим Повольжья («Помгол»). 22 сентября 1921 г. был арестован ЧК по обвинению в шпионаже в пользу иностранных государств. Ему удалось избежать репрессий лишь благодаря заступничеству Ф. Нансена и Э. Гувера. В 1922 г. был выслан из Советской России и обосновался в Германии.

На чужбине

В эмиграции судьба уехавших из России экс-министров сложилась по-разному. Многие нашли применение своим знаниям и вполне благополучно дожили до старости. М. И. Терещенко в эмиграции продолжил свою деятельность финансиста и предпринимателя. Приехав за границу без копейки денег, уже через пару лет Терещенко становится обладателем солидного капитала. В 20–30-е гг. он был крупным финансистом во Франции и на Мадагаскаре. М. И. Терещенко создавал приюты для своих обездоленных соотечественников, оказывал значительную материальную помощь для их благоустройства. Во время Второй мировой войны жил в Англии, потом – в

Монако. Умер в Монте-Карло 1 апреля 1956 года.

А. И. Коновалов во Франции в 1921 г. вступил в Республиканско-демократическую группу, в которой объединились правые эсеры и кадеты, поддерживавшие «новую тактику» П. Н. Милюкова. С 1924 г. председатель Совета общественных организаций, объединившего левые эмигрантские круги. Вместе с князем Г. Е. Львовым и Н. Д. Авксентьевым руководил Российским Земско-Городским союзом – организацией по устройству русских за рубежом и школьному образованию детей эмигрантов. В 1924–40 гг. председательствовал в правлении редакции газеты «Последние Новости», издававшейся П. Н. Милюковым в Париже. С началом Второй мировой войны Коновалов переехал в США. Умер в Нью-Йорке в 1948 г.

С. А. Смирнов являлся председателем Общества помощи русским гражданам в Берлине. Дата смерти неизвестна.

Д. И. Вердеревский политической деятельности в эмиграции не вел. 12 февраля 1945 г. в группе русских эмигрантов посетил Советское посольство в Париже, чтобы приветствовать победы Красной Армии. Незадолго до смерти принял советское гражданство. Умер в Париже в 1946 г.

М. В. Бернацкий после падения Крыма продолжал работу по устройству эвакуации Добровольческой Армии и беженцев. Вслед за тем он был назначен Председателем Финансового Совета при Совете Послов в Париже. В распоряжение этого комитета были переданы заграничные фонды русского правительства. Бернацкий продолжал энергично собирать правительственные деньги и бережно хранил эту «казну». Одновременно Бернацкий вернулся к научной деятельности. В 1922 г. он, совместно с А. Рафаловичем, издал книгу на французском языке о денежном обращении в России; в 1924 г., вместе с австро-швейцарским экономистом Аммоном, — книгу на немецком языке о валютных реформах в Чехословакии и СССР, а в 1928 г. объемистую работу на английском языке о русских государственных финансах во время Первой мировой войны. В этих своих последних печатных трудах Бернацкий выступал по-прежнему защитником золотой валюты. В период 1929–1939 гг. он напечатал ряд статей в русской и французской периодической печати, в которых либо защищал золотое денежное обращение, либо осуждал Кейнса за его экономический радикализм, либо высказывался в пользу социальных реформ, не нарушающих частной инициативы. С 1924 г. Бернацкий принимал ближайшее участие в экономическом отделе Русского Института Права и Экономики, основанного при Парижском Университете. Даже в последние месяцы своей жизни, уже истощенный

быстро развивавшейся болезнью, Бернацкий начал составлять записки, в которых он стремился изложить свою точку зрения на проблемы денежного обращения. Бернацкий был упорным противником новых денежных теорий школы Джона Кейнса, Денниса Робертсона и других английских и американских экономистов. Но, если не теория, то практика новой экономической политики в странах Запада убедили М. В. Бернацкого, что впредь нельзя будет обойтись без широкого и глубокого вмешательства государственной власти во многие области народного хозяйства. За две недели до смерти он признался в этом своим близким друзьям. Умер М. В. Бернацкий в 1943 г. Похоронен на парижском кладбище Банье, рядом со своей женой, Ольгой Владимировной (1879–1942).

С. Н. Прокопович, обосновавшись в 1922 г. в Берлине, в этом же году учредил Экономический кабинет. История Экономического кабинета, испытывавшего в Германии финансовые и иные трудности, и потому переехавшего в 1924 г. в Прагу (его поддержало морально и материально чешское правительство), представляет собой большое количество выполненных задач по сбору, систематизации, обзору и критике хозяйственной и общественно-политической жизни СССР. К этой работе Прокоповичу удалось привлечь знаменитых эмигрантов-профессионалов: экономистов П. Струве, М. Бернацкого, А. Чупрова, Б. Бруцкуса, историков А. Кизеветтера, Е. Шмурло, Б. Н. Никольского, правоведов Н. Тимашева, Л. Петражицкого, публициста В. Розенберга. С участием этих мощных сил Экономический кабинет издал: «Экономический вестник» (в Берлине), «Русский экономический сборник» (в Праге), «Бюллетень» (в Праге). Ученая, просветительская и издательская деятельность Прокоповича в Чехословакии закончилась в 1938 г. Трагические события в стране и мире заставили его вновь эмигрировать, сначала в Швейцарию, а затем в США (1939). Скончался 4 апреля 1955 г. в Женеве.

А. В. Карташев, переехав в Париж в 1923 г., принимал участие в работе первого организационного съезда Русского студенческого христианского движения (РСХД) в местечке Пшеров (Чехословакия). Был членом Епархиального совета Русского экзархата Вселенского Патриархата. Один из основателей и профессор Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже (1925–1960 гг.). Преподавал историю Церкви (общую и русскую), Ветхий Завет и еврейский язык. Инспектор Богословского института (1939–1944). В русских изданиях Берлина, Праги, Парижа — в журналах «Современные записки», «Путь», «Вестник русского студенческого (христианского) движения» и др., газете «Возрождение», различного

рода сборниках — периодически публиковались его статьи, посвященные как общеисторическим, так и историко-церковным, богословским вопросам. В 20—50-е годы А. В. Карташев продолжал разрабатывать тему истории церкви в Древней Руси, вышли его статьи «Заветы святого князя Владимира», «Влияние церкви на русскую культуру»; большое внимание уделял он изучению взаимоотношений церкви и государства, общества на протяжении всей русской истории («Государство и русская церковь», «Церковь и государство», «Смысл старообрядчества», «Церковь и национальность» и др.); продолжал изучать богословские проблемы, пропущенные сквозь призму общественных событий и потрясений («Личность и общественное спасение во Христе», «О соединении всех», «По какому закону мы живем», «Еще об идеологии», «Путеводитель по русской богословской науке», «Русское христианство и др.). Основной труд Карташева, двухтомные «Очерки по истории русской церкви», вышел в свет в Париже в 1959 г., а 10 сентября 1960 г. автора не стало в живых. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

А. Ф. Керенский в июне 1918 г. приехал во Францию. Вел переговоры со странами Антанты об их военном вмешательстве в российские дела. Был одним из организаторов Внепартийного демократического объединения (1920–1922), призванного сплотить левое крыло антибольшевистской эмиграции. Не смог стать лидером белой эмиграции, т. к. воспринимался значительной ее частью как виновник развала Российского государства. Активно сотрудничал в эмигрантских организациях. Издавал газеты «Дни» и «Новая Россия». Постоянно выступал против сталинской диктатуры, но в первые же дни Великой Отечественной войны заявил о поддержке СССР. Написал мемуары и ряд исторических исследований: «Прелюдия большевизма» (1919), «Издалека» (1922), «Катастрофа» (1927), «Гибель свободы» (1934). После поражения Франции в 1940 перебрался в США, где продолжил публицистическую и историко-литературную деятельность. С 1956 г. Керенский сотрудничал с Гуверовским институтом войны, революции и мира при Стэнфордском университете. Стал профессором. Совместно с Р. Браудером в 1961 г. опубликовал три тома документов «Российское Временное правительство». В 1965 г. вышла в свет его последняя книга «Россия на историческом повороте». До конца жизни Керенский верил в «возрождение свободы» на родине. Его попытка в 1968 г. получить разрешение на проезд в СССР не увенчалась успехом. Умер 11 июня 1970 г. в Нью-Йорке. Был похоронен в Англии, где жили его сыновья.

Трагично сложилась в эмиграции судьба лишь одного из бывших министров последнего правительства – С. Н. Третьякова.

В ноябре 1918 г., находясь в Париже, он получил от адмирала Колчака предложение занять пост министра торговли и промышленности во Временном сибирском правительстве. Третьяков немедленно отправился в Омск, где одновременно стал заместителем председателя кабинета. Впрочем, в Сибири он находился всего десять месяцев и после поражения белого движения вернулся во Францию.

В Париже владеющему несколькими европейскими языками и к тому же обладающему солидным капиталом Третьякову было доверено кресло председателя Русской торговой палаты, а также заместителя главы Российского торгово-промышленного и финансового союза («Торгпрома»), образованного в феврале 1920 г. более чем шестьюстами покинувшими Россию промышленниками, банкирами и торговцами. Одновременно Третьяков являлся одним из редакторов журнала «Иллюстрированная Россия», был связан с русскими эмигрантскими организациями, нередко обращаясь от их лица к французскому правительству и к властям на местах. Сергей Николаевич был желанным гостем во многих эмигрантских кругах. Находился в дружеских отношениях с руководителем Русского общевоинского союза (РОВС) генералом Кутеповым. Вместе с тем, будучи человеком трезвого, аналитического ума, Третьяков раньше других из своего окружения понял, что в России возврата к старому не будет. Не видя выхода из сложившейся ситуации, в 1926 г. он пытался покончить жизнь самоубийством, но был спасен в последний момент близкими. Данный факт впоследствии тщательно скрывался от окружения самим Третьяковым и членами его семьи.

По имевшимся у советской внешней разведки сведениям, «Торгпром», одним из руководителей которого являлся Третьяков, в начале 1920-х годов активно помогал деньгами «Народному союзу защиты родины и свободы» – военной террористической организации, которую возглавлял небезызвестный Б. В. Савинков. Перед парижской резидентурой была поставлена задача проникнуть в руководящие круги «Торгпрома» для обеспечения постоянного и эффективного контроля за возможными антисоветскими акциями. Чекисты приняли решение привлечь Третьякова к сотрудничеству. В 1929 г. С. Н. Третьяков дал согласие работать на Москву и получил оперативный псевдоним «Иванов». Пойти на сотрудничество с советской разведкой Иванова, скорее всего, побудило его разочарование в белой эмиграции.

Сотрудники советской внешней разведки в столице Франции об-

ратили внимание на то, что дом № 29 на улице Колизей, где обосновался штаб РОВСа, принадлежит Третьяковым. Вскоре из Москвы прибыла прослушивающая аппаратура. В помещениях союза установили микрофоны, а в комнатах «Иванова» – аппаратуру приема, и с января 1934 г. началось постоянное прослушивание разговоров, ведущихся в штабе РОВСа и даже в кабинете его председателя. В Центр отныне регулярно поступала «Информация наших дней» (ИНД) – так в ОГПУ окрестили получаемые от «Иванова» сведения.

Накануне оккупации Франции войсками гитлеровской Германии связь с «Ивановым» временно была законсервирована. Однако 14 июня 1942 г. он был схвачен немцами. Во время обыска в квартире Третьякова гестаповцы обнаружили приемное устройство и провода, протянутые в штаб-квартиру РОВСа, а в помещении штаба – микрофоны. В августе 1942 г. фашистская газета «Локаль-анцайгер» и эмигрантская газета «Новое слово» опубликовали корреспонденции, в которых говорилось об аресте бывшего министра Временного правительства России Сергея Третьякова как советского агента, участвовавшего в похищении чекистами генералов Кутепова и Миллера, в укрывании одного из организаторов захвата последнего – генерала Скоблина. Газеты утверждали, что Третьяков являлся одним из резидентов НКВД во Франции и что с его помощью большевикам удалось обезвредить более тридцати диверсантов-белогвардейцев, переброшенных в СССР. Арестованного Третьякова немцы отправили в Германию. Там 16 июня 1944 г. он и был расстрелян в концлагере в Ораниенбурге, под Берлином. Немецкая пресса опубликовала официальное сообщение о казни С. Н. Третьякова.

На Родине

Тех, кто остался в советской России, постигла иная участь. Часть бывших министров в той или иной форме сотрудничали с Советской властью, но почти никто не избежал репрессий.

Генерал А. А. Маниковский, исполнявший в последние дни существования Временного правительства обязанности военного министра, был арестован вместе с остальными министрами, затем отпущен на свободу. Спустя несколько недель был вновь арестован и опять отпущен на свободу. В заговорах против Советской власти участия не принимал. Принял предложение Совета Народных Комиссаров продолжить свою работу в должности управляющего военным министерством, и уже в 1918 г. он возглавляет

Главное артиллерийское управление РККА, затем работает на различных штабных должностях в Красной Армии. Автор труда «Военное снабжение русской армии в мировую войну». В 1920 г. погиб в автомобильной катастрофе (по другой версии – в железнодорожной аварии).

Среди всех членов Временного правительства, оставшихся в России после Октября 1917, у П. Н. Малянтовича была одна из наиболее трагических судеб. Освобожден он был из Петропавловской крепости на следующий же день после ареста в числе некоторых других министров-социалистов.

В. И. Ленин, осведомленный о заслугах адвоката Малянтовича перед партией, не поставил в вину министру Малянтовичу его октябрьскую служебную акцию. После освобождения Малянтович получил от наркома юстиции Д. И. Курского и наркома просвещения А. В. Луначарского «мандаты, гарантирующие неприкосновенность личности». Выйдя из партии меньшевиков, Малянтович переехал в Москву, откуда в августе 1918 г. отправился в Пятигорск, а позднее в Екатеринодар, где проживал до сентября 1921 г. По вызову наркома просвещения и юстиции А. В. Луначарского и Д. И. Курского вернулся в Москву и служил юрисконсультантом в Президиуме ВСНХ под непосредственным руководством Ф. Э. Дзержинского. Стал одним из основателей советской адвокатуры, входил в ее руководящие органы и возглавлял Московскую коллегия защитников.

В декабре 1930 г. П. Н. Малянтович был арестован органами ОГПУ и пять месяцев провел в заключении. После освобождения продолжал заниматься адвокатской практикой. 1 ноября 1937 г. он был вновь арестован. Его поместили на Лубянке, оттуда перевели в Лефортово, а затем в Бутырскую тюрьму. Его пытались объявить руководителем заговора в московской адвокатуре. Тяжелобольной 68-летний арестант выдержал все пытки, виновным себя не признал и держался на следствии и в суде с исключительным достоинством. 21 января 1940 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила его к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение на следующий день. Вместе с ним погибли два его сына, брат (известный адвокат Всеволод Николаевич Малянтович) и семья брата.

После смерти Сталина ряд старых большевиков и юристов (В. П. Антонов-Саратовский, П. И. Воеводин, А. Н. Трайнин), Е. П. Пешкова, С. Я. Маршак, Г. П. Шелковникова долго боролись за восстановление доброго имени П. Н. Малянтовича. В 1959 г. Малянтович был формально реабилитирован, но до сих пор имя его замалчивается.

Никитин Алексей Максимович освобожден был из Петропавловс-

кой крепости 29 октября. Принимал участие в заседаниях подпольного Временного правительства. 12 ноября отказался участвовать в его дальнейших заседаниях потому, что оно «фактически не нашло возможным хотя бы морально поддержать ген. Духонина в момент, когда на него пала тяжелая ответственность перед страной – одному решать вопрос о перемирии, которого от него потребовали большевики»¹⁴. 17 ноября вместе с другими министрами подписал обращение Временного правительства «Ко всем гражданам Российской Республики». 19 ноября был арестован и выслан в Кронштадт под надзор исполкома Совета. С конца декабря 1917 г. входил в Петроградский стачечный комитет городских служащих. В январе 1918 г. уехал в Ростов-на-Дону. В мае 1920 г. был арестован, доставлен в Москву, осужден по обвинению в сотрудничестве с Добровольческой армией к расстрелу, замененному 15 годами лишения свободы. В 1921 г. помилован и освобожден. Работал в Москве. 11 августа 1930 г. по обвинению в принадлежности к антисоветской группе был вновь арестован. 13 декабря 1930 г. по решению Особого совещания при коллегии ОГПУ освобожден и дело прекращено. Дальнейшая судьба неизвестна.

С. Л. Маслов после освобождения до 16 ноября принимал участие в заседаниях подпольного Временного правительства, подписал его обращение «Ко всем гражданам Российской Республики», за что 19 ноября вновь был арестован по приказу Петроградского ВРК и выслан в Кронштадт. Член Учредительного Собрания. Во время переговоров о составе правительства при Викжеле (конец октября – начало ноября) его кандидатура выдвигалась на пост министра земледелия. 29 ноября на 4-м Всероссийском съезде партии эсеров ПСР (Петроград) обвинил ЦК партии в недостаточной поддержке «демократической государственности» (то есть правительства А. Ф. Керенского), в забвении интересов Родины. Переехав в Москву, отошел от политической деятельности. До 1929 г. член правления Центросоюза, преподавал в МГУ и других вузах, затем на пенсии. В 1930 г. был арестован по обвинению в принадлежности к нелегальной эсеровской организации и по решению особого совещания при коллегии ОГПУ от 18 августа 1931 г. сослан на 3 года в Казахстан и Уфу. В 1934 г. вернулся в Москву. 21 февраля 1938 г. вновь арестован по прежнему обвинению и 20 июня 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу; приговор исполнен в тот же день. Реабилитирован в 1988 г.

А. В. Ливеровский как министр путей сообщения в последнем ка-

¹⁴ См.: Мельгунов С. Как большевики захватили власть. 2-е изд., Париж, 1984. С. 251.

бинете А. Ф. Керенского оказался очень скоро востребованным новой властью. Еще в Петропавловской крепости в октябре 1917 г. его неоднократно посещал начальник крепости А. И. Тарасов-Родионов, который уговаривал Ливеровского перейти на сторону большевиков. Через несколько дней после выхода Ливеровского из крепости к нему пришли от народного комиссара по железнодорожным делам М. Т. Елизарова с предложением принять на себя техническое руководство этим комиссариатом. Ливеровский согласия не дал и в начале декабря выехал из Петрограда в Мацесту, где у него был построенный им самим домик. Его «отпуск» затянулся почти на пять лет. В 1921 г. наркомом путей сообщения был назначен Ф. Э. Дзержинский, который прежде всего занялся поиском опытных специалистов-железнодорожников. В середине июля 1922 г. он в Сочи нашел Ливеровского и от имени Совнаркома пригласил его стать техническим экспертом народного комиссара. На этот раз Ливеровский дал согласие. Дзержинский был знаком Александру Васильевичу еще по Сибири. В начале 1900-х годов Ливеровский помог спрятаться в своем гостиничном номере совершившему побег Дзержинскому.

В 1922–1923 гг. он по заданию наркома провел ряд неотложных мер по налаживанию отношений с новым правительством Советской Республики Абхазия, заключил в Москве несколько выгодных договоров с немецкими концессиями, был членом Ученого совета при комиссии Комитета государственных сооружений и членом плановой комиссии НКПС. В 1924 г. Ливеровский вернулся в Ленинград и занял кафедру строительного искусства в родном ему институте путей сообщения, где он прослужил затем более четверти века. Его авторитет в качестве начальника работ восточной части Транссибирской магистрали, строителя Кругобайкальской дороги, руководителя проекта и постройки Амурского моста, а также Мурманской дороги (на мерзлоте) был необыкновенно высок. Александра Васильевича постоянно приглашали в качестве консультанта на крупнейшие стройки первых пятилеток, включая московский метрополитен, и первые изыскания по БАМу и Турксибу. В 1926 г. он был командирован в Германию, Чехословакию и Францию для изучения дипломного проектирования. Вернувшись в Ленинград в марте 1926 г., Ливеровский был приглашен Г. М. Кржижановским¹⁵ в Госплан для разработки схемы строек в первой пятилетке. Ливеровский неизменно оставался сотрудником крупнейших строительных трестов и Транспортной академии, членом Ученого совета Института мерзлотоведения АН

¹⁵ Г. М. Кржижановский – председатель Госплана в 1921–1930 гг.

СССР. По его инициативе в Академии наук была основана транспортная секция. В марте 1933 г. был арестован и пребывал в стенах Ленинградского ОГПУ до мая 1933 г. Второй раз был арестован в Москве в сентябре 1933 г. и содержался в Бутырской тюрьме до марта 1934. Наказаниям в судебном порядке не подвергался. Оба раза был освобожден с восстановлением в должности. После освобождения 11 марта 1934 г. Ливеровского больше не арестовывали, однако его имя неоднократно упоминалось на допросах и следствиях по делам ленинградских железнодорожников в 1937—1938 годах. Во время блокады Ленинграда Ливеровский, работая в оборонной комиссии своего института, принимал активное участие в проектировании ледовой «Дороги жизни» через Ладогу. 16 июля 1942 г. Александр Васильевич с женой, Марией Владимировной, почти потерявшей зрение, был вывезен в Москву. В декабре 1944 г. в звании железнодорожного генерала III ранга вернулся на кафедру ЛИИЖТа. А. В. Ливеровский скончался 19 декабря 1951 г. в Ленинграде в возрасте 84 лет.

Н. М. Кишкин был освобожден из Петропавловской крепости весной 1918 года. Впоследствии неоднократно арестовывался. В 1921 г. был одним из создателей Всероссийского комитета помощи голодающим. После его запрета был арестован, сослан в Вологду. В середине 20-х годов вернулся в Москву, работал в Наркомздраве. После ухода на пенсию был лишен продовольственных карточек и денежного содержания. Умер 16 марта 1930 г.

К. А. Гвоздев, арестованный в Зимнем дворце вместе с другими членами Временного правительства, вскоре был освобожден. 14 ноября он вышел из ЦК партии меньшевиков, не согласный с тем, что в «однородное правительство» могут войти большевики. Входил в состав подпольного Временного правительства, участвовал в его заседаниях. 17 ноября в числе других подписал обращение «Ко всем гражданам Российской Республики!» 19 ноября ВРК отдал приказ об аресте членов Временного правительства, подписавших это воззвание, и отправке их в Кронштадт под надзор исполнительного комитета местного Совета рабочих и солдатских депутатов. Весной и летом 1918 участвовал в создании антибольшевистского Собрания уполномоченных от фабрик и заводов. Затем, отойдя от политической деятельности, работал в кооперации. С 1920 г. на работе в ВСНХ. 25 апреля 1931 г. коллегией ОГПУ приговорен к 10 годам лишения свободы. 1 июля 1941 г. Особым совещанием НКВД СССР – к 8 годам. Освобожден 20 апреля 1956 г. Дальнейшая судьба неизвестна. Реабилитирован в 1989 г.

С. С. Салазкин, отсидевший несколько месяцев в Петропавловской

крепости, в 1918 г. покинул Петроград и участвовал в деятельности «Национального центра», затем отошел от политики. В 1918–25 гг. был ректором Крымского университета (Симферополь). С 1925 г. профессор Ленинградского медицинского института, заведующий кафедрой биохимии, директор (1927–31) Института экспериментальной медицины. Умер 4 августа 1932 г. в Ленинграде.

Верховский Александр Иванович, 22 октября 1917 г. выйдя в отставку, выехал на остров Валаам, где только 29 октября узнал об Октябрьском вооруженном восстании. 3 ноября вернулся в Петроград и вместе с членами ЦК партии эсеров направился в Ставку, где Общеармейский комитет и лидеры ряда социалистических партий пытались образовать «общесоциалистическое правительство». После провала этого плана отошел от политической деятельности. К политическим акциям большевиков относился негативно. Не смирился с разгоном Учредительного собрания, с «похабным» Брестским миром, политикой военного коммунизма. Летом 1918 г. за участие в работе подпольной организации эсеров был арестован органами ВЧК, но вскоре освобожден. С декабря 1918 г. использовался как военный специалист в Красной Армии, был начальником оперативного отдела штаба Петроградского военного округа, главным инспектором Главного управления военно-учебных заведений, служил в различных частях Красной Армии на Восточном фронте. В мае 1920 г. его включили в состав особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами республики под председательством А. А. Брусилова. После окончания гражданской войны находился на преподавательской работе.

С 1921 г. в Академии РККА. В апреле-мае 1922 г. привлекался в качестве военного эксперта советской делегации на Генуэзской конференции. С 1925 г. – заместитель главного руководителя по тактике Военной академии РККА. С 1927 г. – профессор Военной академии. К этому периоду относятся написанные им наиболее крупные работы по вопросам общей тактики.

В 1930 г. А. И. Верховский назначается начальником штаба Северо-Кавказского военного округа. 18 июля 1931 г. по обвинению в антисоветской деятельности приговорен Коллегией ОГПУ к расстрелу, она же 2 декабря 1931 г. заменила приговор на 10 лет лагерей. 17 сентября 1934 г. был досрочно освобожден, но сколько-нибудь ответственных заданий ему больше не поручали. Угнетаемый сгущавшейся вокруг атмосферой недоверия и подозрительности он в августе 1935 г. обратился с письмом к Ворошилову, выражая желание принять участие в работе своей специальности – выра-

ботке оперативно-тактических форм в связи с развитием мощных вооружений и новой техники. После этого письма опального профессора направили преподавателем на курсы «Выстрел», а в 1936 г. присвоили звание комбрига и доверили преподавательскую работу в кузнице высших советских военных кадров – Академии Генерального штаба. Но это благополучие длилось недолго. 11 марта 1938 г. А. И. Верховского арестовали как врага народа, обвинив в активной вредительской деятельности, шпионаже и подготовке террористических актов. 19 августа 1938 г. военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Верховского к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение в тот же день. 28 ноября 1956 г. Верховский был посмертно реабилитирован. Перу А. И. Верховского принадлежат труды по различным военным вопросам: «Очерки по истории военного искусства в России в XVIII и XIX вв.» (1921 г.), «Общая тактика» (1926 г.), «Огонь, маневр, маскировка» (1934 г.) и свыше ста статей. В 1959 г. была издана книга его воспоминаний «На трудовом перевале» (1959).

Послесловие

В октябре 1917 г. издатель и публицист В. Л. Бурцев, хорошо известный современникам разоблачением провокаторов царской охраны Е.Ф. Азефа, Р. В. Малиновского и ряда других, в передовой статье издаваемой им популярной в Петрограде и России газеты «Общее дело»¹⁶ писал: «В Зимнем дворце, говорят, царит затишье и уныние. Незаметно ни малейшего признака существования нашего Временного правительства... Какое великое несчастье, какой беспредельный позор для страны иметь такое правительство, какое имеет Россия в эти дни!»¹⁷

Вряд ли можно согласиться с такой уничижительной характеристикой. Государственный строй России осенью 1917 г. представлял собой буржуазную республику с очень слабой и неустойчивой властью Временного правительства. Но слишком много было обстоятельств, уже никак от членов последнего Временного правительства не зависящих, тех обстоятельств, которые в итоге и не позволили дотянуть катящуюся в пропасть Россию до спасительного Учредительного собрания: ошибки, медлительность и противоречивость в действиях предыдущих составов правительства, изначально нелегитимность новой власти, противоестественный союз либеральной

---

¹⁶ В 1917 г. газета Бурцева «Общее дело» с одинаковой жесткостью относилось как к Временному правительству, так и к большевикам, претендуя на объективную оценку внутриполитической ситуации в России того времени.

¹⁷ Общее дело. 1917 г. 7 октября.

и революционной демократии, популизм большевиков, длительное отсутствие законодательной власти и конституции, нарастающий сепаратизм национальных регионов, стремительное полевение масс в условиях дряхлеющей непопулярной войны, разрухи и сонма нерешенных проблем.

А. И. Деникин, другой свидетель тех октябрьских дней, в своих воспоминаниях потом напишет: «Огромная усталость от войны и смуты; всеобщая неудовлетворенность существующим положением; неизжитая еще рабья психология масс; инертность большинства и полная безграничного дерзания деятельность организованного, сильного волей и беспринципного меньшинства; пленительные лозунги: власть – пролетариату, земля – крестьянам, предприятия – рабочим и немедленный мир... Власть падала из слабых рук Временного правительства, во всей стране не оказалось, кроме большевиков, ни одной действенной организации, которая могла бы предъявить свои права на тяжкое наследие во всеоружии реальной силы. Этим фактом в октябре 1917 года был произнесен приговор стране, народу, революции».¹⁸

С утверждением о том, что правдивая история Октября еще не написана, наверняка согласятся многие исследователи, поэтому для восстановления полноценной исторической картины на основе достоверных фактов и свидетельств и переосмысления роли действующих лиц в драматических событиях 1917 г. остается актуальной проблема исторической реабилитации. Не канонизация, а восстановление доброго имени того или иного исторического деятеля, что подчас бывает непросто. В исторической науке, как ни в какой другой, так много наветов, устойчивых штампов, клише, изготовленных под политический заказ.

На исторической реабилитации в далеком 1917 г. настаивали и сами члены Временного правительства. 26 ноября М. И. Терещенко, С. А. Смирнов, А. И. Коновалов и др. обратились с письмом на имя председателя Учредительного Собрания, в котором они просили предоставить им возможность явиться в Учредительное Собрание для дачи полного отчета о своих действиях в качестве членов правительства. В письме подчеркивалось, что они вошли в правительство «по соглашению с представителями правомочных органов революционной демократии и наравне с нашими товарищами-социалистами свято исполняли правительственную программу».¹⁹

¹⁸ Деникин А. И. Очерки русской смуты: В 3 кн. Кн. 2: Крушение власти в армии (февраль – сентябрь 1917). М., 2005.

¹⁹ Революция 1917 года: хроника событий. М., 1930. Т. 6. С. 217.

И. Н. Олегина*

П. Н. МИЛЮКОВ: МОНАРХИЯ ИЛИ РЕСПУБЛИКА ДЛЯ РОССИИ? (ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ)

Известный историк и видный политический деятель дореволюционной России (а затем и русского зарубежья) Павел Николаевич Милюков как лидер кадетской партии сыграл значительную роль в становлении русского парламентаризма, в разработке его конституционных основ.

При рассмотрении темы о взглядах Милюкова на институты монархии и республики будут сопоставлены период до 1917 г., 1917 год и период эмиграции.

В 1900-е – 2000-е годы изучение политической истории предреволюционной России продвинулось далеко вперед.¹ Историки и правоведы имеют возможность использовать вышедшие документальные публикации по истории политических партий, и в частности партии конституционных демократов (кадетов).² В 1999 г. была проведена международная конференция в связи с 140-летием со дня рождения П. Н. Милюкова.³ Издана «История второй русской революции» П. Н. Милюкова (впервые после эмигрантских изданий).⁴

Первая русская революция 1905–1907 гг. закончилась поражением, однако результатом натиска на царизм было создание – по указу царя 17 октября 1905 г. и ряду законодательных актов – народного представительства

* Кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

¹ Власть и реформы: От самодержавия к советской России / Отв. ред. Б. В. Ананьич. СПб., 1996; Демин В. А. Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996; Гоголевский А. В. 1) Очерки истории русского либерализма XIX – начала XX века. СПб., 1996; 2) Русский либерализм в последнее десятилетие империи. Очерки истории 1906–1912 гг. СПб., 2002; Русский конституционализм от самодержавия к конституционно-парламентской монархии: Сб. док. / Сост. А. В. Гоголевский, Б. Н. Ковалев. М., 2001; Русский конституционализм в период думской монархии: Сб. док. / Сост. А. В. Гоголевский, Б. Н. Ковалев. М., 2003; Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в исторической перспективе. М., 1998.

² Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп Конституционно-демократической партии, 1905–1934: В 6 т. М., 1994–1999; Съезды и конференции Конституционно-демократической партии, 1905–1920: В 3 т. М., 1997–2000.

³ См.: П. Н. Милюков: историк, политик, дипломат: Материалы междунар. науч. конф. М., 2000.

⁴ Милюков П. Н. История второй русской революции. М., 2001.

в форме Государственной Думы, наделенной законодательными правами. Становление русского конституционализма проходило очень трудно: оно шло в условиях существования монархии, которая по мере спада революции стремилась вернуть все на круги своя, сделать «как было». Надо учесть также, что сама правовая модернизация – переход от традиционного общества к современному – представляет довольно длительный и сложный процесс.

По мере углубленного изучения истории политических партий России изменяются оценки их роли в революционном процессе. В частности это касается кадетской партии, лидером которой был П. Н. Миллюков. Она была создана на 1 съезде (12–18 октября 1905 г.), основой ее стало левое крыло «Союза освобождения», правое – стало основой партии «Союз 17 октября». Социальной базой конституционных демократов была преимущественно интеллигенция. Они ставили своей целью изменение политического режима страны, переход от авторитарного строя к парламентско-конституционному.

В современной историографии переоценивается роль кадетов, по сравнению с тем, что имело место в советский период: они стали рассматриваться (в годы первой русской революции во всяком случае) не как партия, противодействующая усилиям революционеров, но как составная часть освободительного движения – против самодержавия, за конституцию и права человека. «Значительные пласты источников, введенные в последнее десятилетие в научный оборот, – пишет В. В. Шелохаев, – позволяют иначе, чем это имело место в историографии, показать роль кадетов в революциях 1905–1907 и 1917 гг.». В 1905 г. – до ноябрьско-декабрьских событий левое крыло либералов («освобожденцы») «вело борьбу совместно с революционно-демократическими силами против авторитарного режима», вынудив последний издать Манифест 17 октября.⁵

В дальнейшем кадетская партия боролась за то, чтобы эта вынужденная уступка царизма стала необратимой. Выдвигая на первый план борьбу за политические свободы, она перенесла акцент в освободительном движении с социальной революции, что было лозунгом предшествующих поколений революционеров, на конституционную деятельность, строительство правового государства. Получили распространение термины «либеральная демократия», «либеральная оппозиция» при характеристике кадетов периода 1905–1917 гг.

---

⁵ Политические партии в российских революциях в начале XX века / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 2005. С. 416.

Как оценивать тот строй, который возник в России после манифеста 17 октября? Милюков: «Первый камень русской конституции был заложен Манифестом 17 октября».⁶ На II съезде кадетской партии (4–11 января 1906 г.) в программу был добавлен пункт: «Россия должна стать конституционной и парламентской монархией». Он был изменен только после Февральской революции 1917 г.

I Государственная Дума просуществовала 72 дня. 7 июля 1906 г. Николай II издал указ о роспуске Думы. Для работы во II Думе Милюков разработал новую тактику, которая получила название «правильной осады правительства и бережения Государственной Думы». (одобрена на IV съезде конституционных демократов в сентябре 1906 г.).⁷ II Дума была распущена 3 июня 1907 г. В том же Манифесте, в котором царь объявлял о роспуске II Думы было обнаружено и изменение избирательного закона (издавать новый избирательный закон монарх не имел права согласно манифесту от 17 октября 1905 г., поэтому это событие получило название третьиюньского переворота). Выборы, проведенные в III Думу по новому избирательному закону, совершенно изменили ее партийный состав. Фракция кадетов (52 человека) не имела никакой возможности бороться за собственные законопроекты. П. Н. Милюков, тем не менее, продолжал и в этих условиях вести линию на развитие русского конституционализма парламентским путем, хотя она оспаривалась в партии (возражали Н. Н. Кутлер, Ф. И. Родичев).⁸

IV Государственная Дума также была избрана (1912 г.) по третьиюньскому избирательному закону. На годы деятельности этой Думы приходится экономический подъем (в 1913 г. – наилучшие показатели для царской России), подъем рабочего движения, вступление России в Первую мировую войну...

Однако кадетам и их лидеру Милюкову становилось ясно, что изменение режима через законодательную деятельность Думы практически невозможно.

Вступление России в Первую мировую войну было поддержано лидером фракции кадетов. Милюков – за войну до победного конца. Однако в 1915, 1916 гг. конфронтация с правительством возобновилась.

Возможность второй русской революции, которую предвидели мно-

---

⁶ Милюков П. Н. Год борьбы. Публицистическая хроника 1905 – 1906. СПб., 1907. С. 150.

⁷ Русский конституционализм от самодержавия к конституционно-парламентской монархии. С. 27.

⁸ Русский конституционализм в период думской монархии. С. 19.

гие политические деятели, превратилась в реальность. 27 февраля 1917 г. в стране началась революция, которая за несколько дней привела к крушению романовской монархии.

Это были незабываемые дни для тех, кто многие годы боролся против самодержавия, но и невероятно напряженные. Встал вопрос об организации власти, об отношении к монархии. В стране образовалось два центра власти: Временный Комитет Государственной Думы и Совет рабочих и солдатских депутатов.

Милюков держался за монархический принцип до последнего. 2 марта он выступал на митинге в Таврическом дворце по вопросу об образовании Временного правительства, называл имена назначаемых министров. Прозвучали крики из зала: «А династия?» Милюков: «Вы спрашиваете о династии. Я знаю наперед, что мой ответ не всех вас удовлетворит. Но я его скажу. Старый деспот, доведший Россию до границы гибели, добровольно откажется от престола или будет низложен. (*Аплодисменты*). Власть перейдет к регенту великому князю Михаилу Александровичу. (*Продолжительные крики, негодующие возгласы: "Да здравствует республика!", "Долой династию!"*). *Жидкие аплодисменты, заглушенные новым возгласом негодования.*) Наследником будет Алексей. (*Крики: "Это старая династия!"*)».

Милюков продолжает: «Да, господа, это старая династия, которой, может быть, не любите Вы, а может быть, не люблю и я. Но дело сейчас не в том, кто сейчас любим. Мы не можем оставить без ответа и без решения вопрос о форме государственного строя. Мы представляем его себе как парламентскую конституционную монархию. Может быть, другие представляют себе иначе, но теперь, если мы будем об этом спорить, вместо того, чтобы сразу решить, то Россия очутится в состоянии гражданской войны и возродится только разрушенный режим. Этого мы сделать не имеем права ни перед Вами, ни перед собой. Однако это не значит, что мы решили вопрос бесконтрольно. В нашей программе Вы найдете пункт, согласно которому, как только пройдет опасность и возродится прочный порядок, мы приступим к подготовке созыва Учредительного собрания (*шумные аплодисменты*), собранного на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Свободно избранное народное представительство решит, кто вернее выразит общее мнение России – мы или наши противники».⁹

---

⁹ Февральская революция 1917 года: Сб. док. / Сост. О. А. Шишкова. М., 1996. С. 158. Используемый документ ранее был опубликован: Революционное движение в России после свержения самодержавия: Документы и материалы. М., 1957. № 313.

Мы не будем здесь подробно излагать все перипетии процесса переговоров с императором, которые вели представители Государственной Думы о его отречении и условиях этого отречения.

Утром 2 марта, когда уже было известно о его отречении в пользу брата Михаила Александровича, состоялось обсуждение этого вопроса (присутствовали Родзянко – председатель Государственной Думы, члены Временного комитета Государственной Думы и Временного правительства).

«После обмена мнениями, длившегося около полутора часов, пришли к заключению, вопреки мнению министра иностранных дел Милюкова, о необходимости убедить Великого князя Михаила Александровича не принимать на себя верховной власти, ибо такого разрешения вопроса требовало соотношение политических сил», – говорится в документе «“Протокол событий” Февральской революции».¹⁰

После этого обсуждения около 10 часов утра 2 марта состоялась встреча Временного правительства с Великим князем Михаилом Александровичем (продолжалась до 2-х часов дня). К тому времени стало известно, как железнодорожные рабочие встретили сообщение Гучкова, вернувшегося из Пскова с актом отречения Николая II в пользу Михаила, (пригрозили расстрелять Гучкова).¹¹ «Несмотря на возражения со стороны министров иностранных дел Милюкова и военного и морского Гучкова, Великий князь принял решение свободно и бесповоротно отказаться в настоящий момент от принятия на себя верховной власти».¹² Михаил Александрович принял «твердое решение воспринять Верховную власть», если такова будет воля народа, выраженная его представителями через Учредительное собрание.¹³

Таким образом, в февральско-мартовские дни 1917 г. Милюков до последнего отстаивал романовскую монархию, несмотря на все выше вздымавшийся вал революции.

Милюков был выдающимся политиком. По словам Керенского, он был одной «из самых ярких, самых блистательных фигур интеллектуальной России», искусным государственным деятелем.¹⁴ Однако его любовь к истории сказывалась на его оценках событий настоящего. Керенский отмеча-

¹⁰ Там же. С. 143. («Протокол» впервые был опубликован в сборнике документов 1996 г.)

¹¹ Керенский А. Ф. Трагедия династии Романовых / Пер. с фр. Е. Нетесовой. М., 2005. С. 97.

¹² Февральская революция 1917 года. С. 144.

¹³ Там же.

¹⁴ Керенский А. Ф. Русская революция 1917 / Пер. с фр. Е. Нетесовой. М., 2005. С. 123.

ет, что «он предпочитал анализировать политические события постфактум, рассматривая их более или менее издали, гораздо лучше видя жизнь в книге или в историческом документе, чем в реальности»; разработав программу или тактические и стратегические планы, он ревностно начинал проводить их в жизнь, «твердо веря в мудрость своих суждений, но не учитывая событий сегодняшнего и, что во многих случаях еще важнее, завтрашнего дня». ¹⁵

В марте 1917 г. Милюков был одним из последних, кто расстался с монархическим принципом.

А. Ф. Керенский пишет о важности политической интуиции в работе государственного деятеля, особенно тогда, «когда минуты равняются нескольким месяцам или даже годам». В таком случае несоответствие политической программы требованиям момента «становится поистине катастрофическим». ¹⁶ Так он говорит, что программа внешней политики, которую Милюков имел на момент вступления в должность министра иностранных дел, была уместна в 1916 г. «Однако в марте 1917-го она уже ничего не стоила, превратившись в простой исторический документ, который надо было отправить в архив», – пишет он. ¹⁷ «Бедой обернулся отказ Милюкова согласовать свои декларации (в частности его апрельское заявление по вопросам внешней политики – *И. О.*) с новой психологией народа». ¹⁸

В 1917 г. прошло четыре съезда партии народной свободы. 7-й съезд (25–28 марта 1917 г.) постановил, что «Россия должна стать демократической республикой». На 8 съезде (9–12 мая 1917 г.) партия практически вернулась к той аграрной программе, которую она отстаивала в 1905 г. Это было важно в условиях развертывавшейся борьбы крестьянства за землю, но более радикальные требования в земельном вопросе были в программах большевиков и эсеров.

Позиция, занятая кадетами в связи с корниловским выступлением в августе 1917 г., свидетельствует о том, что Милюков совершенно отчетливо представлял, что противостояние в августе действительно было судьбоносным: один из разделов в его книге «История второй русской революции» называется «Корнилов или Ленин?»

После поражения большевиков в июльские дни идет нарастание опасности справа, причем намечается решение проблем с помощью воен-

¹⁵ Там же. С. 124.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 125.

ной диктатуры. На Государственном совещании в Москве (12–15 августа 1917 г.) происходило зондирование почвы генералом Корниловым на предмет поддержки выступления военных «во имя спасения России».

20 августа ЦК партии кадетов обсуждал политическое положение после Государственного совещания. В выступлениях А. В. Карташева, А. И. Шингарева, А. В. Тырковой, самого П. Н. Милюкова речь шла о неизбежности «хирургической операции».¹⁹

В монографии В. Д. Поликарпова приводятся интересные ответы Милюкова на вопросы одного из корреспондентов в августе 1917 г. (по архивным материалам): «Того, что случилось, мы, конечно, не ожидали и не хотели. Вы знаете, что цель наша ограничивалась достижением республики или же конституционной монархии с императором, имеющим лишь номинальную власть... Полной разрухи мы не хотели...» И далее: «Что же делать теперь, спросите Вы... Не знаю. То есть внутри мы оба знаем, что спасение России в возвращении к монархии, знаем, что все события последних месяцев показали, что народ не способен был воспринять свободу...»²⁰

Приведенные суждения показывают, насколько Милюков был способен менять свои взгляды под влиянием обстоятельств, причем далеко не всегда принимал лучшее решение (это касается поддержки Корнилова).

После провала выступления генерала Корнилова в августе 1917 г. руководители кадетской партии продолжали считать, что только твердая диктатура может вывести страну из кризиса. Милюков был избран в Учредительное собрание от Петрограда, но после Декрета СНК «Об аресте вождей гражданской войны против революции» от 28 ноября 1917 г., поставившего вне закона партию кадетов, он вынужден был покинуть столицу. Он едет в Москву, потом в Новочеркасск, где присоединяется к Добровольческой армии генерала М. В. Алексеева (Декларация была составлена Милюковым).

В 1918 г. Милюков делает неудачный ход, вызвавший неодобрение большинства партии кадетов: в Киеве он пытался убедить германское командование финансировать антибольшевистское движение. В письме к генералу Алексееву 19 мая 1918 г. он писал, что германцы ставят условие – возвращение России к конституционной монархии. Милюков считал, что даже если это будет ультимативное требование, его надо принять: «Я при-

¹⁹ Революционное движение в России в августе 1917 г.: Разгром корниловского мятежа. М., 1959. С. 372 – 376.

²⁰ Цит. по: *Поликарпов В. Д.* Военная контрреволюция в России. 1905 – 1917. М., 1990. С. 250.

нимаю конституционную монархию (не Николая, конечно), если она вернет России единство и старые границы».²¹

Поскольку переговоры с германским командованием не были поддержаны большинством партии кадетов, Милюков сложил с себя обязанности председателя ЦК партии (затем переговоры были признаны ошибочными).²²

Не останавливаясь на дальнейших попытках Милюкова содействовать антибольшевистской борьбе, обратимся к событиям 1920–1921 гг. В мае 1920 г. Милюков выступил на заседании Парижского комитета партии кадетов с тезисами «новой тактики» партии. После эвакуации войск Врангеля из Крыма в ноябре 1920 г. Милюков сделал заявление, что «Россия не может быть освобождена вопреки воле народа.» В декабре 1920 г. он составляет программную записку «Что делать после Крымской катастрофы?» Изложенные в ней положения «новой тактики» предполагают отказ от продолжения вооруженной борьбы внутри России и от ставки на иностранную интервенцию. Милюков рассчитывал, что эта программа будет поддержана не только кадетами, но и близкими к ним силами в эмиграции. Но большинство парижской группы кадетов не поддержало Милюкова. В июне 1921 г. Милюков пошел на раскол группы. Была создана «Парижская демократическая группа партии народной свободы», которая в 1924 г. была преобразована в «Республиканско-демократическое объединение» (РДО).²³

Милюков оставался влиятельной фигурой эмиграции, в 1921–1940 гг. был редактором выходившей в Париже ежедневной газеты «Последние новости». Написал ряд работ по истории русской революции («История второй русской революции»: Вып. 1–3. Париж, 1921–1924, «Россия на переломе: Большевицкий период русской революции». Т. 1–2, Париж, 1927 и другие работы).

Мы остановимся на небольшой работе Милюкова, выпущенной в 1929 г., представляющей его позицию по вопросу о грядущей форме правления для России, имевшем политически важное значение для русской эмиграции.²⁴ Брошюра начинается с главки «Нужно ли решать вопрос теперь?», «Возможно ли и нужно ли, чтобы после революции Россия стала

²¹ Цит. по: *Поликарпов В. Д.* Военная контрреволюция в России. С. 334.

²² Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 364.

²³ Там же.

²⁴ *Милюков П. Н.* Республика или монархия. Издание Республиканско-демократического объединения, 1929. (Репр. 1996).

республикой, а не монархией?» – ставит вопрос Милюков. Далее, следует ли решать это теперь? «Не лучше ли отложить его решение до тех пор, когда действительно совершится падение большевицкого (так в тексте – *И. О.*) строя и когда народная воля решит сама, какой строй должен существовать в будущей России?»²⁵

Милюков считает, что ставить этот вопрос важно и нужно и что за «непредреждением» часто скрывается именно предрешение – в смысле восстановления монархии. Он развертывает аргументацию в пользу республики. Во-первых, Россия уже двенадцать лет (1917–1929) является республикой, «очень плохой республикой, конечно, но все же республикой». Т. е. это факт, а требуется, чтобы он превратился в право. «Чтобы он мог стать правом, русская республика должна быть осознана всей народной массой, как право; без этого не может быть и того проявления народной воли, которое одно может дать России новый республиканский правовой порядок».²⁶ Милюков выступает именно за сознательное восприятие республиканского строя народной массой: «Оставшись слепой в этом вопросе, масса может перейти от безвольного принятия одного факта – большевистского строя – к такому же принятию какого-либо противоположного факта, – вроде фашистской диктатуры...»²⁷

В последующих главах он разъясняет, что республика – «лучший государственный строй для народов, достигающих достаточной ступени народного развития», является формой, «соответствующей высшей точке развития народного организма».²⁸

Монархия же – «патриархальная и наследственная монархия, подкреплявшая себя “Божьей милостью” быстро отходит в прошлое». И если где монархия сохранилась, то давно уже «отказались от претензий на божественное происхождение и от права стоять выше народной воли».²⁹ Если в ряде стран монархия сохранилась, то в них она уже «приспособилась к республиканской сущности». Для таких стран вопрос о выборе между монархией и республикой безразличен, но «Россия не принадлежит к числу этих стран».³⁰

«Русская старая монархия пропустила все сроки для мирного пре-

²⁵ Там же. С. 3.

²⁶ Там же. С. 3 – 4.

²⁷ Там же. С. 4.

²⁸ Там же. С. 4 – 5.

²⁹ Там же. С. 5.

³⁰ Там же. С. 6.

вращения в такого рода «парламентарную» монархию», – пишет Милюков.³¹ Попытки провести параллели между Россией и странами Азии тоже не работают, считает он.

Делая экскурс в историю, он отмечает: «Власть московского царя XVII столетия была построена на старорусском вотчинном начале власти: царя – собственника земли, царя хозяина.

Самодержавию так и не удалось до конца сойти с этой породившей его почвы. ... Русская монархическая власть осталась до конца патриархальной. Это ее и погубило».³²

«Борьба самодержавия с общественностью тянулась целый век. ... Самодержавие сделало, наконец, в тяжелую минуту запоздалую и неискреннюю уступку, в виде слабого и непоследовательного подражания единственному уцелевшему в Европе дворянско-военно-монархическому образу – германскому. Так появилась Государственная Дума и апрельские основные законы 1906 г. Но они уже не могли удовлетворить народ. В течение десяти лет существования Государственной Думы продолжалась скрытая борьба: с одной стороны стоял республиканский парламентаризм интеллигенции и черный передел крестьянства, с другой стороны – ложный конституционализм царя и царицы, все еще надеявшихся, что самодержавное “солнце правды воссияет как встарь”».³³

Милюков отмечает, что царская монархия «упорно хотела остаться вотчинной» и упорно не хотела пойти туда, куда ее звал «закон эволюции» – «к монархии конституционной». Она продолжала держаться «практикой постоянно усиливавшегося насилия».³⁴

Он оценивает «трагический документ монархии» – письма императрицы Александры Федоровны как исторический источник. Публикация их произвела сильное впечатление на многих современников. Милюков отмечает, что этот источник обнаруживает, «в какой целостности и неприкосновенности сохранилась до самого падения монархии немудрая, почти инстинктивная вотчинная теория самодержавия».³⁵ Само существование этого документа, по его мнению, избавляет от необходимости доказывать, почему революция сделалась неизбежной. «Нам надо только выяснить, почему с тех пор монархия стала в России окончательно невозможна, а республика

³¹ Там же.

³² Там же. С. 8 – 9.

³³ Там же. С. 9 – 10.

³⁴ Там же. С. 10.

³⁵ Там же.

необходима».³⁶

То, о чем он пишет далее, можно назвать обоснованием нового республиканизма Милюкова. Он исходит из того, что в течение двенадцати лет республика уже существует в России – хотя это республика особого рода: «Практика большевистского беззакония и бесправия не может идти в сравнение ни с каким насилием самодержавного режима и отнюдь не может облекаться в какое-либо право».³⁷

Милюков считает, тем не менее, что это отнюдь не значит, «чтобы массы представляли себе восстановление России как простое возвращение к старому порядку».³⁸ В чем же причина выжидательного отношения со стороны масс «к дрящемуся беззаконию»? Это не объяснить «одной простой усталостью в борьбе против насильников». «Массы признали революцию с самого начала своею, происшедшей в их интересах». «Инстинкт подсказывает им, что с новой властью (если случится перемена – *И. О.*) могут явиться мстители, которые отнимут то, что дала революция. Речь, конечно, идет, главным образом, о земле».³⁹

Он отмечает, что «первый и самый сильный довод против возвращения монархии есть связь монархии с бывшими помещиками».⁴⁰

Другую причину он видит в том опыте, который получило население от «белого движения». «Дело белого движения было проиграно не только с того времени, когда белая армия оттолкнула от себя население своим поведением, а белые вожди своими антидемократическими реформами». И далее: «С первых ее шагов дело белой армии было погублено в глазах масс тем, что это была “классовая армия”».⁴¹ Она стала такой, потому что крестьянство не шло добровольно в эту армию.

Далее он переходит к идее монархии, которая оживает в определенных кругах эмиграции. И хотя монархисты «пытаются в последнее время переодеться в демократический костюм, этому маскараду никто не верит».⁴² Причем речь идет не просто об идее монархии, а именно о возвращении к старой монархии, к прежнему самодержавию.⁴³

Милюков показывает, за лозунгом «непредрешенчества» будущей

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 11.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 12.

⁴¹ Там же. С. 14.

⁴² Там же. С. 16.

⁴³ Там же. С. 16.

власти, которая придет на смену большевистской, скрывается именно идея монархии. Иногда в качестве аргумента используется тезис о том, что монархия будет более сильной властью. Милюков считает, что это не так: «в монархии старого типа – монархии, пережившей себя, сильная власть невозможна».⁴⁴

Отбивает он также аргумент о том, что монархия может лучше управлять другими национальностями. В этой области он также видит преимущества демократической республики, федеративного объединения.⁴⁵

Вывод Милюкова: демократическая республика «не только является принципиально наиболее желательной заменой советской власти, но и наиболее вероятной».⁴⁶

Что касается так называемого «непредрешенчества», то, по Милюкову, – это «тоже вид политики, обыкновенно прикрывающей готовое антидемократическое решение, в котором неудачно сознаться публично».⁴⁷

Иногда ссылаются на неготовность к демократии, «дикость русско-го крестьянства» и т. д. «Ответ на это не труден, – пишет Милюков. – Демократические учреждения сами воспитывают массы. Никакая демократия не осуществилась бы, если бы стали ждать, пока вся народная толща дорастет до полной политической сознательности». К тому же «русская народная масса не в такой уже степени неготова». «Сознательность масс в условиях гражданской войны развилась фактически до невероятных размеров».⁴⁸

«Когда мы теперь говорим, что народ сам решит свою политическую судьбу, – это не голая фраза, а признание факта, созданного двенадцатью годами непосредственного участия масс в народной революции».⁴⁹ Так завершает он раздел «Созрела ли русская демократия?»

Автор просит читателя извинить за слишком подробное изложение, но нам казалось уместным остановиться на этой мало известной работе П. Н. Милюкова. Эта книжечка – результат размышлений известного историка и опытного политика над свершившимися эпохальными и катастрофическими событиями на его родине. Его оценки и аргументация представляют значительный интерес. Перед нами предстает человек, преданный демократическим ценностям, желающий блага своему Отечеству.

⁴⁴ Там же. С. 18.

⁴⁵ Там же. С. 18 – 20.

⁴⁶ Там же. С. 27 – 28.

⁴⁷ Там же. С. 30.

⁴⁸ Там же. С. 28 – 29.

⁴⁹ Там же. С. 29.

Е. Ф. Мосин*

НАЛОГОВОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ В РОССИИ В ЭПОХУ ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ: ЗАМЫСЛЫ, ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ

В отличие от древнерусской истории налогов, о которой В. О. Ключевский писал: «Я не решаюсь сказать, с какой степенью подробности должны мы изучить терминологию древнерусских налогов. Это самая запутанная, т. е. наименее изученная, сфера явлений нашей древней истории...»¹, история налогов (налоговой политики, налогового администрирования, налоговой системы) в России в эпоху, предшествующую Первой мировой войне, изучена довольно тщательно.² Что же касается налоговой политики, налогового администрирования, налоговой системы России в хронологически узкий, но исторически исключительно важный период, включающий Февральскую и Октябрьскую революции 1917 г. и последующее примерно пятилетие «военного коммунизма», то серьезных аналитических работ по этим вопросам немного, хотя это один из тех отрезков истории, к которым применимо сказанное: «Историк вынужден разделять изучаемый им материал на “периоды”, которые так замечательно определены Оксфордским словарем как “хорошо различимые отрезки истории”».³

Думается, что в значительной степени слабый интерес исследователей к налоговой проблематике указанного периода объясняется тем, что это период, когда старая налоговая система разрушается почти полностью, а относительно стабильная новая налоговая система появляется уже за его пределами, да и она держится недолго. К тому же налоговая политика и система налогов этого периода так же уникальны в истории, как уникальна совокупность политических, экономических и социальных условий того времени, о которых даже нельзя с уверенностью сказать, что они вызвали к

* Кандидат технических наук, доцент кафедры правового регулирования экономики Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, адвокат Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов.

¹ Ключевский В. О. Терминология русской истории // Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т. 6. Специальные курсы. С. 158.

² Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шацлло М. К. История налогов в России. IX – начало XX в. М., 2006; Козлов С. А., Дмитриева З. В. Налоги в России до XIX в. СПб., 2001; Толкушкин А. В. История налогов в России. М., 2001.

³ Панофский Э. Готическая архитектура и схоластика // Богословие в культуре Средневековья. Киев, 1992. С. 52.

жизни такую налоговую политику и привели к такой системе налогов, ибо нельзя забыть об уникальных личностях той эпохи, без которых выработка и проведение этой политики, как части общегосударственной политики, были бы невозможны (нечто похожее и одновременно противоположное проблеме, с которой Россия столкнулась в конце XX в.⁴). К тому же учеными той эпохи налоговая проблематика указанного периода, по-видимому, считалась «опасной»; иным вряд ли можно объяснить, что она почти не анализируется в работе проф. А. А. Соколова «Теория налогов» (1928 г.)⁵ – первой работе по теории налогов из разряда фундаментальных монографий за 40 лет, прошедших после издания в 1887 г. монографии проф. А. А. Исаева по теории и политике налогов.⁶ К этому стоит добавить, что в более позднее советское время налоговая тема в истории СССР вообще считалась мало интересной и уж точно не актуальной.

Налоговые вопросы эпохи потрясений и изменений основ государственного строя в России начала XX века стали привлекать внимание отечественных исследователей лишь сравнительно недавно, когда налоговая тема стала одной из важнейших для общества и государства, как перестроенного, так и постперестроенного периодов. Поэтому долгое время оставались малоизученными многие вопросы налоговой политики и налогового администрирования той эпохи, в частности, история возникновения, характер и содержание идей, замыслов и планов налогового администрирования, разрабатывавшихся Временным правительством и ведущими политическими партиями России, метаморфозы, происходившие с этими замыслами и планами при попытках претворения их в жизнь, крушение одних замыслов и планов и возникновение на их обломках других, принципиально новых, реализация которых вела к результатам, совершенно неожиданным для тех, кто разрушал старую налоговую систему. А ведь к любому государству и к любому периоду его истории относится сказанное немецким историком на тему о налогах во Франкском государстве при династии Меровингов: «... налоговое дело, подобно суставу, связывает между собой власть имущих, подданных, государство и общество. В праве обложения налогом, задачах налогообложения и практике взимания налогов просматриваются основы и условия господства государства. Тщательный анализ налогового права и налоговых реальностей дает возможность познакомиться также с укладом и

---

⁴ Попов Г. Проблемы выхода из социализма // Вопросы экономики. 2006. № 4.

⁵ Соколов А. А. Теория налогов. М., 2003.

⁶ Исаев А. А. Очерк теории и политики налогов. М., 2004.

условиями жизни всех проживающих в государстве социальных групп».⁷

Со времен античных Греции и Рима известно, что система налогов не может быть одинаково эффективной и для мирного, и для военного времени. Однако эффективное налоговое администрирование, если под ним понимается организационно-управленческая система (подсистема налоговой системы), призванная обеспечивать надлежащее управление налоговыми отношениями, должно быть таким, чтобы властные органы могли в случае войны осуществить необходимую перестройку налоговой системы, не вызывая этим катастрофических социально-политических изменений в государстве. В России же оказалось, что система налогового администрирования, как, впрочем, и вся государственная система не допускает коренного реформирования в сравнительно короткий отрезок времени, и при попытке такого реформирования ломается, причем почти полностью.

Интересно, что в финансовом обеспечении участия России в Первой мировой войне собственно налоговые доходы играли весьма второстепенную роль; до Февральской революции фактически все финансирование ведущейся войны осуществлялось за счет трех источников: эмиссии бумажных денежных знаков, внутренних и внешних правительственных займов. Налоговая система в ее предвоенном виде финансировать войну не могла в принципе, ибо к 1917 г. затраты на войну, проводившиеся по статьям так называемого «чрезвычайного» бюджета, примерно в 9 раз превышали расходную часть бюджета 1913 г.⁸ К тому же «сухой закон», введенный в сентябре 1914 г., лишил казну доходов от винной монополии, доля которых в довоенном бюджете составляла в разные годы от 26 до 40%. В результате бывший до войны профицитный государственный «обыкновенный» бюджет стал дефицитным в 1914 и 1915 гг., но уже в 1916 г. удалось закончить с профицитом за счет весьма существенного увеличения налоговых ставок. Но никакое увеличение налогового бремени не могло бы решить проблему финансирования войны. Последнее было обеспечено лишь за счет отсрочки финансового покрытия войны и перекладывания значительной части отсроченного покрытия с населения, современного войне, на его потомков путем «отстранения» налоговой системы от наполнения «чрезвычайного», собственно военного бюджета (если считать, что за инфляцию «расплачиваются» ее современники, то перекладываемую на потомков часть можно

⁷ *Орт Э.* О королевской казне и земельном кадастре. Развитие налогов во Франкском государстве // Все начиналось с десятины: этот многоликий налоговый мир / Пер. с нем.; под общ. ред. Б. Е. Ланина. М., 1992. С. 125.

⁸ *Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шаццло М. К.* История налогов в России. С. 263.

оценить в 2/3 всего финансового обеспечения войны).

Именно поэтому налоговое администрирование той эпохи следует рассматривать в тесной связи с финансовым администрированием, а политическую и экономическую историю той эпохи – в тесной связи с ее финансовой историей. Как писал знаменитый австрийский экономист первой половины XX века Й. А. Шумпетер: «каков дух народа, на какой ступени развития культуры он находится, как выглядит его социальная структура, что его политика может дать предприятиям – все это и многое другое записано целыми фразами в истории финансов. Тот, кто в состоянии понять ее язык, тот слышит раскаты грома мировой истории яснее, чем где-то в другом месте». ⁹ Заметим, что Ленин, знакомый, судя по его «Тетрадам по империализму» ¹⁰, с ранними работами Шумпетера, выступая на I Всероссийском съезде представителей финансовых отделов советов, говорил: «...Всекие радикальные реформы наши обречены на неудачу, если мы не будем иметь успеха в финансовой политике». ¹¹

Признав финансовые долги царской России и ее нефинансовые обязательства перед союзниками по войне, Временное правительство было вынуждено продолжить прежнюю финансовую политику России с ее опорой на денежную эмиссию и государственные займы, но уже в тяжелейших условиях государственной, политической, экономической и социальной нестабильности и на фоне все возраставших требований левых партий о переложении основной части налогового бремени на имущий класс. В таких условиях быстро и кардинально изменить доставшуюся от первых лет войны денежно-кредитную и налогово-бюджетную политику вряд ли было возможно, но даже если бы это и было возможно, то Временное правительство на это было не способно. К тому же денежная эмиссия за период с марта по ноябрь 1917 г. в объеме, почти равном объему эмиссии за весь предыдущий период войны, ¹² оказалась сильнейшим инфляционным налогом, значительно усугубившим тяготы основной массы населения, в первую очередь городского (инфляция ухудшает положение бедных слоев всегда относительно больше, нежели богатых).

⁹ Цит. по: *Витт П.-К.* «Патриотический дар» и «спекуляция на хлебе». Свод финансово-правовых постановлений и политическая система Германской империи (1871–1914) // Все начиналось с десятины: этот многоликий налоговый мир. С. 284.

¹⁰ *Ленин В. И.* Тетрады по империализму // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 28. С. 48, 49.

¹¹ *Ленин В. И.* Доклад на I Всероссийском съезде представителей финансовых отделов советов 18 мая 1918 г. // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 351.

¹² *Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шацлло М. К.* История налогов в России. IX – начало XX в. С. 278.

В обстановке растущей ожесточенной критики слева, подпитываемой массовыми народными выступлениями, и в сочетании с поражениями на фронте Временное правительство в качестве компромисса и одновременно уступки левым партиям и левым настроениям населения приняло 12 июня 1917 г. три налоговых постановления: «Об установлении единовременного налога» (должен был взиматься с прибыли физических и юридических лиц, превышавшей 10 тыс. рублей, причем по ставке до 90%); «О повышении окладов государственного подоходного налога» (предусматривалось увеличение необлагаемого минимума, резкий рост налоговых ставок и прогрессивная шкала); «Об изменении оснований взимания и размеров временного налога на прирост прибылей торгово-промышленных предприятий и вознаграждения личных промысловых занятий» (закон предусматривал высокие налоговые ставки и имел обратную силу в пределах 1916 г., поскольку под еще более длинным названием был установлен 13 мая 1916 г. Советом Министров царской России, но не действовал).

Эти налоги были встречены сильной критикой и слева – как недостаточно радикальные (при том, что в мировой налоговой практике не было аналогов по тяжести налогового бремени, направленно возлагаемого на предпринимателей), и справа (со стороны самих предпринимателей) – как фактически конфискационные в своей совокупности налоги. В частности, В. И. Ленин в газете «Правда» писал: «Не ясно ли, что правительственные угрозы капиталистам, правительственные обещания рабочим, правительственные проекты и законы о взимании 90 % прибыли с крупнейших капиталистов – пустышка и ничего более, как пустышка, пока не отменена коммерческая и банковская тайна?».¹³ К тому же свое отношение к акционерам В.И. Ленин выразил еще в 1913 г., по результатам анализа роста акционерного капитала российских страховых обществ за 1902–1911 гг.: «Господа же акционеры обогатились *за* то, что они *не* работали».¹⁴ Любопытно, что в мае 1917 г. В. И. Ленин, с одной стороны, одобряя направленность налоговой политики Временного правительства, а, с другой, оценивая ее как «безмерные обещания», утверждал, что «мы можем и должны быть умереннее, переходить постепенно к более справедливому обложению, мы отделим акционеров мелких и акционеров-богачей, мы возьмем совсем мало с первых, мы возьмем очень много (но не обязательно все) только со вторых».¹⁵

¹³ Ленин В. И. Как прячут прибыли господа капиталисты (к вопросу о контроле) // Ленин В. И. Полн. собр. соч.. Т. 32. С. 394.

¹⁴ Там же. С. 394.

¹⁵ Там же.

На государственном бюджете новые налоги не сказались, т. к. собрать их не удалось, что неудивительно, ибо, во-первых, в самом Временном правительстве не было полной уверенности в правильности такой налоговой политики, а во-вторых, у буржуазии (а именно ее прибыль приносилась в жертву этой политикой) не было уверенности в том, что такой ценой можно стабилизировать положение в стране. Ведь всего лишь за два месяца до принятия налоговых постановлений мнение «публики» о положении Правительства «недурно выразил какой-то публицист какой-то буржуазной газеты. “Как! – писал он. – Рабочая и солдатская организация своим решением может устранить правительство в 5 минут. В 5 минут “рассчитать” всенародно утвержденное правительство! Да зачем же нам такое правительство, какое солдаты и рабочие могут рассчитать в 5 минут? Ведь никто не имеет права сделать это даже с собственной кухаркой: и ей необходимо дать две недели сроку. Нет, такое правительство решительно ни к чему. И такое общее положение, по меньшей мере, странно”». ¹⁶ В результате в предпринимательской среде эти налоговые постановления лишь навредили авторитету и без того неуверенного в себе Временного правительства и ко всем прочим кризисам добавился налоговый кризис.

В отличие от Временного правительства новое, советское правительство под руководством В. И. Ленина неуверенностью в себе не страдало и уплаты всех трех вышеуказанных налогов потребовало без колебаний, а 30 ноября 1918 г. декретом ВЦИК и СНК был введен единовременный чрезвычайный десяти миллиардный революционный налог, дополнивший взимаемые прямые налоги. Тем более, что в отличие от Временного правительства, и не помышлявшего о применении смертной казни за «возбуждение населения к неплатежу налогов», Уголовный кодекс РСФСР, введенный постановлением ВЦИК от 01.06.1922, «в целях ограждения рабоче-крестьянского государства и революционного правопорядка от его нарушителей и общественно опасных элементов и установления твердых основ революционного правосознания», такое предусматривал в определенных ситуациях – статьи 62 и 69; конфискация же всего имущества налогоплательщика предусматривалась даже в случае просто повторного неплатежа налога – статья 79. ¹⁷

И уже в апреле 1918 г. в своей программной работе «Очередные задачи советской власти» В. И. Ленин писал: «С взиманием налогов вообще,

¹⁶ Суханов Н. Н. Записки о революции: В 3-х т. М., 1991. Т. 2. С. 108.

¹⁷ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. 01.06.1922. № 80. Ст. 153.

а поимущественного и подоходного налога в особенности, мы тоже чрезвычайно сильно отстали. Наложение контрибуций на буржуазию – мера, принципиально безусловно приемлемая и заслуживающая пролетарского одобрения, – показывает, что мы стоим еще в этом отношении ближе к приемам отвоевания (России от богатых для бедных), чем к приемам управления. Но, чтобы стать сильнее и чтобы прочнее встать на ноги, мы должны перейти к этим последним приемам, мы должны заменить контрибуцию с буржуазии постоянным и правильно взимаемым поимущественным и подоходным налогом, который даст *больше* пролетарскому государству и который требует от нас именно большей организованности, большего налажения учета и контроля».¹⁸

Впрочем, одновременно с этим, исходя из того, что «буржуазия побеждена у нас, но она еще не вырвана с корнем, не уничтожена и даже не сломлена еще до конца», «на очередь дня выдвигается поэтому новая, высшая форма борьбы с буржуазией, переход от простейшей задачи дальнейшего экспроприирования капиталистов к гораздо более сложной и трудной задаче создания таких условий, при которых бы не могла ни существовать, ни возникать вновь буржуазия».¹⁹

Акцент, сделанный В. И. Лениным на поимущественном и подоходном налогах, объясняется его ошибочными с точки зрения современной теории налогообложения представлениями об эффективной системе налогов, в результате которых он считал необходимым уже при капитализме полную отмену всех косвенных налогов и замену их «настоящим, а не игрушечным, прогрессивно-подоходным налогом»²⁰, хотя он и был прав, когда утверждал, что «чем богаче человек, тем меньше он платит из своих доходов косвенного налога», из чего он делал вывод, что «поэтому косвенные налоги – *самые несправедливые*. Косвенные налоги, это – налоги на бедных».²¹ Заметим, что в дореволюционной России на протяжении ряда лет основным источником доходов государственного бюджета были именно косвенные налоги.²²

Вместе с тем В. И. Ленин признавал невозможность решения финан-

¹⁸ Ленин В. И. Очередные задачи советской власти // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 183.

¹⁹ Там же. С. 175.

²⁰ Ленин В. И. Капитализм и налоги // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 244 – 245.

²¹ Ленин В. И. К деревенской бедноте. Объяснение для крестьян, чего хотят социал-демократы // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 172.

²² Грачева Е. Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля. М., 2000. С. 53.

совых проблем без соответствующего финансового аппарата государства. Выступая по финансовому вопросу на заседании ВЦИК 18 апреля 1918 г., он отмечал: «Если бы мы пытались провести в жизнь какое-нибудь налоговое обложение, мы сейчас наткнулись бы на то, что отдельные области в настоящее время проводят налоговое обложение, кто как вздумает, кому как придется, кому как позволяют местные условия».²³ Опасения были обоснованными: даже спустя 4 года после этого выступления Ленину пишут о «назначении несоразмерных урожаю ставок», «превышении власти при сборе продналога» и «истязании крестьян».²⁴ Но Народный комиссариат финансов был учрежден 8 ноября (26 октября) 1917 г., и уже 30 ноября (13 декабря) 1917 г. Совнарком принимает декрет «О взимании прямых налогов», которым постановляет: «последним сроком для взноса государственного подоходного налога по окладам, установленным постановлением Временного правительства от 12 июня 1917 года, определить 15-е декабря 1917 года.... Лица, не внесшие подоходного налога полностью к 20-му декабря 1917 года, подлежат, кроме мер, указанных в законе, денежным взысканиям вплоть до конфискации всего имущества. Лица, умышленно задерживающие уплату налога, подлежат тюремному заключению до пяти лет» и требует уплачивать прочие налоги, предусмотренные законом от 12 июня 1917 г.²⁵ Первый акт советского бюджетного права – Правила составления, рассмотрения и утверждения смет на январь–июль 1918 г. – был издан 28 января 1918 г.; впоследствии полугодовые бюджеты сменяются годовыми.²⁶

Но, как прежде Временному правительству, советской власти на первых порах также не удалось сформировать бюджет за счет налогов, и основным источником доходов для центра стала денежная эмиссия, а на местах – контрибуции.²⁷

Одно время (ноябрь–декабрь 1920 г.) на заседаниях Совнаркома обсуждался вопрос об отмене денежных налогов вообще, была создана «Комиссия об отмене денежных налогов» (ее председателю В. И. Ленин пи-

---

²³ Ленин В. И. Речь по финансовому вопросу на заседании ВЦИК 18 апреля 1918 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 226.

²⁴ Ленин В. И. Письмо С. Е. Чуцаеву от 06.03.1922 // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 200.

²⁵ ИПС «КонсультантПлюс».

²⁶ Пушкарёва В. М. История финансовой мысли и политики налогов. М., 1996. С. 44.

²⁷ Черник Д. Г., Починок А. П., Морозов В. П. Основы налоговой системы. М., 1998. С. 78.

шет: «Переход от денег к безденежному продуктообмену бесспорен»²⁸) и 3 февраля 1921 г. Президиум ВЦИК принял постановление о приостановке взимания всех общегосударственных и местных налогов. Но вскоре эпоха «военного коммунизма» закончилась и ставшая на повестку дня новая экономическая политика (НЭП) потребовала как новой финансовой политики, так и новой налоговой политики; необходимость налоговой системы стала очевидной. Однако если новая система налогов была создана довольно быстро, то налоговая система появилась спустя почти десятилетие; до этого на протяжении 20-х годов о системе говорить можно лишь с натяжкой (к концу 20-х годов в СССР насчитывалось 86 видов платежей в бюджет²⁹), хотя, конечно, определенные системные черты уже проявились.³⁰

Не только налоговое, но и все в целом законодательство в переходный период В. И. Ленин рассматривал как временное, допускающее любые нужные революции изменения, указывая в июле 1918 г. в докладе Совнаркома V Всероссийскому Съезду Советов рабочих, крестьянских, солдатских и красноармейских депутатов, что «плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона. Законы в переходное время имеют временное значение. И если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется».³¹ И не только в налоговой сфере «новый взгляд на право заключался в том, что право может выполнять революционную роль».³²

---

²⁸ Ленин В. И. Письмо С. Е. Чущкаеву ... С. 22.

²⁹ Налоги и налоговое право / Под ред. А. В. Брызгалина. М., 1998. С. 29.

³⁰ Розова М. А. Способы уклонения от уплаты налогов в годы НЭПа по данным Петрограда-Ленинграда // Ученые записки юридического факультета СПбГУЭФ. 2004. № 1; Уруймагов М. В. Дискуссионный аспект проведения налоговой реформы 1930 года в СССР // Финансы и бизнес. 2007. № 2.

³¹ Ленин В. И. Доклад Совета Народных Комиссаров 5 июля 1918 года V Всероссийскому Съезду Советов рабочих, крестьянских, солдатских и красноармейских депутатов // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 504.

³² Кравец И. А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. СПб., 2004. С. 92.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Л. А. Мусаелян*

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ А. С. БОНДАРЕВА
«ПРАВОВАЯ АНТИКУЛЬТУРА В ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ОБЩЕСТВА»
(ПЕРМЬ, 2006. 192 с.)**

Реформы 90-х годов прошлого века, сопровождавшиеся ослаблением политико-правовых институтов и общественной жизни, обусловили масштабную криминализацию нашего общества. В немалой степени этому способствовала и экономическая элита страны обратившаяся к народу с лозунгом Н. Бухарина «обогащайтесь, кто как может!». В результате правовой нигилизм, анархизм и другие феномены антиправовой культуры приобрели широкое распространение во всех сферах общественной жизни, во всех слоях российского общества. Страна впала в крайне опасный для существования самого государства антиправовой штопор. В этой связи проблема, которая исследуется автором рецензируемой работы, имеет не только важное теоретическое, практическое, но и политическое значение.

Очевидная социальная опасность масштабного распространения в обществе антипода правовой культуры привлекала к этой проблеме внимание многих ученых-юристов.¹ Однако до сих пор в литературе отсутствовал системный анализ процессов, а без этого невозможно разработать эффективную программу практического преодоления кризиса в сфере права, и следовательно, восстановить управляемость общественной жизни,

---

* Доктор философских наук, профессор, Пермский государственный университет.

¹ См.: Кузнецов О. А., Усманов Н. М. Объективные условия, оказывающие влияние на обновление и развитие правовой культуры сотрудников органов внутренних дел // Юридическое образование и наука. 2006. № 1.

обеспечить нормальное функционирование и развитие общества. Работа А. С. Бондарева как раз представляет комплексное исследование антиправовой культуры как системного общественного явления. Причем, автор не ограничивается теоретическим анализом этой чрезвычайно актуальной для нашего общества проблемы, но и предлагает конкретные методы ее решения, демонстрируя, таким образом, свою активную гражданскую позицию.

Работа состоит из предисловия, четырех глав и заключения. В предисловии А. С. Бондарев показывает актуальность темы исследования и особенности своего подхода к ее изучению. По мнению автора, правовая культура и правовая антикультура могут быть исследованы при ценностном подходе к правовому пространству. По основным элементам своего содержания эти два социальных феномена являются зеркальными антиподами друг для друга, как «+» и «-» (отсюда и необходимость комплексного исследования – Л. М.). Правовая антикультура в России приобрела угрожающие масштабы и, чтобы вести с ней эффективную борьбу, надо выяснить «ее природу и сущность, содержание, структуру, формы выражения в различных сферах правовой жизни» и «овладеть искусством перевода ее структурных элементов из отрицательных в положительные» (с. 6, 7). Забегая вперед, скажем, что автор вполне справился с поставленной задачей.

В первой главе А. С. Бондарев рассматривает правовое пространство, его структурные компоненты и их взаимоотношения. К правовому пространству автор относит те общественные отношения, которые нуждаются в правовом регулировании. Общественные отношения, не относящиеся к праву, образуют правосвободное пространство. Оба эти пространства взаимосвязаны, постоянно изменяются, их взаимоотношения зависят от уровня развития правовой культуры.

Во второй главе книги анализируется правовая антикультура, ее сущность, содержание и формы выражения. По мнению А. С. Бондарева, правовая культура и антикультура в разных пропорциях присутствуют у одних и тех же субъектов права. Поэтому, как полагает автор, понять каждую из них в отрыве от своего антипода невозможно (с. 13–25). Автор предваряет исследование этих правовых феноменов анализом различных концепций культуры. Ученый отдает предпочтение аксиологической (позитивной) теории, которая относит к культуре лишь положительные достижения человечества, способствующие совершенствованию человека. Соответственно к антикультуре автор относит «все факторы отрицательной человеческой деятельности, препятствующие нормальному развитию человека и обще-

ства» (С. 15). Эта исходная философская парадигма и подход А. С. Бондарева к трактовке правовой культуры и правовой антикультуры. Но почему-то вне поля зрения автора остается антропологическая концепция культуры, которая, на наш взгляд, более всего подходит к исследованию обозначенной проблемы. В контексте анализа культуры эта теория даже не упоминается. Между тем антропологическая теория права достаточно известна среди ученых-юристов.

По мнению А. С. Бондарева, правовая культура характеризует «степень правовой развитости, правового совершенства субъектов права, уровень способности их качественно творить и эффективно использовать необходимые правовые средства для достижения своих правовых целей, интересов и потребностей» (С. 18). В правовой культуре (и антикультуре) автор выделяет две связанные между собой стороны: видимую, проявляющуюся в форме правомерного (неправомерного) поведения, и невидимую, существующую в виде сформировавшихся (несформировавшихся) правовых знаний, убеждений (предубеждений) субъекта права, мотивирующих его правомерную (неправомерную) деятельность. Правовая культура является сложным, целостным образованием со взаимосвязанными элементами. Поэтому, как следует из контекста работы, отсутствие или недостаточная развитость у субъекта права тех или иных компонентов правовой культуры превращает их в носителей правовой антикультуры. Последняя, согласно А. С. Бондареву, «есть сплав в правосознании и правовом поведении» субъектов права «противоположных его правовой культуре правовых элементов: незнания права, либо поверхностных, отрывочных правовых знаний, правовых предубеждений, отрицательных правовых установок, правовой пассивности, либо социальной противоправной активности» (С. 29).

Сложность этого социального феномена, полифакторность причин его порождающих, превращают борьбу с правовой антикультурой в России в чрезвычайно трудную задачу, для решения которой требуется всестороннее синхронное развитие как субъектов права, так и всех сфер общественной жизни (С. 48). В книге дается содержательное описание рациональных, чувственно-эмоциональных и других компонентов правовой культуры и субъектов права. Глубина изучаемой проблемы определяет основательность подхода автора к ее исследованию. Почти в каждом параграфе А. С. Бондарев предпринимает экскурсы в область философии, демонстрируя, таким образом, не только серьезную теоретическую фундированность своей работы, но, что особенно важно для автора этих строк, онтологическую и гносео-

логическую сопряженность правовой и философской культуры субъектов права. Достойно сожаления, что непосредственно философским основаниям правовой культуры и антикультуры в книге уделено недостаточно внимания. Между тем, очевидно, что базовые компоненты правовой культуры субъектов права (знания о природе, сущности права, социальной ценности права как формы бытия свободы и т. д.) зависят от их философской культуры. Если нормы права, как об этом пишет ученый, сегодня творятся «по методологии времен Древнего Рима на основе собственного здравого смысла и интуиции» (С. 74), то самый раз вспомнить Диогена, Платона и других античных мыслителей: «Мир благоденствует тогда, когда цари философствуют, а философы царствуют». На переломных этапах истории, в периоды цивилизационных кризисов человечество всегда обращалось к этой мудрости. Законы в России могут быть правовыми лишь тогда, когда сама власть, принимающая и применяющая их, философична. Впрочем, на наш взгляд, должна быть философичной вся система права.

Третья глава книги А. С. Бондарева посвящена анализу правовой антикультуры в области нормотворчества, реализации норм права и в правоприменении. Довольно обстоятельно автор анализирует проявление различных форм правовой антикультуры в указанных видах правовой деятельности. Для минимизации правовой антикультуры ученый предлагает разработать постоянно действующую научную систему правового воспитания российских граждан и, прежде всего, тех, кто занят правотворческой и правоприменительной деятельностью. Проблемы правового воспитания рассматриваются в четвертой главе работы. Здесь анализируются понятия: «социализация», «правовая социализация», «правовое воспитание». Правовое воспитание, по мнению А. С. Бондарева, представляет собой процесс организованного и целенаправленного воздействия агентов правовой социализации на их правосознание и правовое поведение. Правовое воспитание, как справедливо считает автор, должно быть целенаправленным (иначе оно не может быть эффективным), целостным (ибо правовая культура и антикультура представляют целостные образования) и централизованным. Государство организационно объединяет весь народ. Оно играет «первую скрипку» в правотворческом, правоисполнительном и в правоохранительном процессах. Поэтому, согласно А. С. Бондареву, государство должно играть главную организующую роль в правовом воспитании всех субъектов российского права (С. 139). Заслуживает одобрения предложение ученого создать «компетентный и авторитетный полномочный координационный

центр по правовому воспитанию россиян, который осуществлял бы свою деятельность в масштабах всей страны» (С. 140). В данной главе рассматриваются различные формы правового воспитания (пропаганда, обучение, практика); средства («каналы»), формы и методы правового воздействия. Этот раздел книги представляет интерес не только для юристов-теоретиков и практиков, но и преподавателей права (особенно молодых), поскольку автор, как представляется, очень профессионально описывает дидактическую технологию обучения (методика чтения лекций, проведение семинаров и т. д.).

В заключение хотелось бы высказать несколько замечаний концептуального плана. Пытаясь избежать довольно распространенной среди юристов ошибки «логического круга» в понимании правовых отношений, А. С. Бондарев усматривает их сущность в том, что они обеспечивают целостность и единство общества и потому имеют общегосударственное значение (С. 10). Думается, что подобная политизация правовых отношений ведет не только к сужению предмета, но и субъекта права, неправомерному исключению из него гражданского общества, сферой деятельности которого, судя по контексту работы, оказывается лишь правосвободное пространство (С. 11). С такой позицией трудно согласиться. Вообще, необходимо заметить, что природа правовых отношений, их онтологический статус и сущностное отличие от всех других общественных отношений является, как представляется, «узким местом» современной юриспруденции. Это проявляется и в позиции автора рецензируемой работы.

Похоже, что понятие «правовая антикультура» не без помощи А. С. Бондарева приобрело статус гражданства в науке.² Но в юридической литературе, да и в самой работе используется еще понятие «антиправовая культура». Из контекста книги А. С. Бондарева следует, что эти два понятия обозначают одни и те же правовые феномены. Возникает вопрос, почему автор отдает предпочтение понятию «правовая антикультура»? Какие методологические или теоретические основания для такого выбора? Эти вопросы почему-то обойдены в работе, хотя во всех других случаях А. С. Бондарев дает обстоятельный анализ близких по содержанию понятий, вводимых в теоретический дискурс. На наш взгляд, понятие «правовая антикультура» есть оксюморон (сочетание несочетаемого) как с точки зрения понимания сущности права (как важнейшего достижения человеческой культуры), так

² См.: Кузнецов О. А., Усманов Н. М. Объективные условия, оказывающие влияние на обновление и развитие правовой культуры ... С. 20 и след.

и с точки зрения сущности самой культуры. Более удачным, на наш взгляд, является понятие антиправовой культуры. К. Маркс отмечал, что для грабителя, не достигшего в своем развитии уровня финансовых операций, векселя и другие ценные банковские бумаги не представляют никакого интереса. По большому счету, это и есть проявление правовой, экономической и т. д. антикультуры. Но если человек не «созрел» до того, чтобы украсть вексель его, очевидно, нельзя отнести к носителям правовой антикультуры. В этой парадоксальности проявляется «алогизм» понятия правовой антикультуры. Чтобы украсть вексель, нужно обладать определенным уровнем культуры. Интернациональная группа мошенников, которая в 90-х годах прошлого века посредством фальшивых «авизо» «умыкнула» у государства миллиарды долларов, несомненно, такой культурой (в том числе и антиправовой) обладала. Еще более высокий уровень антиправовой культуры демонстрируют хакеры, кардеры, использующие современные информационные технологии для опустошения чужих банковских счетов. Антиправовая культура преступников свидетельствует о низком уровне их правовой культуры. Думается, не продуктивным является деление единой, целостной правовой реальности (правовой культуры) субъектов права на правовую культуру и правовую антикультуру. При таком подходе к носителям правовой антикультуры следовало бы отнести не только граждан с законоотрицающим, но и законопослушным правосознанием, ибо их поведение определяется не осознанием ценности права, а исключительно прагматическими соображениями (вред для субъекта права при нарушении им закона намного превосходит негативные последствия, когда закон не нарушается).³ Носителем правовой культуры в этом случае оказываются только граждане с законоодобряющим сознанием (и поведением). На наш взгляд (да и с точки зрения здравого смысла), носителем правовой культуры являются граждане как с законоодобряющим, так и законопослушным правосознанием (и поведением). Они отличаются лишь по уровню развития правовой культуры. Как представляется, ошибка автора заключается в понимании природы, сущности культуры.

В литературе существует более 500 определений культуры и специалисту непросто разобраться в тонкостях культурологии. Но между различными концепциями культуры есть нечто общее – культура всегда и всеми понимается как исключительно социальный феномен в противоположность природной (естественной) реальности, которая не есть культура (т. е.

³ См.: *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства. М., 2000.

представляет антикультуру). Субстанцией культуры является человеческая сущность. Субстанциональная сущность человека проявляется в деятельности, в труде. Деятельность является не только способом существования человека, но и способом его саморазвития и самовыражения. В этой связи культура как социальное явление выражает меру развития и способ реализации сущностных сил человека, проявляющихся в его деятельности и продуктах этой деятельности. Поскольку право регулирует наиболее значимые для существования и развития человека аспекты его жизнедеятельности в обществе, то правовая культура является важнейшим индикатором уровня развития человека и общества. Правовая культура характеризует уровень развития и степени соразмерности свободы и ответственности, проявляющийся в поведении индивидов. В отличие от правовой антикультуры, правовая культура есть целостное и самодостаточное явление. Правовая антикультура существует как компонент правовой культуры субъектов права, характеризуя уровень развития у них свободы и ответственности. Словом, и в логическом, и в онтологическом контексте эвристическая ценность понятия «правовая антикультура» не очевидна. В этой связи, сколь бы не были сильны творческие интенции ученого, он в своем исследовании все же должен чтить известный принцип У. Оккама «*Pluralitas non est ponenda sine necessitate*».

Высказанное замечание свидетельствует не столько о недостатках работы А. С. Бондарева, сколько о сложности и дискусионности исследуемых автором проблем. В целом книга А. С. Бондарева производит хорошее впечатление. Автор раскрыл «болевы́е точки» правовой системы современной России и показал направления и методы их терапии. Несмотря на небольшой формат, книга содержательна, информативна, написана хорошим научным языком, легко читается. Поэтому она может быть полезной не только профессионально подготовленным юристам, преподавателям и студентам юридических вузов, но и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами права, всем тем, кому не безразлична судьба нашей страны.

АСПИРАНТСКИЙ ВЕСТНИК

Ю. В. Субботин*

ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ИДЕИ Т. ГОББСА И Б. СПИНОЗЫ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

В отечественной историко-философской науке проблема соотношения учения Т. Гоббса (1588–1679) и Б. Спинозы (1632–1677) о естественном праве была в основном поставлена в работах известных юристов, философов и историков права XIX–XX века: Б. Н. Чичерина, О. Э. Лейста, В. В. Соколова, В. С. Нерсесянца и Ю. В. Перова.¹

В современной зарубежной политико-правовой мысли, представленной, в частности, работами Джозефа Даннера, Роберта П. Джорджа, Лоди Науты,² утвердилось мнение о том, что политическое учение голландского ученого сложилось под непосредственным влиянием естественно-правовой теории английского философа, у которого Спиноза почти без изменений заимствовал представление о естественном праве как *bellum omnium contra omnes* «войны всех против всех».

---

* Аспирант юридического факультета Северо-Западной академии государственной службы.

¹ См.: *Чичерин Б. Н.* Политические мыслители древнего и нового мира. М., 1898; *Лейст О. Э.* Учение Бенедикта Спинозы о государстве и праве. М., 1960; *Соколов В. В.* 1) *Философия Спинозы и современность.* М., 1964; 2) *Спиноза.* М., 1973; 3) *Человек, общество, государственность и культура у западноевропейских теоретиков естественного права XVII в.* // *История философии и вопросы культуры.* М., 1975. С. 260–291; *Нерсесянц В. С.* *Право и закон: из истории правовых учений.* М., 1983; *Перов Ю. В.* *Социальная философия Нового времени* // *Очерки социальной философии.* СПб., 1998. С. 14 – 50.

² *Dunner J.* *Baruch Spinoza and Western Democracy. An Interpretation of his Philosophical, Religious and Political Thought.* New York, 1955; *George R. P.* *Natural Law Theory: Contemporary Essays.* Oxford, 1992; *Nauta L.* *Hobbes on Religion and the Church between the Elements of Law and Leviathan: A Dramatic Change of Direction* // *Journal of the History of Ideas.* 2002. Vol. 63. № 4. P. 577–598.

Тем не менее политико-правовая доктрина Спинозы, опирающаяся на естественное право, отнюдь не исчерпывается данным постулатом, а во многом и противоречит воззрениям Гоббса.

В «Этимологиях» Исидора Севильского (VII в.), которые пользовались большой популярностью в раннее новое время как своего рода энциклопедическая сводка сведений по всем отраслям знания, «общее владение всеми вещами» по уже сложившейся в социальном учении церкви традиции полагается соответствующим тому, к чему побуждает естественное право: «*Ius naturale est commune omnium nationum, et quod ubique instinctu naturae, non constitutione aliqua habetur.*» («общее право для всех народов, которое же считается повсеместно установленным по побуждению природы, а не каким-либо постановлением»)³ Это положение в такой формулировке стало общеупотребительным в трудах ученых, придерживавшихся естественно-правовой концепции формирования общества.

Оно приведено в «Декретах» Грациана⁴ (составленных в 1139–1142 гг.), который считает нужным в пояснениях подчеркнуть, что естественное право, имеющее приоритет в происхождении и достоинстве, неизменно, неподвластно времени, поэтому все противоречащее ему в человеческих нравах и установлениях должно почитаться ничтожным и лишены основания (*vana et irritus habenda sunt*). Доминанта естественного права над позитивным правом рассматривалась под разными углами зрения, но в основном главенствовала точка зрения Блаженного Августина (конец IV – начало V в. н. э.), утверждавшего, что природное, естественное право является благом, порожденным для человека Господом и поэтому «небесное царство... и в делах, касающихся смертной природы человека, соблюдает закон, установленный человеческой волей настолько, насколько это допускается благочестием и религией».⁵ С точки зрения социальной проблематики, такая дефиниция показывает, что религия выступает организующим началом, заменяющим естественно-правовые принципы.

Огромный социально-культурный сдвиг, произошедший в сознании людей эпохи Возрождения и раннего нового времени, привел к изменению воззрений на человеческую природу и к новым истолкованиям мотивов жизненных интересов людей в конце XVI – начале XVII в. Поэтому разработка новых рационалистических взглядов на природу и человека, осуществлен-

³ Isidorus Hispaniensis *Epytomologiarum*. V. 4 // *Patrologiae cursus completus. Series Latina*. (PL). Paris. 1862. T. 82. Col. 199.

⁴ *Decretum Gratiani*. Dist. I. 6–7 // PL. 1861. T. 187. Col. 31.

⁵ *Герье В.* Блаженный Августин. М., 2003. С. 624.

ная учеными Нового времени, позволила не только сформировать основы светского «юридического» мировоззрения, но и вновь обратиться к идеям естественного права.

Концепция естественного права в правовой доктрине Спинозы явилась ключевой социологической концепцией XVII века. На формирование мировоззрения Спинозы в области естественного права несомненное влияние оказал его старший современник Гоббс, труды которого были хорошо известны Спинозе. Однако, отталкиваясь от положений теории Гоббса, Спиноза сформулировал свои собственные принципы, противопоставляя их в конкретных случаях доктринальным тезисам Гоббса.

И Гоббс, и Спиноза, исходя из одних и тех же предпосылок и используя одну и ту же методологию, тем не менее приходят к разным выводам, совпадая в отдельных аспектах. Центром правовой доктрины Спинозы стали естественно-правовые идеи, объединенные с теорией общественного договора. Общим началом учений Гоббса и Спинозы явилось утверждение, что индивидуумам от природы принадлежат личные права и свободы, причем часть их не отчуждается, а сохраняется обществом. Индивидуумы сознательно участвуют в создании общества посредством юридического акта – договора, заключаемого между индивидуумами и определяющего взаимное распределение между ними прав и обязанностей.

Уже в «Богословско-политическом трактате» Спинозы можно заметить отличие понимания голландским мыслителем естественно-правовых принципов от воззрений английского ученого. Так, например, Гоббс рассматривает естественный закон как «некое извечное требование человеческого разума», не совпадающее с естественным правом и даже в определенных моментах противостоящее ему.⁶ Спиноза же объединяет два феномена «естественный закон» и «естественное право» в одно понятие – «право и установление природы», что позволяет ему выставить естественное право одним из основных явлений всеобщей закономерности. Исходя из понимания человеческой природы, Спиноза выводил законы общественного устройства, которые покоятся на фундаменте человеческого разума.⁷

Как Гоббс, так и Спиноза рассматривали три основных вида естественно-правовых норм как методы, с помощью которых можно обосновать естественное право. Во-первых, это – «отличительная норма», которая определяет естественное право, как некий стандарт, выделенный из универсаль-

⁶ Гоббс Т. Избранные произведения: В 2-х т. М., 1965. Т. 2. С. 196.

⁷ Спиноза Б. Избранные произведения: В 2-х т. М., 1957. Т. 2. С. 203.

ной природы человека, с помощью которого он себя объективно воспринимает, во-вторых, это – «связывающая, или обязывающая норма», выполняющая функцию связи человека с богом, которая позволяет индивидууму как разумному созданию жить в согласии со своей природой и с универсальным порядком, установленным богом, в-третьих, это – «очевидная, проявляющая суть норма», которая определяет моральные установки естественного права, существующие издревле, то есть исторически.⁸

Гоббс и Спиноза считали, что из внешних исторических посылок нельзя выделить принципы естественного права и что сущность всякого права может быть выделена только из внутренней природы человека. А поскольку сущность всякой вещи состоит в ее стремлении сохранить свое существование и действовать согласно собственной природе, то для такой вещи, как человек, это означает сохранение жизни любыми средствами и стремление к максимуму удовольствий как выражению внутренней деятельности, помогающей выявить сущность человеческой природы, а также стремление к минимуму страданий как проявлению внешней активности, мешающей пониманию собственной сущности.

Методологическим принципом анализа естественного права (вслед за Гоббсом) Спиноза выбирает объективизм, выразившийся в требовании исследовать природу человека не такой, какой она должна быть в идеале, а такой, какова она в реальности. При этом Спиноза пошел дальше Гоббса, реализовав постулат дезантропоморфизации философии. Ведь некоторые ценностные категории – добро, красота, справедливость, которые появились в философской мысли как результат иллюзорной субъективизации и антропоморфизации действительности, были представлены Спинозой лишены объективного содержания. Однако, поскольку любая философская категория требует ценностной характеристики, то Спиноза, первоначально рассмотрев добро и зло, право и справедливость как субъективные формы воображения, затем разработал обоснование их объективного «существования» в действительности, например из несовпадения сущности и существования, из несоответствия законов «природы вообще» и законов «природы человека». Таким образом, метод «объективизма» служит способом конструирования абстрактных сущностей. В результате, естественное право предстало как идеал, сконструированный нормативный образец, на который должно ориентироваться позитивное право. Отсюда всего один шаг до выработки сознательно конструируемой модели идеального обще-

⁸ Catholic Encyclopedia. Vol. IX. N.Y., 2003. Col. 2995.

ственного порядка.

Представив концепции «естественного права» и «общественного договора» как теоретически истинные, Спиноза показал, что независимо от исторического происхождения государства и общества, они должны быть устроены таким образом, как если бы они основывались на добровольном согласии индивидуумов признать их неотъемлемые естественные права.

Исторически сложилось, что нормативное конструирование как метод актуализации и моделирования философско-правовых категорий оказалось востребованным и в наши дни, в отличие от тех преходящих идеальных построений («общественный договор», «оптимальная модель общества» и др.), которые разрабатывал Спиноза.

Однако в «Политическом трактате» Спиноза заменит понятие «общественный договор» формулировкой, согласно которой «гражданское состояние устанавливается по естественному ходу вещей для устранения общего страха и во избежания общих бед». ⁹ Так Спиноза отходит от положений Гоббса и переходит к стоическому естественно-правовому пониманию природы государства. Он сам пишет об этом : «...Различие между мной и Гоббсом... состоит в том, что я всегда оставляю в силе естественное право и что, по моему мнению, верховная власть в каком-либо государстве имеет не больше прав по отношению к подданным, чем в меру того могущества, которым она превосходит подданного, а это всегда имеет место в естественном состоянии». ¹⁰

Объем естественных прав, признаваемых неотчуждаемыми, у Гоббса и Спинозы не одинаков; у Гоббса в государстве индивидуумы вынуждены, вступая в него, отречься от всех прав, кроме права на жизнь и гражданский мир, а Спиноза утверждал неприкосновенность права на свободу мысли, совести и на публичное выражение своих убеждений. Без возможности реализовать свободу мысли, совести и высказывания невозможно существование морально здорового общества. Спиноза так высоко ценил духовную свободу граждан, что провозглашал ее главной целью государственного общежития. Он был убежден, что свобода как цель государственного общежития лучше всего проявляется в демократическом государстве, которое больше всего подходит к естественному состоянию, так как в подобном государстве каждый человек «переносит свое естественное право не на другого, лишив себя на будущее права голоса, но на большую часть

⁹ Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 2. С. 301.

¹⁰ Там же. С. 567.

всего общества, единицу которого он составляет».¹¹

Как теоретик естественного права, Спиноза глубоко поставил проблему человека как природного и общественного существа, как субъекта общества, государства и культуры, по-новому сформулировав понимание человеческой свободы, выявив зависимость жизни людей от материальных интересов и в этой связи введя в научный оборот ряд важнейших политико-правовых идей.

Несмотря на то, что концепция естественного права подверглась переосмыслению в XVIII–XIX веках, утратив статус универсальности, правовое наследие Спинозы, в частности его доктрина естественного права, вошло в сокровищницу политико-правовой мысли.

---

¹¹ Там же. С. 265.

О. Ю. Глухова*

ИНСТИТУТ ДИСПОЗИТИВНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ СВОБОДЫ

«Диспозитивность» как правовая категория привлекла особое внимание в середине 90-х годов двадцатого века, что объясняется особой заинтересованностью проблемами совершенствования правового статуса личности в демократическом государстве.

Чтобы понять сущность института диспозитивности, необходимо рассмотреть не только правовой аспект, но и определить то, что приняло эту правовую форму, т. е. следует раскрыть социальное содержание диспозитивности.

Социальным содержанием института диспозитивности выступает свобода лиц и их объединений в обществе – свобода, которой может пользоваться лицо или объединение лиц (индивидуальная свобода), производная от индивидуальной свободы, которая предопределяется уровнем достигнутой в обществе свободы. Поэтому следует раскрыть содержание и сущность социальной свободы.

В. П. Тугаринов охарактеризовал соотношение социальной свободы и индивидуальной как общее и отдельное, т. к. индивидуальная свобода складывается из: форм и степеней свободы действий, устанавливаемых общественным строем, государством, общественным мнением и т. д.; форм и степеней свободы выбора действий, определяемых, решаемых самой личностью непосредственно.¹

Фиксация социальной свободы производится не в какой-то одной, отдельной норме права (хотя бы и основного закона), но в большой и разносторонней по своему содержанию юридических норм, составляющих диспозитивный институт. Это происходит не в силу того, что социальная свобода и социальный долг не одинаковы по содержанию у различных субъектов права, но, прежде всего, в силу того, что весьма разнообразны те отношения, в которых социальная свобода и социальный долг находят свое осуществление.²

Поскольку каждой из сторон общественной жизни соответствует

---

* Соискатель кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина.

¹ Тугаринов В. П. Личность и общество. М., 1965. С. 67.

² Красавчиков О. А. Социальное содержание правоспособности граждан // Правоведение. 1960. № 1. С. 17.

определенная сфера свободы, социальная свобода представляет собой совокупность свобод: политической, экономической, личной и др.

Государство предоставляет позитивные права и свободы в самых различных областях общественной жизни. Разнообразны и общественные отношения, в которых может быть реализована социальная свобода, разнообразны направления свободной деятельности субъектов.

Свобода – категория многогранная, вот почему ее необходимо рассматривать в различных аспектах. Это, несомненно, должно способствовать правильному пониманию сущности такого правового института как диспозитивность.

Довольно широко известно определение свободы как осознанной необходимости. Познание законов действительности, законов общественного развития является одним из условий свободной деятельности личности и общества. Но эти законы сами по себе как объективные связи, отмечает В. Ф. Паркин, не делают свободными ни общество, ни личность, а только открывают возможность для такого действия.³ Данная возможность осуществляется, превращается в действительность посредством действий. Причем, реализуется, в конечном счете, только та возможность, которая совпадает с объективной необходимостью поступательного развития.⁴

С другой стороны, реализация необходимости предполагает существование различных возможностей, ведь и в самой объективной действительности заложены самые разнообразные возможности.⁵

Из связи «необходимость» и «свобода», «необходимость» и «возможность» вытекает связь «свобода» – «возможность». Следовательно, свободу можно выразить в виде определенных возможностей, обладателями которых являются отдельные лица или их коллективные образования. Свобода открывается только на основе возможного, т. е. возможности определяют свободу.⁶

Понятие свободы тесно связано с понятием свободы воли. Личность, кроме сознания, обладает волей, участвующей в принятии решения и его реализации посредством действий. Воля обусловлена объективными обстоятельствами, окружающей средой. Но эта детерминированность воли

---

³ Паркин В. Ф. Дialeктика возможного и действительного // Некоторые вопросы диалектики объективного и субъективного в развитии социалистического общества. Тула, 1969. С. 68.

⁴ Шубняков Б. И. Свобода общества и личности. Ярославль, 1967. С. 25.

⁵ Молчанова Т. И. Диспозитивность в советском гражданском праве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972. С. 12.

⁶ Там же. С. 25.

не означает того, что человек лишен свободы сознательного выбора в пределах объективно необходимого и возможного.

Исходя из связи свободы с волей человека, можно сформулировать логическую сердцевину понятия свободы. Итак, свобода есть возможность для человека мыслить и действовать не по внешнему принуждению, а согласно своей воле.⁷ Сказанное представляет психологический аспект, конкретизирующий философское понятие свободы. Свобода представляет собой избирательную деятельность, предполагает выбор определенного варианта поведения. Человек свободен тогда, когда он может выбирать и когда выбор определяется занятой им позицией. Но избирательный акт не является произвольным, рамки выбора обуславливаются объективной необходимостью.

Рассмотрение характеристики свободы (целесолагание, избирательность, активность), а также обуславливающие и сопутствующие ей явления (свобода воли, интерес) различными способами опосредствуются правом. Поскольку цели, интересы объективно обусловлены, а избирательность, активность, инициатива – неотъемлемые признаки свободы, возникает необходимость их учета в процессе правового регулирования общественных отношений, а именно, в процессе правового закрепления социальной свободы. А институт диспозитивности выступает таким средством правового закрепления социальной свободы.

Данная характеристика социального содержания института диспозитивности была бы неполной, если не подчеркнуть, что рассматриваемый институт не только особая форма проявления общих законов бытия, но и особый центр автономии и свободной деятельности человека, благодаря которому осуществляется его саморегуляция по отношению как к внутренней, так и внешней среде.

Принимая во внимание, что в рамках настоящего исследования нас интересует именно диспозитивность в праве, переводимая в различных интерпретациях как некая «свобода», возникает вопрос: как же «измерить» эту свободу, ее уровень, рамки, пределы?

Вполне очевидно, что свобода как определенное социальное состояние общества, как познанная и освоенная необходимость получает свое наибольшее концентрированное выражение именно в праве, в котором оно реально материализуется, объективируется, превращается в конкретные правовые институты. Именно по характеру права в данном обществе, по его развитости всегда можно судить о сущности и широте той свободы, кото-

⁷ Тугаринов В. П. Личность и общество. С. 61.

рую юридически признает и допускает государственная власть.

Право служит официальным мерилom действующей свободы, ее нормой, указателем границ должного и возможного. Вместе с тем оно является гарантией осуществления этой свободы, средством ее охраны и защиты. Еще Гегель рассматривал право как царство осуществленной свободы, реальное ее бытие. «Свобода бывает там, – писал он, – где господствует закон, а не произвол».⁸ Известны кантовские положения о праве как сфере свободы; в обеспечении внешней автономии личности он видел основную цель и назначение права.⁹ Пожалуй, только Лев Толстой, вопреки всему, считал право насилием над личностью.¹⁰

Без права, вне права свобода могла бы оказаться «пустым звуком», остаться нереализованной и не защищенной.

В современных условиях, когда Россия переходит к рыночным отношениям, расширяется, в частности, зона экономической свободы, что соответственно влечет за собой и расширение «правового поля» для этого. Уже действует ряд законов, призванных опосредствовать указанные процессы. Это – результат общей демократизации общества.

Конституция Российской Федерации провозглашает: «Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности». Гражданский кодекс закрепляет свободу договоров. Он, в частности, устанавливает, что коммерческие организации «могут иметь гражданские права и нести обязанности, необходимые для осуществления любых видов деятельности, не запрещенных законом».

Но здесь важно помнить, что «право – лишь минимум человеческой свободы».¹¹ При этом именно право является гарантией осуществления этой свободы, средством ее охраны и защиты. Именно в праве свобода получает необходимую опору и гарантию, а личность – возможность удовлетворения своего интереса.

Безусловно, главное в свободе – это возможность действовать в соответствии со своим выбором. Нет выбора – нет и свободы. Но выбор этот должен быть предопределен в цивилизованном обществе нормами права и морали, а также другими социальными регуляторами.

⁸ Гегель И. Ф. Философия права. М., 1990. С. 28.

⁹ Кант И. Сочинения. М., 1962. Т. 4. Ч. 2. С. 139 – 140.

¹⁰ Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. 2-е изд. М., 2000. С. 270.

¹¹ Бердяев Н. А. Философия первенства. М., 1990. С. 90.

Именно поэтому можно с уверенностью сказать, что правовые нормы и есть нормы свободы, но свободы юридически признанной, выраженной государством в виде законов и иных правовых актов.

Следовательно, можно сделать вывод, что институт диспозитивности находит свое выражение именно в праве, т. е. системе общеобязательных, формально определенных норм, которые выражают государственную волю общества, ее общечеловеческий и классовый характер.

Кроме того, для изучения правового аспекта института диспозитивности необходимо четко осветить саму категорию «диспозитивность».

В научной литературе одновременно используются два понятия: «диспозитивное» и «частное». Ряд авторов не проводят между ними различий, противопоставление таких начал невозможно, т. к. одно исключает другое.¹² Другие же ученые предпринимают попытки определенным образом их соотнести и выявить специфическое содержание каждого понятия.¹³

Термин «диспозитивность» происходит от латинского «dispono», что в переводе означает: «располагаю», «распоряжаюсь», «усматриваю», «допускаю выбор».¹⁴

В юридической литературе диспозитивность имеет множественное значение. Употребляются следующие «родственные», как бы смежные языковые выражения: а) принцип диспозитивности гражданского права;¹⁵ б) принцип диспозитивности гражданского процессуального права;¹⁶ в) принцип диспозитивности состязательного уголовного процесса;¹⁷ г) диспозитивный метод правового регулирования;¹⁸ д) диспозитивные нормы права;¹⁹

¹² *Сумачев А. В.* К вопросу о диспозитивности в уголовном праве М., 2002. С. 51–52.

¹³ *Андреева О. И.* Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве. Томск, 2000. С. 19.

¹⁴ Латинско-русский словарь / Под ред. И. Х. Дворецкого. М., 1976. С. 336.

¹⁵ См. например: Советское гражданское право. М., 1968. Т. 1. С. 26; *Толстой Ю. К.* Принципы гражданского права // Правоведение. 1992. № 2. С. 52; *Поляков И. Н.* Принцип диспозитивности в деятельности судебных и общественных юрисдикционных органов, рассматривающих дела: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1976. С. 25–26 и др.

¹⁶ *Боннер Т. А.* Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права. Учебное пособие. М., 1987. С. 36–38.

¹⁷ См. например: *Александров А. С.* Диспозитивность в уголовном процессе. Дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1995. С. 21; *Рогова О. И.* Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве. Дисс. ... канд. юрид. наук. Томск, 1994. С. 12–13; *Цыпкин А. Л.* О диспозитивности в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1958. № 3. С. 133, 166.

¹⁸ *Алексеев С. С.* Общая теория права: В 2-х т. М., 1981. Т. 1. С. 295.

¹⁹ Нормы советского права. Проблемы теории. / Под ред. М. И. Байтина, В. К. Бабаева. Саратов, 1987. С. 141.

е) диспозитивность как форма правового регулирования²⁰ и т. п.

Кроме того, термин «диспозитивность» употребляется для обозначения особого правового института, составляющего основу развития мировой системы права.²¹ Отдельные авторы говорят о диспозитивности как об «особом свойстве» и даже «качестве» права.²²

Дореволюционные и современные исследователи отмечали, что «диспозитивность» как юридическая категория в большей степени применима в области гражданского права и процесса.²³ Однако последнее время она становится объектом исследования и в науке уголовного права,²⁴ где ее рассматривают в различных аспектах – в основном как принцип либо метод правового регулирования. В общей теории права понятие «диспозитивность» не дается и не исследуется.

Однако диспозитивность не является категорией, присущей исключительно гражданскому праву или исключительно трудовому праву или только семейному праву. Чехословацкий ученый В. Несровнал отмечает, что элементы диспозитивности есть в ряде норм гражданского, уголовного, арбитражного и административного процессов.²⁵

Диспозитивность выступает общеправовой категорией. Свойство диспозитивности характерно для всех отраслей как публичного, так и част-

---

²⁰ Алексеев С. С. Социальная ценность права. М., 1971. С. 168.

²¹ Бедняков Д. И. Некоторые аспекты судебно-правовой реформы РСФСР // Советское государство и право. 1992. № 1. С. 25.

²² См. например: Молчанова Т. А. Диспозитивность и гражданско-правовой договор // Сборник научных трудов Свердловского Юридического института. 1972. Вып. 18. С. 15.

²³ См. например: Васильковский Е. В. Курс гражданского процесса. М., 1913. Т. 1. С. 368; Ванеева Л. А. Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права // Вопросы развития и защиты прав граждан. Калинин, 1977. С. 98–105; Боннер А. Т. Принцип диспозитивности советского гражданско-процессуального права. М., 1987. С. 35; Юридический энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1987. С. 107; Бояринцев В. И. Соотношение публичности и диспозитивности в советском судебном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. С. 13; Алексеев С. С. Частное право: научно-публицистический очерк. М., 1999. С. 36; Комиссарова Е. Г. Основные начала современного гражданского законодательства. Тюмень, 2000. С. 60 и др.

²⁴ Примером этого могут служить диссертационные исследования Роговой О. И. «Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве» (1994 г.); Александрова А. А. «Диспозитивность в уголовном процессе» (1995 г.); Масленниковой Л. И. «Методология познания публичного и частного (диспозитивного) начал в уголовном судопроизводстве» (2000 г.); Пономаренко С. С. «Диспозитивные начала в российском уголовном производстве» (2002 г.).

²⁵ Nesrovnal V. Vzťah dispozičnej zásady k neh dispozičnej zásady k nekorym typichy zasadam cyvilneho procesu, trest-neho arbitrazneho a administratívneho (spravneho) procesu // Pravni obzor. 1970. № 3. S. 31.

ного российского права.

Вполне очевидно, что диспозитивность в гражданском праве не тождественна диспозитивности в праве конституционном, также не тождественна она диспозитивности в праве уголовном. Юридическая конструкция диспозитивности, как основанной на законе свободы субъектов права осуществлять свои гражданские права по своему усмотрению, в каждой отдельно взятой отрасли права наполняется своим специфическим содержанием, адекватным предмету правового регулирования данной отрасли права.²⁶

Определение диспозитивности в гражданско-правовой литературе было дано О. А. Красавчиковым, который понимает ее как основанную на нормах данной отрасли права юридическую свободу, возможность субъектов гражданских правоотношений осуществлять свою правосубъектность и свои субъективные права по своему усмотрению.²⁷ По его мнению, диспозитивность есть правовая свобода уполномоченных лиц приобретать права и осуществлять их по своему усмотрению.

В науке частного и публичного права большинство ученых связывают содержание института диспозитивности со свободой волеизъявления участников правовых отношений.

В юридической науке выделяют материальную диспозитивность и формальную диспозитивность.²⁸ Под материальной диспозитивностью понимают юридическую свободу выбора поведения, содержащуюся в нормах материального права. Формальная диспозитивность представляет собой возможность по своему усмотрению распоряжаться средствами защиты материальных диспозитивных прав, закрепленную в нормах процессуального права.

Таким образом, диспозитивное начало предполагает свободу (право) распоряжения как материальными правами, так и процессуальными правами.²⁹ Наличие в данном определении и содержательного, и функционального моментов позволяет охватить все важнейшие стороны рассматриваемого правового явления. Содержательный момент диспозитивности означает

²⁶ Красавчиков О. А. Диспозитивность в гражданско-правовом регулировании // Советское государство и право. 1970. № 1. С. 43.

²⁷ Красавчиков О. А. Диспозитивность и регулирование имущественных отношений // Учение В. И. Ленина об экономической роли государства и современность. М., 1969. С. 68.

²⁸ См. например: Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М., 1914. С. 146–147.

²⁹ Строгонович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 89–90; Полянский Н. Н., Строгонович М. С., Савицкий В. М., Мельникова А. А. Проблемы судебного права. М., 1983. С. 11–12.

свободу распоряжения материальными правами, т. е. свободу приобретать, пользоваться и распоряжаться гражданскими правами. Другим элементом диспозитивности выступает свобода распоряжения процессуальными правами. В этом заключается ее функциональная роль.

Суммируя изложенные положения относительно юридического содержания диспозитивности в праве, можно определить ее понятие.

Диспозитивность – это основанная на нормах права юридическая свобода (возможность) осуществлять субъективные права (приобретать, реализовывать, распоряжаться) по своему усмотрению в пределах закона.

Анализ сущности института диспозитивности дает возможность выделить следующие признаки рассматриваемого явления.

Во-первых, посредством института диспозитивности субъектам права предоставляется свобода выбора варианта поведения, возможность действовать по своему усмотрению. Другими словами, данный институт дает субъектам возможность своей волей, по своему усмотрению определять условия их взаимоотношений, предоставляет свободу в выборе варианта поведения. Главное в характеристике института диспозитивности – та или иная степень свободы волеизъявления субъекта.

Во-вторых, рассматриваемый институт предоставляет возможность совершения по своему выбору не любых действий, а лишь юридических. «Юридическими действиями являются проявления вовне внутреннего состояния человека, с которыми нормы права связывают возникновение, изменение или прекращение юридических отношений».³⁰

---

³⁰ *Агарков М. М.* Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. 1946. № 4. С. 46.

С. А. Малько*
Д. С. Семикин**

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СУДЕБНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: СРЕДСТВА ПОВЫШЕНИЯ

Проведение в России судебной реформы способствует решению многих трудностей, связанных с осуществлением правосудия. Но, несмотря на это, проблема вынесения качественных и эффективных судебных актов продолжает оставаться неразрешенной. Особенно ярко это проявляется в сфере арбитражного судопроизводства, которое недавно стало выступать в качестве самостоятельного вида судопроизводства в нашей стране. Феномен неэффективности способствует подрыву авторитета судебной власти у населения, которое не верит, что суд может быстро и качественно восстановить их нарушенные права и законные интересы. Именно поэтому вопросы, касающиеся повышения эффективности судебных актов, требуют наиболее скорого разрешения.

Судебные акты выступают особой разновидностью правовых актов. Данную группу актов отличает особый субъект, их принимающий, – суд, орган независимой государственной власти. Правосудие, в том числе и в арбитражных судах, осуществляется от имени Российской Федерации, следовательно, судебные акты обладают государственно–властным характером. При этом понятие «судебный акт» можно трактовать как в широком, так и в узком смысле.

В широкое понимание судебных актов включаются решения, определения, постановления, а также распоряжения суда, требования, поручения, вызовы, т. е. сюда включаются как итоговые, так и организационно-функциональные, вспомогательные акты. Таким образом, судебные акты в широком смысле представляют собой правовые акты, исходящие от суда, обладающие властным характером, которые фиксируют итоговые, организационно-функциональные, вспомогательные действия органа судебной власти, направленные на достижение юридического эффекта.

В узком значении судебный акт – это правовой акт, принятый судом.

* Аспирант кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной академии права.

** Аспирант кафедры теории и истории государства и права Саратовского юридического института МВД РФ.

дом в установленном законом порядке, содержащий государственно–властное итоговое суждение по поводу рассмотрения и разрешения дела. Имеет смысл данный акт назвать судебно–правовым актом, ибо он в большей степени связан с результатами юридической деятельности суда, с его итогами. Далее представляется необходимым анализировать именно эти акты.

Прежде чем определять эффективность судебно–правовых актов в арбитражном процессе, необходимо определиться с общим понятием эффективности.

Под эффективностью понимаются различные явления: экономичность, оптимальность, полезность, результативность, целесообразность.¹ В философском аспекте эффективность представляется категорией, характеризующей целенаправленные действия; здесь отмечается связь эффективности с сознательной деятельностью людей.² Ю. А. Тихомиров под эффективностью понимает «мерило общественной практики».³ Ф. Н. Фаткуллин и Л. Д. Чулюкин находят в эффективности «внутреннее свойство», способность правовых установлений «оказывать благоприятное воздействие на объект в заданном направлении».⁴

В Большой Советской Энциклопедии прилагательное «эффективный» определяется как дающий эффект, приводящий к нужным результатам, действенный. Отсюда эффективность – результативность.⁵ Хотя имеются и противники определения эффективности через сопоставление цели и результата. Например, С. И. Комарицкий на примере эффективности правовой нормы раскрывает недостатки такого подхода.⁶ И все же, эффективность, как общая категория, видится в наступлении позитивных последствий в результате воздействия того или иного явления. Анализируя мнения различных ученых, мы пришли к выводу, что большинство правоведов так или иначе связывают эффективность с результативностью, что, на наш взгляд,

¹ См.: Лихолоб В. Г. Вопросы эффективности правоприменительной деятельности органов внутренних дел. Киев, 1980. С. 11; Андреев А. В. Финансово-правовые санкции. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1984. С. 15.

² См.: Андриющенко М. Н. Понятие эффективности и его философский смысл // Философские и социальные исследования. Л., 1971. С. 46–47.

³ См.: Тихомиров Ю. А. Понятие эффективности управленческой деятельности и условия ее достижения // Проблемы эффективности работы управленческих органов. М., 1973. С. 39.

⁴ Фаткуллин Ф. Н., Чулюкин Л. Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы. Казань, 1977. С. 22.

⁵ Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. М., 1957. С. 286.

⁶ См.: Комарицкий С. И. Эффективность исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы. М., 1991. С. 8–14.

вполне обоснованно, т.к. невозможно оценить эффективность действия того или иного юридического средства в отрыве от достигнутых результатов.

Как известно, судебнo–правовой акт является одним из элементов системы юридических инструментов, при помощи которых осуществляется правовое регулирование. Судебно-правовые акты взаимосвязаны и обеспечивают действие иных юридических инструментов, прежде всего норм права, юридических фактов, правоотношений, актов реализации прав и обязанностей. Исходя из этого, можно предположить, что все вышесказанное в отношении эффективности различных юридических инструментов в равной степени относится и к эффективности судебно-правовых актов. Так как любой судебный акт содержит в себе цели своего издания (даже если цели не указаны в тексте акта, то их можно вывести логическим путем из существа самого судебного акта). Мы считаем, что будет справедливо определить категорию эффективности судебно-правового акта через сопоставление целей его издания и достигнутых результатов. Таким образом, эффективность судебно-правовых актов достигается тогда, когда выполняются его цели, что, в свою очередь, приводит к достижению социально-полезного результата.

Для повышения эффективности судебно-правовых актов необходимо наличие определенных средств и условий.

Так, средство это прием, способ действия для достижения чего-нибудь.⁷

Условие – обстоятельство, от которого что-нибудь зависит.⁸

К таким средствам можно отнести: полное исследование судом доказательств; соответствие судебного акта установленным требованиям в АПК РФ; наличие института «самоконтроля»; возможность пересмотра судебных актов в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях.

Для повышения эффективности судебнo–правовых актов необходимо наличие определенных условий: наличие правового государства; совершенство деятельности службы судебных приставов-исполнителей; высокий уровень правовой культуры и правосознания населения; судебно-правовая политика государства и другие.

Кратко рассмотрим только средства повышения эффективности судебно-правовых актов.

Представляется, что одним из первых средств можно считать полное исследование доказательств. Полное исследование доказательственной

⁷ Ожегов С. Н. Словарь русского языка. 23-е изд. М., 1991. С. 758.

⁸ Там же. С. 837.

информации предполагает наличие доказательств, достаточных для вывода суда по делу, и оценку всех имеющихся сведений о фактах. Для обеспечения полноты исследования доказательств арбитражный суд должен исследовать все относящиеся и допустимые доказательства, представленные в суд. При этом суд может предложить лицам, участвующим в деле, представить дополнительные доказательства, если сочтет невозможным рассмотреть дело на основании имеющихся доказательств. Полнота исследования доказательств обеспечивается и тем, что все основания требований и возражений сторон должны поддерживаться доказательствами, что обеспечивает установление фактов, входящих в предмет доказывания. Так же полнота охватывает и анализ всех доказательств.

АПК РФ 2002 года закрепил правило, согласно которому арбитражный суд оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности.⁹ Только при полном исследовании доказательственной информации суд выносит законный, обоснованный и мотивированный судебный акт.

Как уже говорилось, при осуществлении правосудия арбитражные суды выносят различные судебные акты «в форме решения, постановления, определения» (ч. 1 ст. 15 АПК РФ), которые должны соответствовать требованиям, установленным ч. 3 той же статьи (законности, обоснованности и мотивированности). Все эти требования взаимосвязаны.

Судебный акт является законным в том случае, когда он вынесен при точном соблюдении норм процессуального права, а в необходимых случаях – и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к спорному материальному правоотношению.

Обоснованным актом следует признавать тогда, когда в нем отражены имеющие значение для данного дела факты, подтвержденные проведенными судом доказательствами. Также, когда он содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов. Обоснованность судебного акта предполагает и приведение в нем соответствующих мотивов.¹⁰

Мотивированность означает соответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела и имеющимся в деле доказательствам. Требования

---

⁹ См.: Ярков В. В. Арбитражный процесс. 2-е изд. М., 2003. С. 186 – 187.

¹⁰ См.: Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Г. А. Жилина. 2-е изд. М., 2005. С. 49.

ние мотивированности является составным элементом требования обоснованности судебного акта.

Также судебная практика обращает внимание на категории законности и обоснованности. Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О Судебном решении» говорится, что «решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права (часть 1 статьи 1, часть 3 статьи 11 ГПК РФ)...

Решение же является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (статьи 55, 59–61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов».¹¹

Помимо упомянутых в АПК РФ требований к судебно-правовым актам, в литературе предлагается довольно длинный ряд дополнительных требований (качеств), которым должны соответствовать акты арбитражных судов. Так, К. А. Лебедь указывает, в частности, на аналитичность, аргументированность, безошибочность, безупречность, безусловность, грамотность, категоричность, непротиворечивость, полноту, правильность, справедливость и другие.¹² Данные требования должны работать в совокупности с основными требованиями к актам суда.

Одним из способов проверки судебно-правовых актов и устранения судебных ошибок является контроль арбитражного суда за собственными актами. Но сначала определим, что же понимается под судебными ошибками. Так, «судебная ошибка – правовое последствие допущенного арбитражным судом отступления от целей и задач судопроизводства в арбитражных судах, установленное в процессуальном порядке уполномоченной судебной инстанцией».¹³ Как правовое последствие отступления от целевых установок арбитражного судопроизводства, судебная ошибка может рассматриваться в двух основных плоскостях: фактической и юридической. Факти-

¹¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О Судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 2. С. 11.

¹² См.: *Лебедь К. А.* Решение арбитражного суда. М., 2005. С. 74 – 75.

¹³ *Ефимова В. В.* Контроль в арбитражном процессе как способ устранения судебных ошибок: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 7.

чески судебная ошибка возникает в момент совершения судом действий, которые в соответствии с процессуальным законом являются неправильными или несвоевременными. Юридически судебная ошибка имеет место лишь после установления в процессуальном порядке наличия нарушения судом соответствующей нормы права.¹⁴

Например, для обозначения деятельности арбитражного суда по контролю за собственными актами, И. М. Зайцевым предложен термин «самоконтроль», который определяется как совокупность процессуальных действий, объединяемых единой целью – устранить в первой инстанции допущенные ею ошибки, просчеты, недочеты¹⁵.

Самоконтроль необходимо признать родовым понятием, обладающим следующими признаками: а) возможен в случаях, предусмотренных законом; б) используется для устранения очевидных ошибок, при отсутствии вины суда в их совершении; в) ошибки исправляются тем судом, который их допустил.

Самоконтроль в целом не может быть признан самостоятельной стадией.¹⁶ Но такой вид как первичный (собственный) пересмотр судебного акта обладает и признаком завершенности и определенностью своего места в системе чередования стадий. Место такой стадии – после вынесения судебного акта арбитражным судом первой инстанции, но до возбуждения производства по пересмотру дела в вышестоящем суде.¹⁷

Самоконтроль арбитражного суда первой инстанции означает, что «недостатки решения могут быть устранены судом, вынесшим его. Принятие дополнительного решения – это один из способов устранения недостатков решения арбитражного суда. Он направлен на устранение нарушения арбитражным судом требования закона о полноте решения суда».¹⁸

Так, арбитражный суд, в соответствии со ст. 178 АПК РФ, принявший решение до вступления этого решения в законную силу по своей инициативе или по заявлению лица, участвующего в деле, вправе принять дополнительное решение: 1) по какому-либо требованию, в отношении которого лица, участвующие в деле, представили доказательства, судом не было

¹⁴ См.: Там же. С. 17.

¹⁵ См.: Зайцев И. Самоконтроль суда первой инстанции в гражданском процессе // Российская юстиция. 1998. № 12. С. 18.

¹⁶ См.: Терехова Л. А. Пересмотр судом первой инстанции собственных постановлений // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 1. С. 20.

¹⁷ Там же. С. 23.

¹⁸ Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. Г. А. Жилина. С. 418.

принято решение; 2) суд, разрешив вопрос о праве, не указал в решении размер присужденной денежной суммы, подлежащее передаче имущество или не указал действия, которые обязан совершить ответчик; 3) судом не разрешен вопрос о судебных расходах.

Также, статья 179 АПК РФ говорит о разъяснении решения, исправлении описок, опечаток и арифметических ошибок, которые выносятся в виде определений. Основанием для разъяснения решения является неопределенность его резолютивной части, допускающая неоднозначное толкование и препятствующая исполнению решения.¹⁹ Под опиской понимается неправильное написание в решении слова, цифры, имеющих какое-либо значение для лиц, участвующих в деле, или для органов, исполняющих решение. Опечатка – такая же ошибка, допущенная при изготовлении решения при помощи технических средств: на пишущей машинке или на компьютере. Арифметическая ошибка – это ошибка, допущенная при подсчете, но никак не в результате применения методики подсчета.²⁰ Таким образом, самоконтроль (принятие дополнительного решения, разъяснение решения, исправление описок, опечаток и арифметических ошибок) является эффективным способом устранения допущенных арбитражным судом первой инстанции недостатков при вынесении решения.

Теперь рассмотрим кратко одно из последних средств – пересмотр судебно-правовых актов. Право на судебную защиту включает в себя не только право на обращение в суд первой инстанции, но и возможность обжалования незаконных и необоснованных актов суда. Апелляционное, кассационное и надзорное производство – при всех их различиях – в современном арбитражном процессе выполняют, по сути, одну и ту же общую функцию – осуществляют проверку принятых арбитражными судами решений, определений, постановлений. При этом главной задачей, равно как и судов первой инстанции, является защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов участников спора в сфере экономики.

Арбитражный суд апелляционной инстанции является единственной инстанцией, которая повторно рассматривает дело. Она проверяет полноту установления обстоятельств, имеющих значение для дела, доказанность этих обстоятельств, а также правильность оценки каждого доказательства и всех доказательств в их совокупности, соответствие выводов, указанных в судебно-правовом акте, обстоятельствам, которые суд счел

¹⁹ См.: Ярков В. В. Арбитражный процесс. М., 2003. С. 357.

²⁰ Там же. С. 358.

установленными²¹. Апелляционный суд проверяет судебные акты, как с фактической, так и с правовой стороны, по имеющимся в деле, а также дополнительно представленным доказательствам.²² Апелляционная инстанция арбитражного суда выполняет три цели – проверить законность и обоснованность не вступившего в законную силу судебного акта; не допустить вступление в законную силу и исполнение ошибочных судебных актов.

Арбитражный суд кассационной инстанции рассматривает лишь так называемые вопросы права, а не факты. Процессуальной целью кассационной инстанции является проверка законности обжалованных вступивших в законную силу судебных актов путем установления правильности применения норм материального и процессуального права судами первой и апелляционной инстанций без установления новых обстоятельств дела. Арбитражный суд кассационной инстанции при проверке правильности применения норм материального и процессуального права исследует только те доводы, которые изложены в кассационной жалобе и возражениях к ней.²³

Исключительной инстанцией по пересмотру судебных актов является надзорная инстанция. Главными целями надзорной инстанции являются – обеспечение дальнейшего развития процессуальных гарантий сторон, а также единство арбитражной судебной практики.

Президиум ВАС РФ проверяет решения, определения арбитражного суда первой инстанции, постановления апелляционной и кассационной инстанций,²⁴ которые нарушают единообразие в толковании и применении арбитражными судами норм права (ст. 304 АПК РФ). Такие судебные акты в основном подлежат отмене, дело передается на новое рассмотрение в соответствующий арбитражный суд, судебный акт которого отменен.

Анализ соответствующих норм АПК РФ дает основания для выводов о том, что деятельность всех судебных инстанций имеет глубокую внутреннюю связь, которая позволяет им выполнять возложенные на них обязанности, избегать излишнего дублирования и обеспечивать эффектив-

²¹ Там же. С. 519.

²² См.: Григорьева Т. А., Савельева Т. А., Струнков С. К. Арбитражный процесс (учебно-методический комплекс). М., 2006. С. 293.

²³ Там же. С. 309.

²⁴ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 18 июля 2006 г. № 2943/06 по делу № А 51-1082/2005-24-28; Постановление Президиума ВАС РФ от 25 июля 2006 г. № 2718/06 по делу № А 65-18187/2005-СГ 15; Постановление Президиума ВАС РФ от 29 августа 2006 г. № 5244/06 по делу № А 54-2509/2005-с 16 // Справочная правовая система Консультант Плюс и др.

ное правосудие.²⁵

Таким образом, в настоящий момент средства повышения эффективности судебно-правовых актов на теоретическом уровне до конца не разработаны, но все же имеются некоторые положительные результаты. Проблема эффективности таких актов является актуальной и привлекает внимание не только ученых, но и представителей исполнительной власти. Так, в распоряжении Правительства РФ от 04.08.2006 г. «О Концепции Федеральной Целевой Программы «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 годы» ставится цель – «повышение качества осуществления правосудия, совершенствование судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций».²⁶ Одним из приоритетных направлений Программы является повышение доверия к правосудию, в том числе за счет повышения эффективности и качества рассмотрения дел; повышение уровня исполнения судебных актов.

---

²⁵ См.: Полонский Б. Я. Сущность надзора в арбитражном процессе // Законодательство. 2004. № 12. С. 26.

²⁶ СЗ РФ. 2006. N 33. Ст. 3652.

ПЕРСОНАЛИИ

В. В. Меркурьев*

НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ КОЛОМЫТЦЕВУ – 60 ЛЕТ!

Николай Алексеевич Коломытцев родился 23 августа 1947 года. Окончил с отличием Уфимскую специальную среднюю школу подготовки начсостава МВД СССР, а затем – также с отличием два разных факультета Академии МВД СССР.

С 1966 года он служит сначала в Вооруженных силах СССР, а затем с 1971 года – в органах внутренних дел. Около 10 лет он проработал в учреждении Ш-320 МВД СССР на различных, в том числе руководящих, должностях.

Основными направлениями юридической деятельности Н. А. Коломытцева являются: педагогическая, учебно-методическая, воспитательная работа в вузах МВД СССР (РФ) и ФСИН России; проведение научных исследований, подготовка научно-педагогических кадров для борьбы с преступностью.

Н. А. Коломытцев – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный сотрудник МВД, почетный вице-президент Российской криминологической ассоциации, полковник внутренней службы. В настоящее время занимает должность начальника кафедры уголовно-исполнительного права Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний.

Николай Алексеевич является автором 118 научных и учебно-методических работ, в их числе три монографии, два учебника по криминологии (в соавторстве), 7 учебных пособий, научные статьи и учебно-методические

* Доктор юридических наук, заместитель начальника Владимирского юридического института ФСИН России, вице-президент Российской криминологической ассоциации.

труды, которые используются в учебно-воспитательном процессе вузов и практике правоохранительных органов страны. Наиболее значимые научные труды: *Личность особо опасных рецидивистов*. Учеб. пособие. Рязань: РВШ МВД СССР, 1991. – 2,5 п.л.; *Особо опасные рецидивисты в колониях и тюрьмах*. Учеб. пособие для учеб. заведений МВД России. Рязань: РВШ МВД РФ, 1993. – 6 п. л.; *Рецидивная преступность*. Глава 32 // *Криминология*. Учебник для юрид. вузов / Под общ. ред. А. И. Долговой. М.: Изд. Группа «Инфра», 2000. – 784 с.; *Особо опасный рецидив преступлений и борьба с ним*. Монография. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2005. – 19,3 п. л.; *Уголовно-исполнительное право России*. Общая и особенная части. Курс лекций (в соавторстве). Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2006. – 10,2 п. л.

Н. А. Коломытцева знает как специалиста в сфере противостояния рецидивной преступности и ее предупреждения. Им разработана частная теория уголовно-правового, криминологического и пенитенциарного рецидива, представленная в ряде публикаций, получивших высокую оценку.

Его научному становлению способствовали встречи и сложившиеся уважительные, дружеские отношения с видными отечественными учеными: А. И. Алексеевым, В. К. Бабаевым, В. М. Барановым, Л. Д. Гаухманом, А. Я. Гришко, М. П. Журавлевым, М. Н. Зацепиным, С. А. Комаровым, М. П. Киреевым, И. Я. Козаченко, В. В. Поповым, Г. М. Миньковским, А. Е. Наташевым, В. П. Ревиным, Н. А. Стручковым, М. П. Стуровой, А. Я. Сухаревым и другими.

Николай Алексеевич много внимания уделяет подготовке высококвалифицированных специалистов. Длительный период времени он готовил юристов высшей квалификации из числа сотрудников правоохранительных органов Афганистана, Болгарии, Вьетнама, Лаоса, Монголии, Республики Куба, Южного Йемена. У профессора Н. А. Коломытцева тысячи учеников, которые живут и работают в разных странах.

В 1991 – 1997 годах ученый входил в состав диссертационного совета в Рязанском институте права и экономики МВД РФ. С 2001 года и по настоящее время он участвует в работе диссертационного совета при Нижегородской академии МВД России.

Юбиляр занимается активной общественной деятельностью. В числе ведущих ученых и представителей органов власти он организует международные, общероссийские, межвузовские конференции, проводимые в Москве, Санкт-Петербурге, Владимире, Суздале и других регионах.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА

Основан в 1992 г., имеет государственную аттестацию и аккредитацию и осуществляет образовательную деятельность по 63 программам высшего, послевузовского, среднего профессионального и дополнительного образования. Вуз имеет филиалы в Бокситогорске, Кингисеппе, Норильске, Дудинке, Магадане, представительства в Москве и Ярославле.

В состав университета входят 13 факультетов:

естествознания, географии и туризма;

иностранных языков;

искусств;

истории и социальных наук;

коррекционной педагогики и специальной психологии;

математики, физики и информатики;

психологии и педагогики;

физической культуры и спорта;

филологический;

философии и культурологии;

химико-технологический;

юридический;

экономики и инвестиций.

В университете функционирует 40 кафедр: 36 из них на факультетах и четыре межфакультетские (педагогики, психологии, философии и социологии, иностранных языков).

Приоритетное направление в деятельности университета – подготовка специалистов для предприятий и учреждений Ленинградской области, в том числе для сферы образования. Университет активно содействует трудоустройству выпускников, способствует их профессиональному росту, принимает участие в повышении их квалификации.

Открыты новые направления в подготовке студентов по следующим

специальностям: *юриспруденция, изобразительное искусство, дизайн, прикладная информатика в экономике, химическая технология неорганических веществ, клиническая психология, лингвистика и межкультурная коммуникация, социально-культурный сервис и туризм.*

Высокое качество подготовки специалистов осуществляет профессорско-преподавательский состав университета (более пятисот преподавателей и научных сотрудников), 64,8% которых имеют ученую степень и звание, в том числе 16,6% – доктора наук.

Инфраструктура университета включает здания учебного, учебно-лабораторного и административного назначения, вспомогательные помещения, общежития для проживания студентов и сотрудников, санаторий-профилакторий. Материально-техническая база университета интенсивно развивается. Имеется высокопроизводительная структурированная кабельная сеть с оптоволоконными линиями связи, выход в Интернет, функционируют 26 компьютерных классов. Количество персональных компьютеров составляет более 500 единиц.

При университете работает центр повышения квалификации. В практику его работы внедрены сложившиеся традиционные и инновационные формы: *курсы профессиональной переподготовки; годовые курсы повышения квалификации; краткосрочные курсы повышения квалификации; проблемные курсы и семинары; авторские курсы и семинары; Школа Молодого Учителя.*

Работают три диссертационных совета по шести специальностям в области педагогики, психологии, истории, философии.

Научно-техническая библиотека университета, насчитывающая более 650000 книг, брошюр, периодических изданий, оснащена персональными компьютерами.

Успешно развивается международная деятельность университета – сложились партнерские связи с Педагогическим институтом г. Фрайбурга, Институтом немецкого языка г. Маннгейма (Германия), Мичиганским университетом (США), заключено соглашение о сотрудничестве с Балтиморским университетом (США). ЛГУ имени А. С. Пушкина приглашает с лекциями ведущих ученых из-за рубежа. Лучшие студенты и аспиранты ежегодно получают стипендии различных научных фондов и проходят стажировки в университетах Германии, Франции и США.

Организация учебного процесса в ЛГУ имени А. С. Пушкина полностью соответствует требованиям классического университета.

Наш адрес:

Россия, 196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10

*Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Ленинградский государственный университет
имени А. С. Пушкина»*

Телефон: (812) 466-65-58;

Факс: (812) 466-49-99

E-mail: pushkin@lengu.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРИСЫЛАЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Авторы присылают в редакционную коллегию:

1) текст статьи, набранный в программе Word в формате файла с расширением doc., на магнитном носителе.

Текст статьи в электронном наборе может быть выслан в редакционную коллегию по адресу электронной почты, при этом одновременно высылается справка об авторе (соавторах).

При наборе необходимо соблюдать следующие требования: сквозная нумерация страниц; сквозная нумерация сносок; сноски оформляются в соответствии с действующим ГОСТом.

2) текст статьи на бумажном носителе.

Статья на бумажном носителе должна быть подписана автором (соавторами).

3) справку об авторе (соавторах) с указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, должности, домашнего и служебного адресов и телефонов, адреса электронной почты.

Авторский оригинал статьи представляется в редакционную коллегию в двух идентичных вариантах: на бумажном носителе и в электронном наборе.

Если статья одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан известить об этом редакционную коллегию.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в Интернете.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Авторы диссертационных исследований присылают в редколлегию статьи вместе с рецензией научного руководителя.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Санкт-Петербургское шоссе, 10
e-mail: lenjurmag@mail.ru

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (9)

Редактор С. Ю. Крицкая
Технический редактор А. А. Романова
Корректор А. А. Романова
Компьютерная верстка Ю. Н. Борисова

Подписано в печать 2007. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Уч.-изд. л. 12
Тираж 1000 экз.

Отпечатано с готовых диапозитивов в
типографии Ленинградского государственного
университета имени А. С. Пушкина.
Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 25/А
Заказ № 188

